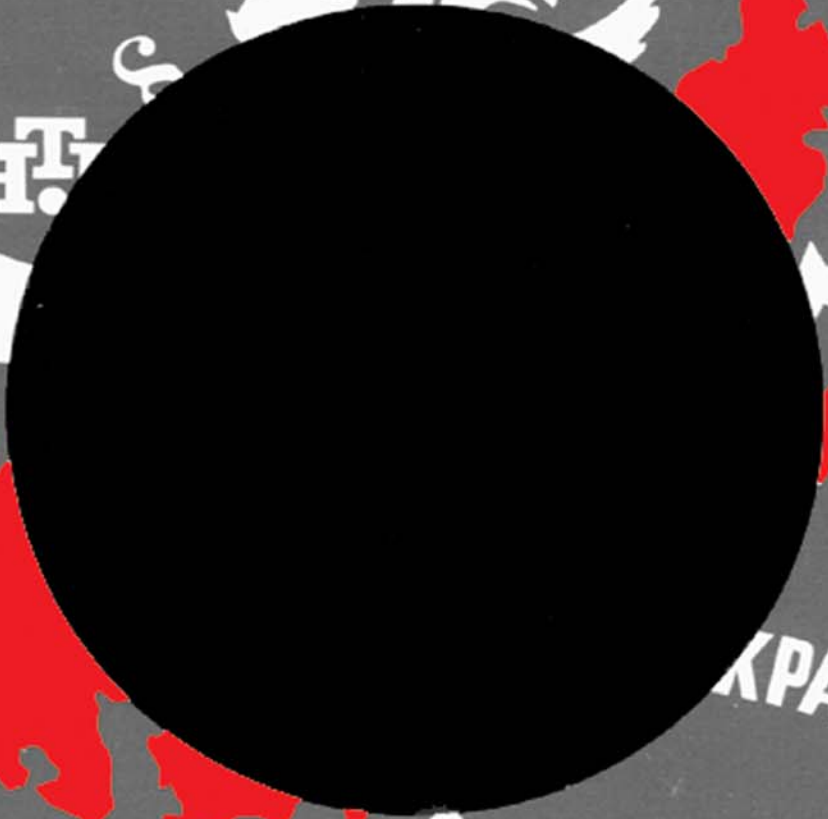

5

2017

РОССИЯ XXI

5. 2017 сентябрь-октябрь

Национальная доктрина

Салават Исхаков

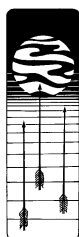
«Мы работаем не только на благо всего мусульманского мира, но и всего человечества»: мусульманское движение в Евразии в 1917 году __ **6**

Ярлыки и мифы

Владимир Корнеев, Ярослав Козлов

О финансовой стороне издания газеты «Правда» (март–май 1917 г.) _____ **42**

Пути духовных исканий

Олег Наумов

Октябрь 1917 года и генеалогическая культура русского дворянства _____ **72**

Страницы истории

Михаил Киселев

«По правам всего света»: легитимация дворцового переворота 1741 г. и проблема законности воцарения Елизаветы Петровны _____ **98**

Геннадий Костырченко

Брежнев и еврейский вопрос:
эмиграция и страсти вокруг поправки
Джексона–Вэника _____ **118**

Елена Жбанкова

«Напряженная динамика эпохи»:
танец – особая форма
идеологического и физического
воспитания первых
послереволюционных лет _____ **148**

Актуальный архив

Татьяна Филиппова

«... Для "Великой России" всего-то
понадобилось четыре гвоздя...»:
женские образы революции 1917 года
в отечественной журнальной
сатире _____ **170**

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук,
директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского
Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол
в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН,
преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой новейшей истории России Московского государственного
областного университета, главный специалист «Центра документальных
публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры
литературной критики факультета журналистики РГГУ, ведущий
научный сотрудник Института научной информации по общественным
наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований,
Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей
истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского
государственного лингвистического университета, директор Института
международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

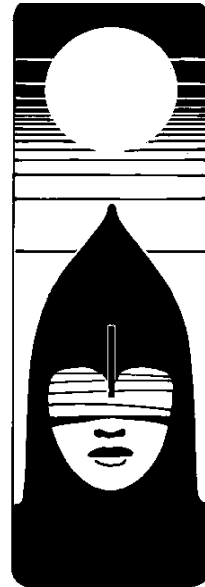
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

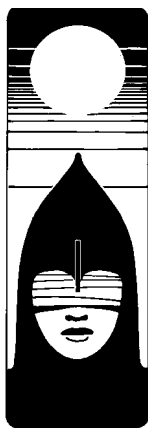
Каждый из нас рождается
в атмосфере идей и верований,
порожденной всеми
предшествующими
поколениями.

Джузеппе Мадзини

**Мы молимся не для того,
чтобы сказать Богу, что он должен
сделать, а чтобы Бог нам сказал,
что мы должны сделать.**

Августин Аврелий

Салават Исхаков

**«МЫ РАБОТАЕМ
НЕ ТОЛЬКО НА БЛАГО
ВСЕГО
МУСУЛЬМАНСКОГО
МИРА, НО И ВСЕГО
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»**

**МУСУЛЬМАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ЕВРАЗИИ В 1917 ГОДУ**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
329.3:297

Статья посвящена мусульманскому движению на территории Евразии в условиях Великой российской революции 1917 года, анализу его целей и лидерам, руководившим через Всероссийский мусульманский совет многомиллионным мусульманским населением Российской империи, ставшей в сентябре 1917 г. Российской Республикой. Особое внимание уделяется личности председателя этого Совета Ахмеду Цаликову, – теоретику и лидеру этого движения.

The article deals with the Muslim movement in the territory of Eurasia in conditions of the Great Russian revolution of 1917, analysis of this movement's goals and its leaders who led, through the All-Russian Muslim Council, the numerous Muslim population of the Empire which became the Russian Republic in September, 1917. A particular attention is devoted to the personality of Akhmed Tsalikov, the Chairman of the Council, the theorist and leader of this movement.

Ключевые слова: 1917 год; революция; гражданская война; Россия; ислам; мусульмане; мусульманское движение; Всероссийский мусульманский совет; А.Цаликов.

Key words: 1917; revolution; civil war; Russia; Islam; Muslims; Muslim Movement; All-Russian Muslim Council; A.Tsalikov.

E-mail: rusrevref@mail.ru

Мусульманское движение в Евразии в 1917 г. трактуется обществоведами по-разному: либо как национально-освободительное движение тюркских народов, исповедующих ислам, либо как панисламистское движение, либо вообще отрицается, подменяясь национальными течениями в созданных позднее советских союзных республиках, а после распада Советского Союза – в независимых государствах. Как и в советский период, в современной историографии национально-освободительного движения 1917 г. доминирует точка зрения, что внутри него шла борьба двух направлений – культурно-автономистского (унитаристы – сторонники парламентарной демократической республики с культурно-национальной автономией) и национально-территориального (федералисты – сторонники федеративного устройства с национально-территориальной автономией). В результате победило последнее, поскольку национальное чувство, как считается, оказалось сильнее религиозного и национальные (национально-региональные) движения взяли инициативу в разрешении национальных и религиозных проблем. Как и прежде, сторонники панисламистского движения исходят при описании событий 1917 г. из идеи панисламизма. Цель такого подхода – представить мусульманское движение в Евразии как один из потоков всемирного панисламизма, представлявшего угрозу российской государственности после падения самодержавия. Как и прежде, из большинства современных публикаций мало что понятно о подлинных намерениях политической активности мусульман Евразии, о целях, характере и сущности их единого движения в условиях революционного 1917 г. Цель данной статьи – рассмотреть, в чем заключалось мусульманское движение в Евразии в 1917 г., как происходила его эволюция, как в нем складывались новые идеи, кем были его лидеры.

Мусульманское движение в Евразии к 1917 г.

К 1917 г. мусульмане Российской империи представляли собой религиозно-культурную этнотерриториальную социальную группу. Это понятие означает прежде всего сообщество

людей, для которых одной из главных проблем было место их религии в российском обществе и ее функционирование. Немногие из них владели русским языком, немного знали русскую культуру, но душой принадлежали к мусульманству, считали себя наследниками многовековой исламской культуры и остро реагировали, когда власть проявляла неуважение к их религиозным чувствам.

Мусульманское движение в Евразии, целью которого являлось достижение равноправия народов, исповедующих ислам, возникло в конце XIX в., когда происходила массовая русификация и христианизация. Цель основателей общего движения мусульман, прежде всего И.Гаспринского¹, состояла в том, чтобы объединить элиты, представлявшие интересы различных регионов и народов. Это удалось, и в результате во время Первой русской революции появился Союз российских мусульман (СРМ), который выступал за действительное участие народных масс, в лице представителей его, в отправлении всех функций государственной власти: законодательстве, управлении и суде. Мусульманское движение развивалось в культурно-автономистском направлении, стремилось приобщить народы к мировой культуре, к духовному и культурному развитию мусульман как граждан российского государства, выступало за демократизацию религиозного и гражданского управления. В мусульманском движении сосуществовали два основных течения: консервативное во главе с И.Гаспринским и либеральное во главе с А.М.Топчибашевым² (возглавлял ЦК СРМ, но отошел от руководства к 1916 г.). Группа мусульманских социалистов была маловлиятельной, вообще революционеров-мусульман вплоть до 1917 г. было очень мало.

Мусульманское движение было противоречивым. Борьба между лидерами СРМ являлась отражением столкновения двух групп политической элиты: одна стремилась сгладить противоречия и создать единое мусульманское движение на всей территории империи, а другая – к отдельному развитию того или иного народа на основе его собственного языка. Но к национальной идее мусульманские массы в империи, как, впрочем, и их единоверцы в других странах, относились с полным равнодушием. Европейские понятия «национализм», «сепаратизм» в начале XX в. применительно к мусульманским общностям теряли всякий смысл, ибо мусульмане идентифицировали себя через веру и культуру.

Влияние русской революции на мусульманское движение

Начавшаяся в феврале 1917 г. в Петрограде русская революция открыла большие перспективы для всех евразийских народов, стремившихся к

¹ Гаспринский И. (1851–1914) – крымский татарин, просветитель, реформатор мусульманской школы, идеолог национально-культурного возрождения мусульман Евразии.

² Топчибашев А.-М. (1865–1934) – азербайджанец, депутат I Государственной думы, председатель парламента Азербайджанской республики (1918–1920). Эмигрант.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРАЗИИ В 1917 ГОДУ

свободе и равноправии. Перемена строя в стране была воспринята в мусульманской общественности с радостью. Когда 3 марта 1917 г. в газетах была напечатана декларация Временного правительства, содержащая пункт об отмене вероисповедных и национальных ограничений, то это вызвало незамедлительный отклик и среди мусульманского населения.

Мусульманское движение решили возглавить депутаты-мусульмане 4-й Думы, входившие в ее мусульманскую фракцию. Передав 8 марта правительству заявление в связи с опубликованной программой его деятельности, думцы в целом одобрили поставленные цели. Беспокойство у них вызывал лишь тот факт, что при проведении программы в жизнь могла сказаться неосведомленность русских общественных и политических деятелей об особенностях быта мусульманского населения. Поэтому депутаты считали необходимым указать правительству, чтобы при организации аппарата государственной власти оно обратило внимание на ведомства: министерства внутренних дел, юстиции, народного просвещения, военное, морское и земледелия, деятельность которых связана с мусульманским населением, и на регионы, где мусульмане составляют большинство населения. Думцы призывали правительство не повторять ошибок прежнего режима и руководствоваться не только партийной близостью к кабинету лиц, назначаемых на должности, но и тем, насколько они знакомы с бытом, языком и психологией этого населения. Объявляя себя единственной политической организацией мусульман, фракция заявила, что может назвать круг лиц, которые способны исполнять обязанности в интересах последних [23, с.121–122].

15–17 марта в Петрограде состоялось совещание мусульманской фракции и бюро при ней с приехавшими с мест делегатами мусульман, посвященное задачам, стоявшим перед мусульманством в связи со сменной властью и созывом Всероссийского Учредительного собрания (ВУС). Совещание проходило под председательством Ибн. Ахтямова³ (Уфимская губ.). В нем участвовали: председатель мусульманской фракции Думы К.-М.Тевкелев⁴ (Уфимская губ.), Г.Еникеев⁵ (Оренбургская

³ *Ахтямов Ибн. (1877–1941) – татарин, юрист, эсер, депутат IV Государственной думы, депутат Национального парламента мусульман Европейской России и Сибири (1917–1918).*

⁴ *Тевкелев К.-М. (1850–1919) – татарин, полковник, депутат I–IV Государственных дум.*

⁵ *Еникеев Г. (1864–1931) – татарин, педагог, депутат III и IV Государственных дум, член Временного комитета Государственной думы после Февральской революции 1917 г.*

губ.), члены бюро при фракции А.Букейханов⁶, А.-З.Валидов⁷, С.Г.Джантюрин⁸, Н.Курбангалиев⁹, И.Леманов¹⁰, А.Цаликов, М.Чокаев¹¹, а также представители мусульманского населения: москвичи Г.Байтерьяков¹², Г.Исхаков¹³ и К.Хасанов¹⁴, купец С.Шамгулов (Уфа), купцы Х.Агафуров (Екатеринбург) и Х.Яруллин (Петропавловск), представитель татар Туркестана И.Шагиахметов¹⁵ (Коканд), Н.Максудов¹⁶ (Троицк), казахи М.Бочтаев¹⁷ (Павлодар), М.-Я.Дулатов¹⁸ и Д.Сейдалин¹⁹, туркмен К.Бердиев²⁰ (Закаспийская обл.), крымские татары

⁶ Букейханов А. (1870–1937) – казах, депутат I Государственной думы, кадет, в 1917 г. председатель ЦК партии Алаш, председатель Алаш-Орды, депутат Всероссийского Учредительного собрания.

⁷ Валидов А.-З. (1890–1970) – татарин (по другим данным башкир), историк, депутат Национального парламента мусульман Европейской России и Сибири (1917–1918), депутат Всероссийского Учредительного собрания. Эмигрант.

⁸ Джантюрин С.-Г. (1864–1926) – казах, депутат I Государственной думы, депутат Национального парламента мусульман Европейской России и Сибири (1917–1918).

⁹ Курбангалиев Н. – татарин, юрист, депутат Национального парламента мусульман Европейской России и Сибири (1917–1918).

¹⁰ Леманов И. (1871–1942) – крымский татарин, востоковед, педагог.

¹¹ Чокаев М. (1889–1941) – казах, юрист, депутат Всероссийского Учредительного собрания, член Временного Народного Совета автономного Туркестана (1917–1918). Эмигрант.

¹² Байтерьяков Г. (1873 – после 1917) – татарин (по другим данным башкир), педагог, чиновник, депутат IV Государственной думы от Уфимской губ.

¹³ Исхаков Г. (1878–1954) – татарин, писатель, эсер, депутат Национального парламента мусульман Европейской России и Сибири (1917–1918). Эмигрант.

¹⁴ Хасанов К. (1881–1949) – татарин, педагог, депутат II Государственной думы, депутат Национального парламента мусульман Европейской России и Сибири (1917–1918).

¹⁵ Шагиахметов И. (1882 – после 1923) – башкир, юрист, публицист, в 1917 г. член Туркестанского краевого мусульманского совета, депутат Всероссийского Учредительного собрания, член Временного Народного Совета автономного Туркестана (1917–1918).

¹⁶ Максудов Н. (1882–1956) – татарин, педагог, преподаватель медресе. Эмигрант.

¹⁷ Бочтаев М. (1897–?) – юрист, член партии Алаш.

¹⁸ Дулатов М.-Я. (1885–1937) – поэт, писатель, уездный мировой судья, один из лидеров алашского движения, член РКП (б) с 1919 г.

¹⁹ Сейдалин Дж. (1877–1923) – юрист, просветитель.

²⁰ Бердиев К. (1890–?) – студент юридического факультета Петроградского университета, член Центрального туркменского комитета (1918).

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРАЗИИ В 1917 ГОДУ

С.Алимуллаев²¹, У.Боданинский²², А.Джемилев и М.Куртиев²³, представители двух мусульманских приходов Петрограда – муллы М.Бигеев²⁴ и Дж.Фахретдинов и др. Участники совещания решили организовать в Петрограде Временное центральное бюро российских мусульман (ВЦБРМ), в состав которого включить членов фракции, ее бюро и делегатов с мест. Перед этим бюро была поставлена задача подготовить не позднее 1 мая созыв всероссийского мусульманского съезда в Москве с участием всех мусульманских народов, придерживаясь при этом пропорционального представительства, привлекая представителей мусульманских общественных организаций (культурно-просветительных, благотворительных, студенческих и др.) и проект программы съезда [10; 20, 19 марта]. Участники совещания положили начало новому этапу мусульманского движения, которое с этого момента будет тесно связано с именем А.Цаликова, осетина-мусульманина.

Ахмед Цаликов

Его фамилия, порой с самыми различными и прямо противоположными эпитетами, довольно часто упоминается на страницах советских изданий и современных историче-

ских исследований. Как отмечалось в советской историографии, он до революции 1917 г. являлся видным деятелем меньшевизма; о нем довольно резко отзывался В.И.Ленин. После 1905 г. Цаликов становится одним из создателей теории мусульманского социализма, ставя целью, по мнению советских историков, создание мусульманского общества. Его политическая платформа состояла в том, что марксизм не применим к мусульманскому миру [14, с.487–488]. В другом коллективном труде его отнесли и к панисламистам, и к буржуазным националистам, и к туркофилам, и к сепаратистам, выступавшим за отторжение Кавказа от России и образование Северо-Кавказского мусульманского государства под эгидой Турции [12, с.419, 473, 489, 540]. Взгляды же Цаликова на ислам, на роль этой религии в обществе на самом деле не изучены, в его политической биографии все еще остаются большие пробелы и невыяс-

²¹ Алимуллаев С. (1882–?) – до 1918 г. житель Петрограда, крупный коммерсант.

²² Боданинский У. (1877–1938) – искусствовед, этнограф, художник.

²³ Куртиев М. – журналист, общественный деятель.

²⁴ Бигеев М. (1874–1949) – татарин, богослов, публицист, общественный деятель.

ненные обстоятельства, а целый ряд его публикаций, посвященных в том числе революционному 1917 г., еще не вошел в научный оборот.

Итак, Ахмед Тембулатович Цаликов (по-осетински Цалыккаты) родился 27 декабря [5, д.6204., л.1] 1882 г. в с. Ногкау (предместье г. Владикавказа) Терской области, окончил Ставропольскую мужскую классическую гимназию. Затем поехал получать высшее образование в центр империи. В 1900 г. он поступил на юридический факультет Московского университета, где участвовал в студенческом движении и увлекся революционными идеями, а вскоре вступил в РСДРП, стал меньшевиком и руководителем ряда студенческих кружков. В марте 1901 г. он был выслан из Москвы в г. Ставрополь под негласное наблюдение полиции. В феврале 1902 г. за участие в студенческих беспорядках он был арестован и приговорен к шестимесячному заключению, которое отбывал в уфимской тюрьме, но 22 июля 1902 г. в числе других участников этих волнений досрочно освобожден и вернулся из Уфы на Кавказ. В 1903 г. за революционную деятельность его выслали из Москвы на Кавказ, где он продолжил заниматься организацией социал-демократических комитетов в Терском крае и вести революционную работу в родной Осетии. Деятельность его вскоре охватила и Дагестан, и в результате был создан Терско-Дагестанский комитет РСДРП, а Цаликов стал членом социал-демократического комитета, который образовался во Владикавказе летом 1904 г., затем стал лидером меньшевиков в Осетии. В 1904 г., вернувшись в Москву, он был избран представителем от Московского университета на всероссийский съезд студентов в Киеве (нелегальный). В 1906 г. Цаликов сдал государственные экзамены и в марте 1907 г. получил диплом юриста. На короткое время он пробовал заняться адвокатурой, но вскоре вернулся к политической деятельности, координируя, в частности, деятельность Терско-Дагестанского и Северо-Кавказского союзов РСДРП, Владикавказского, Кубанского и Армавирского комитетов РСДРП. Прославился он тем, что выступил во Владикавказе за созыв беспартийного рабочего съезда и создание широкой классово-политической организации пролетариата накануне V (Лондонского) съезда РСДРП (1907 г.), за что подвергся критике со стороны Ленина. Цаликов сотрудничал в меньшевистских изданиях «Наше дело», «Возрождение» и др. [7, оп. 100, д.1704, л.5–6, 12 об.; 14, с.336–338; 15, с.20–21, 83]. В 1908–1910 гг. в Северо-Кавказском и Терско-Дагестанском союзах РСДРП обострилась внутривнутрипартийная борьба, а Цаликов, как сказано в коллективном труде осетинских историков, был лидером «ли-

квидаторского» течения, которое выступало против нелегальной партийной работы [13, с.45–46].

Это не так. Вот факты. В апреле 1908 г. он, находясь во Владикавказе, был обвинен в хранении нелегальной литературы, но ему удалось скрыться от полиции и уехать в Москву, где он прожил до лета, а затем ему пришлось вновь уехать. В июне 1909 г. его арестовали в Петербурге и отправили во Владикавказ, в ноябре 1909 г. его приговорили к годичному тюремному заключению. Приговор вступил в силу в марте 1910 г., и Цаликов отбывал наказание в армавирской тюрьме, откуда вышел на свободу в марте 1911 г. В Москву он вернулся в октябре 1911 г. За ним велось негласное наблюдение, согласно которому, в частности, 29 ноября 1914 г. он побывал в редакции московской газеты «Русское слово», 30 ноября – в редакции «Деревенской газеты» [6, оп.21, д.493, л.23, 28, 31; оп.44, д.74, л.1–6; д.5476, л.2–5; 7, оп.205, д.2508, л.1, 3, 7, 10, 11]. В московском журнале «Живое слово» в 1914 г. (№10) опубликована его восторженная статья «Памяти великого борца», посвященная К.Марксу [13, с.99]. Он печатался и в других столичных изданиях: «Раннее утро», «Утро России», «Вестник Европы», а также на Кавказе [См.: 21, с.415–502], затрагивая при этом и острые вопросы мусульманской жизни. В мае – сентябре 1915 г. Цаликов сотрудничал с либеральным московским журналом «Национальные проблемы». Кроме того, он автор нескольких книг о национальной политике царизма в отношении мусульманского населения империи.

В Москве он, будучи помощником присяжного поверенного, являлся, по данным полиции, издателем столичной мусульманской газеты «Сюз» (Слово), которая стала выходить с декабря 1915 г., но летом 1916 г. была закрыта властями, как обычно, ввиду «ее вредного направления». Цаликов стал членом созданного в Петрограде в феврале 1916 г. бюро (из нескольких экспертов-интеллектуалов, представлявших Северный Кавказ, Туркестан, Крым и Поволжье) при мусульманской фракции Думы. Он прибыл в Петроград в апреле 1916 г. и стал жить в д.10 по Саперному переулку, в котором жили многие знаменитости. Как только он оказался в Петрограде, за ним полицией было установлено наблюдение, согласно которому, в частности, 29 апреля он выступил на банкете, устроенном в Петрограде мусульманской фракцией в связи с 10-летием существования Государственной думы, в июне 1916 г. почти каждый день посещал квартиру, где жил И.Леманов [8, оп. 1, д. 3893, л.1–3, 5, 7–11, 14–20], который представлял Крым в бюро при мусульманской фракции. К весне 1917 г. Цаликов, прекрасно образованный, глубоко

разбиравшийся в разных гуманитарных дисциплинах, с ярким революционным прошлым, был не только теоретиком, но и опытным политиком, о чем кратко написал в 1917 г. так: вел жизнь революционера, «скитавшегося по тюрьмам тогда, когда многие господа, ныне пытающиеся творить политику, мирно плескались в лужицах обывательского благополучия» [11, 10 ноября].

**Политический центр
мусульман Евразии**

Под руководством Цаликова ВЦБРМ с первых дней своего существования приступило к собиранию сил, развертыванию политической работы в массах, т.е. решало и самые разнообраз-

ные вопросы текущей политики, пропаганды и агитации, издательской работы. Главным делом бюро был созыв съезда мусульман всей империи, в связи с этим им было подготовлено обращение к мусульманам России, где отмечалось: «...Нас, мусульман, миллионы, но как слабо звучит наш голос в стране, как ничтожен наш удельный политический вес... Всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право в учреждения местные и общегосударственные, возведенное новым правительством, должно явиться орудием нашего влияния на судьбы страны... Только полное и последовательное торжество демократии гарантирует нам полноту национально-культурного самоопределения... Нужно на местах создавать демократические мусульманские народные комитеты... Покрыть сеть таких комитетов все населяемые нами места и создать могучий союз мусульманской демократии».

Это обращение подписали члены бюро от Петрограда: М.Бигеев, У.Боданинский, Я.А.Мухлио²⁵ и А.Цаликов; от Уфы: А.-З.Валидов, С.-Г.Джантюрин, У.Терегулов²⁶; от Казани: С.Г.Алкин²⁷ и С.Максудов²⁸; от Крыма: М.Кипчакский²⁹ и И.Леманов (секретарь бюро); от Оренбурга:

²⁵ Мухлио (Мухля) Я.А. – литовский татарин, бухгалтер, в 1918 г. приехал в Крым.

²⁶ Терегулов Г. (1883–1938) – татарин, юрист, меньшевик, депутат Всероссийского Учредительного собрания, депутат Национального парламента мусульман Европейской России и Сибири.

²⁷ Алкин С.-Г. (1867–1919) – татарин, юрист, депутат I Государственной думы, кадет.

²⁸ Максудов С. (1878–1957) – татарин, юрист, историк, писатель, депутат II и III Государственных дум, депутат Национального парламента мусульман Европейской России и Сибири (1917–1918 гг.). Эмигрант.

²⁹ Кипчакский М. – крымский татарин, земский деятель..

Ш.Мухамедиаров³⁰ и К.Хасанов; от Троицка (Оренбургская губ.): Н.Курбангалиев; от Астрахани: Н.Мавлюмбердиев³¹; от Саратова: З.Енгальчев³², от Симбирска: И.Биккулов³³ [11, 7 июля]. Текст этого обращения, своего рода программы-минимум мусульманского движения, отразил, таким образом, взгляды этой группы представителей Петрограда, Поволжья, Урала, Крыма.

Одними из первых на это обращение откликнулись мусульмане в Петрограде и Москве. 24 марта состоялось первое собрание литовских татар Петрограда, на котором присутствовало большое количество представителей интеллигенции, в том числе мусульманок. На собрании был избран Временный комитет литовских татар во главе с А.М.Ахматовичем³⁴. 23 апреля в Петрограде был создан Временный комитет по организации Союза татар Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, который возглавил М.Полторжицкий³⁵ [11, 7 июля]. Следующей важной для понимания позиции членов ВЦБРМ публикацией стала статья «Наши задачи», в которой отмечалось, что революция выдвинула перед многомиллионным мусульманским населением России ряд чрезвычайно важных задач. «Из этих задач первой, основной является мобилизация всех живых сил мусульманского населения как для защиты завоеванных благ свободы, так и для участия в наиболее полной форме в государственном строительстве в целях реорганизации государственного строя России на основах свободы, равенства и братства народов... Формы нового государственного устройства России должны дать самый широкий простор для культурно-общественного и национального самоопределения мусульман» [10]. Этот текст был также общим заявлением бюро. В отличие от предыдущего обращения, указывавшего на национально-культурное самоопределение, в данном тексте провозглашалось культурно-общественное и национальное самоопределение, т.е. это понятие было

³⁰ Мухамедиаров Ш. (1883–1967) – татарин, юрист, публицист, эсер, депутат Всероссийского Учредительного собрания.

³¹ Мавлюмбердиев Н. (1886–1937) – татарин, публицист, литературный критик.

³² Енгальчев З. – татарин, общественный деятель.

³³ Биккулов И. (1884–1938) – татарин, педагог, публицист, депутат Национального парламента мусульман Европейской России и Сибири (1917–1918 гг.).

³⁴ Ахматович А.М. (1865–1941?) – литовский татарин, юрист, товарищ обер-прокурора Гражданского кассационного департамента Сената (1917 г.). Эмигрант.

³⁵ Полторжицкий М.И. (1886–?) – литовский татарин, юрист.

разделено на две части, с учетом различия в подходах мусульманских политиков относительно будущего своих народов.

Всероссийский мусульманский съезд в Москве Предложение создать единый для всего мусульманского народа страны парламент было озвучено Цаликовым от имени этого бюро во время Всероссийского мусульманского

съезда, который состоялся в Москве 1–11 мая 1917 г. Съезд остановился на следующих вопросах: форма государственного управления, аграрный, женский и рабочий вопросы, культурно-просветительные нужды, духовная организация, организация вооруженных сил, вопросы окраин и ряд организационных и тактических вопросов, связанных с предстоящими выборами в Учредительное собрание. В работе съезда приняли участие 900 делегатов – представителей всех мусульманских народов империи. Среди участников были почти все депутаты четырех государственных дум, много офицеров и солдат, около 300 мулл, группа мусульманок со всех концов страны (около 100, почти 3/4 из них студентки и выпускницы высших учебных заведений), которые впервые на съезде мусульман явились его равноправными участниками.

Цаликов, с именем которого связывают в историографии унитаризм среди мусульманских политиков, выступая на съезде 3 мая, сказал, что стремление к федерализму «есть лишь выражение роста унитарной идеи», практически же необходимо, фактически повторяя программу СРМ, «широкое областное самоуправление, как проявление самостоятельности общества». Разница между областным самоуправлением и федеративной автономией, по его мнению, состояла в том, что «при автономии встанет необходимость помимо общего парламента иметь еще вторую палату, в которой будет представительство от автономий», а между тем двухпалатная система излишня для защиты национальных интересов. Цаликов выступал за «создание национального культурного парламента мусульман в России, избранного на основах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, который был бы признан конституцией России как публично-правовой орган мусульманской нации», за «самую широкую децентрализацию областной России, но против территориального федерализма».

Касаясь распространенных в русском обществе обвинений мусульман в сепаратизме, Цаликов отверг их, пояснив, что «вряд ли

требует детального рассмотрения, вряд ли может существовать такая политическая группа, которая бы поставила на своем знамени отложение от России и создание самостоятельного мусульманского государства», для чего, по его оценке, «нет никаких разумных данных» ни в Поволжье, ни на окраинах [25, с.9, 12].

При этом он обоснованно считал, что российские мусульмане опередили другие мусульманские народы на пути прогресса, стали их «передовым форпостом» в Европе и пользовались такой политической свободой, которая дает возможность оказывать «огромное влияние» на ускорение процесса «возрождения великой культуры Азии». По его прогнозам, перед «российским мусульманством открывается величественная миссия – те блага культурного и политического возрождения, которыми мы пользуемся, распространить на весь мусульманский мир» [25, с.6, 8, 23, 24]. Здесь он имел в виду планы тех мусульманских политиков, которые сосредоточились вокруг него.

7 мая на съезде было проведено голосование по главному вопросу: за какое государственное устройство выступают мусульмане страны? Считается, что на съезде победили федералисты, так как большинство (446 голосов) участников съезда высказалось за идею территориально-национальной автономии; сторонников культурно-национальной автономии оказалось намного меньше (271 голос). Объясняется этот факт тем, что, во-первых, к тому времени идея федерализации страны, в основном благодаря эсеровской пропаганде, стала вытеснять культурно-автономистские планы в действиях политических элит всех народов России. Мусульмане не составляли исключения. Поэтому часть делегатов («федералисты» из Азербайджана, Башкирии, Казахстана, Крыма, Туркестана) выступили за национально-территориальное устройство; другие, ядро которых составила большая группа представителей татар Поволжья и часть делегатов Северного Кавказа, – за национально-культурную автономию. Во-вторых, тем, что расхождения между «федералистами» и «унитаристами» вовсе не носили идейно-теоретического характера. Успех «федералистов» объяснялся тем, что многие делегаты не придавали большого значения различиям между территориальной и культурно-национальной автономией.

Выступая на этом съезде еще с одним докладом «Мусульмане России и война», Цаликов, буквально повторяя недавнее заявление бюро, в частности, отметил: «Мусульмане России в огромном большинстве своем – демократия. И их политика может и должна быть политикой демократии. Но мусульмане остаются в то же время и мусульманами –

особой группой населения свободной России – и, как таковые, могут иметь общие мусульманские идеалы и интересы». Касаясь международных отношений, он высказался так: судьба дала «нам великую миссию протестовать против этого империализма – вписать новую страницу в политическую жизнь мусульманских народов». Делая это, «мы работаем не только на благо всего мусульманского мира, но и всего человечества. Мы протягиваем руку... рабочей демократии Европы... Нужно понять великое значение того союза, который сейчас создается на почве общности лозунгов рабочей демократии Европы и многомиллионного мусульманства». По мнению Цаликова, «только трудовая демократия Европы поддержит наш лозунг общемусульманского освобождения, потому что борьба с империализмом, которую ведет в настоящее время рабочий класс, в реальном результате должна иметь прежде всего освобождение мусульманских стран от опасности раздела и от эксплуатации европейского капитала» [24, с.14–15]. Это заявление показывает, что Цаликов и его соратники хотели наладить взаимодействие с европейскими социалистами, с представителями рабочих партий и организаций, объединить их с представителями мусульманского Востока с целью распространить свое влияние на всем евразийском пространстве.

11 мая, в последний день работы, съезд выбрал Всероссийский мусульманский совет (ВМС) из 30 человек, избравших свой исполнительный комитет (Икомус по принятой тогда аббревиатуре) в составе 12 лиц с пребыванием в Петрограде. В состав ВМС и его исполкома из 17 членов ВЦБРМ вошли семеро: Бигеев, Боданинский, Валидов, Леманов, Максудов, Мухамедиаров, Цаликов. Председателем ВМС был избран Цаликов, он же управлял исполкомом и, естественно, влиял на принятие решений ВМС. Именно эту семерку интеллектуалов-мусульман можно обоснованно отнести к руководителям мусульманского движения в Евразии: они анализировали текущую ситуацию в стране, предлагали идеи, решения, конструировали внутреннюю и международную политику ВМС, воплощали по мере своих возможностей в жизнь задуманное.

Цаликов также стал главным редактором петроградской газеты «Известия Всероссийского мусульманского совета», которая начала выходить с 30 июня вместо «Известий ВЦБРМ». Газета была ярким примером объединения интеллектуалов, представителей разных мусульманских регионов и народов. Перу Цаликова принадлежит ряд статей,

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРАЗИИ В 1917 ГОДУ

большая часть которых была без его подписи, но по его яркому стилю сразу видно, что писал именно он.

В мае Цаликов, по свидетельству члена Петербургского комитета РСДРП(б) Г.И.Сафарова (Вольдина), являлся правым меньшевиком [22, с.165], лидеры которых поддержали Временное правительство. После съезда Икомус обратился к правительству с просьбой по всем вопросам, касающимся мусульман, контактировать с ним как «единственным политическим центром всего мусульманского мира России» [20, 30 мая; 3, 21 июня].

В конце мая Икомус делегировал своих представителей в Петроградский совет крестьянских депутатов, в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (им был Цаликов), в Комиссию по духовным делам при Департаменте иностранных исповеданий МВД и др. Чтобы наладить отношения с новой властью, Икомус ходатайствовал перед президентом Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (3–24 июня 1917 г.) о принятии в состав ВЦИК всех 12 членов Икомуса. «Считая создающийся центральный орган верховным органом революционной российской демократии», Икомус «находит свое активное участие в нем необходимым как в целях успешного разрешения вопросов необъятных восточных окраин, со своеобразным и чуждым европейцам населением, так и в целях вовлечения населения этих окраин в общий водоворот революционного строительства новой, свободной России». ВМС «является организацией трудовых масс. Интересы многомиллионного мусульманского крестьянского населения и зарождающегося рабочего класса – вот что прежде всего защищает Всероссийский мусульманский совет». ВМС – это «единственный политический руководящий центр мусульманских народностей, опирающийся на сотни своих фили-

альных отделений на местах». Чтобы «идти в полном согласии с революционной демократией по пути общей защиты России от гибели и развала», Икомус «находит свое вхождение» в состав этого центрального органа России «настоятельно важным» [17, с.189.], но включение членов Икомуса в состав ВЦИКа не произошло.

Тем временем состав ВМС продолжал пополняться представителями мусульманского населения. 13 июня Временный Закавказский исполком решил направить в ВМС от Баку, кроме Ф.Хан-Хойского³⁶, помощника присяжного поверенного М.Векилова³⁷, а также одного делегата от Елисаветполя и одного от Эривани и Тифлиса. В конечном итоге от Кавказа в ВМС вошли Хан-Хойский, в Икомус – А.Шейхульисламов³⁸ и Векилов, который прибыл в Петроград в октябре 1917 г. Акмолинский областной исполком избрал своим представителем в ВМС С.Джанайдарова³⁹.

Отношения ВМС с Временным правительством

Во время очередного правительственного кризиса и событий 3–5 июля 1917 г. в Петрограде, когда в столице произошли массовые демонстрации с требованием отставки

Временного правительства и передачи всей власти Советам, вечером 3 июля состоялось частное совещание мусульманских политиков, на котором был поднят вопрос о необходимости принятия мер к тому, чтобы добиться включения в реорганизуемое коалиционное правительство представителей мусульманских народов страны. 4 июля состоялось заседание исполкома ВМС с участием членов ВМС. Было решено требовать включения в состав коалиционного правительства представителей от мусульман, и была направлена делегация для переговоров с правительством. Во время почти часовой встречи с членами делегации глава правительства кн. Г.Е.Львов заявил членам делегации, что он в принципе согласен с их предложением, поинтересовался, какие кандидатуры выдвигаются. После этого разговора мусульманские

³⁶ Хойский Ф.Х. (1875–1920) – азербайджанец, депутат II Государственной думы, кадет, в 1919 г. возглавлял правительство Азербайджанской республики.

³⁷ Векилов М.-А. (1896–1965) – азербайджанец, юрист, депутат парламента Азербайджанской республики, министр внутренних дел ее (1920 г.). Эмигрант.

³⁸ Шейхульисламов А. (1891–1961) – азербайджанец, министр земли и труда правительства Азербайджанской республики (1918 г.), член ее парламента. Эмигрант.

³⁹ Джанайдаров (Жанайдаров) С. (1884–1929) – казах, юрист, член партии Алаш.

политики обсудили кандидатуры. Во время этого совещания Цаликов заявил, что самым подходящим на первое время требованием для мусульман являлся бы пост министра государственного призрения. В итоге участники совещания решили добиваться предоставления постов министра государственного призрения и заместителей министров просвещения и земледелия. На должность министра государственного призрения были предложены пять кандидатур, в том числе Цаликов. После голосования остались две кандидатуры, включая Цаликова. Таким образом, он мог стать министром социального обеспечения коалиционного правительства [17, с.199–201]. Хотя вскоре Львов ушел в отставку, лидеры мусульманского движения не потеряли надежды на вхождение в правительство, надеясь на меньшевистских лидеров.

Не случайно в редактируемой правым меньшевиком А.Н.Потресовым газете «День» 13 июля было опубликовано обращение исполкома ВМС «К мусульманам России!», составленное, судя по стилю, Цаликовым. В нем было сказано: «Наша участь связана неразрывно с судьбой революционной демократии страны, и наше сознание говорит, что все мы должны сплотиться прочной силой вокруг того, что носит название правительства спасения революции... Долг каждого из нас – укреплять всеми средствами революционное правительство, и тогда мы получим все или, если падет правительство, лишимся всего».

24 июля было сформировано новое коалиционное правительство, в котором не было представителя ВМС, предложения мусульманских политиков вновь не были реализованы. Тщетность этих усилий стала очевидной для них, что сказалось и на мусульманском движении. 22 июля 1917 г. в Казани на объединенном собрании участников трех всероссийских съездов (военного, мусульманского и общего) была провозглашена национально-культурная автономия мусульман Европейской России и Сибири, были созданы органы проведения ее в жизнь: Национальный парламент и Национальное управление (правительство), состоящее из трех ведомств (просвещения, финансов и религии), а также Коллегия по осуществлению культурно-национальной автономии мусульман внутренней России.

Оценивая итоги 2-го Всероссийского (общего) мусульманского съезда в Казани, Цаликов писал, что здесь было решено идти в избирательной кампании в Учредительное собрание с социалистическими партиями. «И на первый взгляд это решение съезда может показаться неожиданным, если принять во внимание социальное

Национальная доктрина

многообразие мусульманского блока, отсутствие у него единого социального лица. Но в данное время причины национального и политического характера затушевывали остроту социального антагонизма и дали революции опору в 30 миллионах граждан-мусульман» [11, 11 августа]. В результате эсеры получили большое количество голосов избирателей-мусульман на выборах, а до этого о каком-либо реальном влиянии социалистов на мусульманские массы не было и речи. Во время этой избирательной кампании крымские меньшевики, получив указания своего ЦК, даже включили Цаликова в один список с такими своими лидерами, как М.Г.Церетели, Ю.О.Мартов [18, с.669–772]. Однако в конце концов Цаликов вошел в другой список – Мусульманского социалистического комитета в Казани. Таким образом, во главе мусульманского движения встал мусульманский социалист, который, однако, был против большевиков, воспринимавшихся руководителями этого движения как носители смуты.

Была и другая угроза. ВМС сыграл важную роль в предотвращении похода воинских частей на Петроград под командованием верховного главнокомандующего русской армии генерала Л.Г.Корнилова, который отводил Кавказской туземной конной дивизии роль главной ударной силы.

А.Цаликов (1) среди военных Кавказского туземного конного корпуса у здания Соборной мечети. Петроград. Начало сентября 1917 г.

**Отношение мусульман
к русской революции**

Сдвиги в настроениях мусульманской общественности, в позиции самого ВМС под влиянием революционной ситуации в стране отчетливо отражены, в частности, в

статье Цаликова, посвященной итогам 6 месяцев революции: «Полгода беспримерной внутренней встряски при напряжении всех сил и средств. ...Развал армии и поражения на фронте, а внутри страны кровавое зарево гражданской войны. Тягостное чувство неоправдавшихся надежд и полная неуверенность в завтрашнем дне. Таковы итоги». Касаясь настроений мусульманского народа, Цаликов отметил: «Можно удивляться той беспримерной лояльности, тому тяготению к русской государственности, которое обнаружило мусульманское население, более чем какое-либо другое инородческое население, подвергшееся издевательствам и насилиям царских опричников. Можно удивляться тому отсутствию центробежных сил на мусульманских окраинах, которые, казалось бы, должны были получить огромное развитие, как только был свален тяжелый камень самодержавия, давивший народы России и в особенности мусульман... Революция заставила мусульманские народности забыть все прошлое и объединиться в общем чувстве, в общей заботе о благе государства с таким трудом добытых свобод. Русское общество и русская печать не в достаточной степени оценивают ту позицию, которую заняло в переживаемый момент мусульманское население России, и какими чреватыми для государства последствиями могло бы сопровождаться изменение этой позиции» [11, 8 сентября].

Цаликов, в сущности, писал здесь о том, что в условиях революции стал проявляться, с одной стороны, массовый мусульманский патриотизм, с другой, – региональный ирредентизм. Причиной последнего являлось, главным образом, возникшее противоречие между новой властью, которая, как и русское общество в целом, не понимала своих сограждан-мусульман и не хотела считаться с их волей, что, конечно, ослабляло их поддержку центрального правительства и усиливало влияние региональных политиков.

**ВМС и проблемы управления
страной**

Что предлагалось со стороны ВМС для стабилизации управления обществом? В передовице «Известий ВМС» 15 сентября поднимался во-

прос о том, как создать «твердую» власть: «Для этого нужно найти источники власти», которые, отмечалось далее, одни видели в Государственной думе, а другие, «левое крыло демократии», – в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. И то и другое решение вопроса, по оценке ВМС, было неприемлемо для мусульман России. «Есть средний путь между двумя вышеуказанными крайними точками. Это путь *единения всей демократии страны* – единственно правильный путь. На этом пути и нужно искать обновление власти и создание ее твердости и несокрушимости. Этот путь – путь государственного благоразумия и путь спасения страны...». Данные рассуждения иллюстрируют, что руководство мусульманским движением выступало за единение мусульманских народов в рамках общего с другими народами государства.

С другой стороны, ВМС постоянно призывал мусульман к активной политической жизни. В очередном обращении к ним, опубликованном 15 сентября в этой же газете, было, в частности, сказано: «Вместе с русской демократией мы должны воздвигнуть величественное государственное здание, на фронтоне которого должно быть написано "Свободная Россия свободных народов". Право самоопределения народностей – вот то священное право, которое на своих гребнях вынесли бурные революционные волны... Мы должны принять все зависящие от нас меры». Критика обращена к мусульманской общественности, которая была недостаточно политически активна, с точки зрения руководства ВМС.

17 сентября, выступая на Всероссийском демократическом совещании в Петрограде (14–22 сентября 1917 г.), Цаликов указал, что, когда упоминается ВМС, «большинство русских граждан думает, что здесь объединение на религиозной почве, они думают, что мусульманство противопоставляется христианству». В действительности, объяснял Цаликов, «под мусульманством мы подразумеваем ту великую историческую культуру, которая вписала славные страницы в историю всей человеческой культуры... Мы хотим, оставаясь на почве древней культуры, приобщиться к современной культуре великих завоеваний человечества. Мы хотим идти... своим собственным путем к великим общечеловеческим целям». Он отметил, что революционная демократия к мусульманам страны «относится в большинстве случаев отрицательно». «Мне кажется, – говорил он, – что здесь сказывается... странное пренебрежительное отношение к народам Востока», которых по-прежнему считают «людьми низшей расы». Цаликов указал, что

требования мусульман минимальны – создание сильной власти, опирающейся на широкие демократические массы. Все свои требования они представляют в Учредительном собрании. До тех пор их представители выступали, во-первых, с предложением образовать при правительстве Секретариат по мусульманским делам во главе со статс-секретарем (в ранге товарища министра), во-вторых, создать Предпарламент, поскольку голос мусульман был «не слышен» в революционных организациях, в которых они представлены не в достаточном количестве. И потому Предпарламент – это единственная возможность довести до сведения русского народа нужды мусульманского населения [17, с.347]. Данные рассуждения показывают ценностные опоры идейных построений мусульманских демократов и социалистов, возглавлявших мусульманское движение в Евразии и учитывавших при этом опыт западных стран.

Правительственный чиновник-мусульманин появился во Франции и Англии во время Первой мировой войны, когда в этих странах пришлось для упрочения центральной власти перестроить ее аппарат. Не имея ведомства и определенного круга дел, такой чиновник служил залогом того, что интересы мусульманского населения будут учитываться при проведении тех или иных мероприятий. Так была решена проблема упрочения власти западноевропейскими союзниками России. Представитель мусульман страны как полноправный член кабинета должен был, как считал ВМС, участвовать в разрешении всех вопросов управления страной, являясь проводником правительства среди мусульман.

22 сентября собрание делегатов национальных организаций, обсудив вопрос о распределении 27 мест, предоставленных им во Всероссийском демократическом совете, который был создан на совещании, решило предоставить ВМС 4 места. Собравшись вторично, участники собрания предоставили список лиц, избранных в члены этого Временного совета Российской республики (Предпарламента). Делегация ВМС избрала Цаликова в числе своих представителей [17, с.347]. Цаликов стал, таким образом, государственным деятелем провозглашенной 1 сентября 1917 г. Российской Республики, чтобы на таком уровне заниматься проблемами мусульманского народа. Это был тот самый средний путь, о котором недавно заявил ВМС, необходимый для демократизации жизни мусульман.

На совещании участников Предпарламента 23 сентября было принято предложение об издании декларации правительства с признанием за всеми народами права на самоопределение на основах, которые выработает Учредительное собрание. В декларации правительства от 25 сентября, во-первых, подтверждалось признание за всеми народами права на самоопределение на таких основах; во-вторых, обещалось разработать и издать законы, обеспечивавшие национальным меньшинствам на местах их постоянного жительства пользование родным языком в школе, суде, органах самоуправления и в отношениях с местными органами государственной власти; в-третьих, провозглашалось образование при правительстве Совета по национальным делам с представителями от всех народов страны с целью подготовки материалов по национальному вопросу для Учредительного собрания. В Предпарламенте создали комиссию по национальному вопросу, которая поставила на обсуждение вопрос о самоопределении народов [17, с.348].

Несмотря на эти заявления и намерения, уже 20 октября Цаликов публично раскритиковал правительство: «Все осталось по-старому... В области провозглашения права на национальное самоопределение та же неопределенность... Если европейским народам еще кое-что и обещается, то об азиатских народах совершенно умалчивается...» [11, 20 октября]. В вопросах внешней политики, констатировал Цаликов, «жизнь катится по проторенному руслу царского империализма». Мусульмане хотели поставить перед российской государственностью новые великие государственные задачи для «действительного придания войне *освободительного характера во всем мире – в Европе, в Азии и в Африке*. А при невозможности – принятия всех мер к ее немедленной ликвидации» [11, 27 октября]. Здесь выражен протест евразийских мусульман против агрессивных планов правительства в отношении Османской империи – против захвата ее территорий (Стамбула и проливов).

ВМС и региональные политики С другой стороны, какими были к тому времени отношения ВМС с регионалами-ирредентистами? Со всем не такими, на которые рассчитывали весной 1917 г. лидеры мусульманского движения. Отсюда такое заявление ВМС в начале октября 1917 г.: «Мы находим необходимым немедленное делегирова-

ние с мест лиц для усиления состава ИК ВМС, лиц, которые бы сделали этот политический центр мусульман России действительно фокусом нашего общественного сознания и энергии и поставили бы работу центрального органа на ту высоту, которая необходима в связи с великим историческим моментом и с той ролью, которую при благоприятных условиях может играть многомиллионный мусульманский мир» [11, с.44, 566, 569]. По оценке Цаликова, к осени 1917 г. был налицо «политический абсентеизм мусульманских организаций». Размышляя об этом явлении, он полагал: «Трудно объяснить себе причины... абсентеизма, но отчасти он результат нашей политической неподвижности, а может быть, и непонимания великих задач современности и необходимости и мусульманской демократии самого активного участия в общедемократическом строительстве судеб нашей злосчастной страны. Тот изменяет делу нации, кто зарывается, как улита, в узконациональную скорлупу или скорлупу местных приходских интересов и абсентеизмом в общеполитическом движении способствует отсутствию мусульман в общих усилиях демократии спасти страну от гибели» [11, 29 сентября].

Несмотря на все усилия ВМС, именно региональные организации и политики-ирредентисты несли ответственность за отсутствие поддержки единого политического центра, что не могло не сказаться на политической слабости ВМС на окраинах страны. Цаликов, не скрывая этой проблемы, был пессимистичен в отношении роли ВМС: «Наш политический центр слаб... По регламенту во Всероссийском мусульманском совете должно быть свыше 30 делегатов, но ни разу число этих делегатов не доходило и до трех четвертей. В Исполнительном комитете должно быть 12 человек, а фактически пребывает 4–5... И вина лежит на самих мусульманах» [11, 6 октября].

В условиях 1917 г. Цаликов разрабатывал стратегию мусульманского движения с тем, чтобы совместить религиозную систему мировоззрения мусульман Евразии с новыми реалиями жизни, возникшими после революции, чтобы определить их роль в мусульманском мире в целом, равно как роль России в исламском мире. На это указывает и то, что в середине декабря 1917 г. появилось сообщение о том, что готовится к печати его книга «Революционная Россия и народы Востока» [11, 15 декабря]. Однако планы ВМС резко изменились после падения Временного правительства и прихода к власти большевиков, которые вызывали большое недоверие со стороны руководителей мусульманского движения.

ВМС и Совнарком

27 октября 1917 г. ВМС заявил:
«Зарево гражданской войны поднялось над страной. В опасности все завоевания революции и сама свобода ... Мусульманскому населению,

как национальной группе, приходится принять все меры к тому, чтобы кровавое зарево гражданской войны как можно менее захватило их ... Необходимо принять все меры к самообороне от всяких случайностей» [11, 27 октября].

28 октября исполком ВМС постановил делегировать трех своих представителей в антибольшевистский Комитет спасения родины и революции, созданный в Петрограде [11, 10 ноября]. Но попытка этого комитета организовать сопротивление большевикам была быстро подавлена. Неприятие их власти со стороны ВМС выражено в передовой статье его газеты от 10 ноября 1917 г.: «Может быть, никому так не ясно все безумие тактики и нынешней правительственной работы большевиков, как нам, многомиллионному населению восточных окраин России. Нам, перед которыми стоит великий труд "прививки" этому населению культурных начал, являющихся завоеванием человечества, его долгом на трудном историческом пути?!» Здесь выражена вера Цаликова и его единомышленников в возможность изменения ими общественной психологии мусульманского народа всей Евразии, что, по их мысли, естественно потребует длительного срока. Этим планам неожиданно помешали большевики.

Далее в статье указано: «Большевистская болезнь должна быть локализована. Она должна быть изжита как можно скорей, но не путем решительной хирургической операции... а путем, *соответствующим целям демократии*. Путем общественной изоляции. Физическая борьба может только усилить позицию большевизма, хотя бы временно, и повести к ненужным жертвам, а в результате и к гибели завоеваний революции. Большевизм может и должен умереть естественной смертью, показав свое банкротство...». Тем самым ВМС выступил против участия мусульман в русской гражданской войне.

В течение двух недель позиция ВМС в отношении советского правительства стала меняться. Это было выражено руководством ВМС в написанной в весьма ироничном духе статье «Обещания большевиков», посвященной обращению СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.): «Все, чего так страстно домогается мусульманское население России, и все, что стоит вели-

ким политическим идеалом перед народами мусульманского Востока, обещано правительством народных комиссаров. ...Мы можем приветствовать дары большевиков только при условии вступления их на путь соглашения с остальной частью революционной демократии. Икомус в самом начале большевистского восстания высказался за создание однородной социалистической власти и прекращение братоубийственной борьбы в рядах демократии» [11, 24 ноября]. Фактически здесь большевикам предъявлен ультиматум, в котором выдвинуто условие того, каким образом ВМС может поддержать СНК. Не случайно в номере от 27 октября 1917 г. Цаликов впервые на страницах своей газеты назвал себя «мусульманским социалистом», продемонстрировав новой власти, что он также сторонник социализма.

Появление обращения именно 20 ноября не было случайностью. В этот день в Уфе начал свою работу Национальный парламент мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири, на который советская власть таким образом попыталась повлиять. Приветствуя открытие парламента, ВМС через свою газету выразил свое отношение к захвату большевиками власти в Петрограде: «Крах русской государственности, который может явиться неизбежным последствием разгрома революционной демократии столиц, повлечет самые губительные последствия для дела национального самоопределения мусульман России и для быстрого движения их по пути культурного развития. Разгром революционной демократии приведет к торжеству реакции, к взрыву самого темного шовинизма в низах русского народа, и в мутных волнах... междоусобицы погибнут все национальные завоевания».

Чтобы не допустить этого, политики из ВМС надеялись, что «Национальный парламент мусульман России сыграет великую благотворную роль в деле укрепления основ новой свободной жизни страны... станет на страже революционного порядка, объединив все живые силы мусульманского населения, и в общий хаос, кошмаром нависший над страной, внесет могучий элемент организации и согласия» [11, 17 ноября]. Тем самым мусульманский мир противопоставлялся большевистской смуте.

Цаликов не участвовал в работе этого парламента, так как определялся в отношениях с СНК, надеясь на меньшевиков-интернационалистов во главе с Мартовым. 30 ноября в их петроградской газете «Новая жизнь» было опубликовано его «открытое письмо» СНК, где он заявил, что в обращении от 20 ноября «нашли себе яркое

отражение чаяния мусульман» страны. «...До сих пор никогда ни русская, ни европейская власть не говорили с ними таким языком....Но добрые чувства и обещания – это одно, а умение воплотить их в жизнь – это другое. Не преувеличивая, можно сказать, что нынешняя власть большевиков ведет такую политику, которая в конечном результате может иметь для мусульманского населения России и Востока совершенно обратное значение... Великая освободительная миссия демократической России на мусульманском Востоке возможна при одном только условии, если Россия сохранит свою **целость и силу**, говоря иначе, свою государственную мощь. В противном случае получится нечто совершенно обратное предполагаемому».

1 декабря Цаликов встретился с наркомом по делам национальностей И.В.Сталиным. В ходе беседы о возможных взаимоотношениях между ВМС и СНК Цаликов заявил: если большевики будут проводить в жизнь свои обещания и предоставят мусульманам возможность устроить свою жизнь так, как они хотят, то они сохранят по отношению к ним лояльность. Сталин сказал, что СНК не требует от исполкома ВМС заявления о поддержке, единственным пожеланием является сохранение мусульманами лояльности, причем они имеют право идти под теми лозунгами, которые они считают более подходящими, голосовать, за кого хотят, и т.п. Он предложил три варианта сотрудничества с их организациями: 1. Образование комиссариата по мусульманским делам, включавшего представителей всех крупных мусульманских народов. 2. Назначение по представлению исполкома ВМС на пост помощника комиссара по мусульманским делам мусульманина-социалиста. 3. В случае неприемлемости этих вариантов сохранение деловых сношений для безболезненного урегулирования возникавших мусульманских проблем.

Цаликов, не взяв на себя ответственности, сказал, что ответ сможет дать только после консультаций с крупными краевыми организациями и по возвращении членов исполкома ВМС и ВМС, большинство которых разъехалось в связи с предвыборной агитацией в Учредительное собрание. После встречи Цаликов направил Национальному парламенту мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, заседавшему в Уфе, телеграмму с просьбой рассмотреть эти предложения. Делегаты уфимского меджлиса решили отозвать из ВМС и его исполкома делегатов от Поволжья и создать в Петрограде особую коллегию для переговоров с Совнаркомом [17, с.372, 373]. После этого Цаликов направил телеграммы членам ВМС и Икомуса, находившимся в Туркестане,

на Кавказе, в Казахстане, в Крыму и в Поволжье, о предстоящей ликвидации ВМС [11, 29 декабря]. Уфимский парламент, таким образом, решил взять на себя руководство всей политической и культурно-национальной жизнью мусульман Европейской России и Сибири, что означало прекращение работы ВМС.

Причина решения, принятого в Уфе, состояла в следующем. Оценивая общую ситуацию, Цаликов 1 декабря, в день своей встречи со Сталиным, констатировал: «В настоящее время... слишком глубоко разбужены социальные и национальные инстинкты, симпатии и антипатии, которые могут заставить мусульман разбиться на ряд самостоятельных единиц и, может быть, не найти той равнодействующей, которая определила бы собой основное течение общемусульманской политики» [11, 1 декабря], – то, что пыталось осуществлять руководство ВМС, но натолкнулось на противодействие со стороны новой власти.

Понимая, что большевики намерены подчинить ВМС своим целям, внимание последнего в то время было сосредоточено на судьбе Учредительного собрания, от решений которого так зависело будущее мусульманского народа. 8 декабря Цаликов, разочарованный в большевистских лидерах, прямо их предупредил: *«Никаких посягательств на Учредительное собрание – вот единодушное требование мусульман»*. В случае если этот голос не будет услышан, России придется проститься со своими восточными окраинами, начиная от Волги, или завоевывать их снова. Вернее, это придется делать не России, которая перестанет существовать, а тем нескольким губерниям, которые останутся под властью совета народных комиссаров или какого-нибудь убудочного органа, созданного "семейным" порядком, в виде проектируемого национального конвента взамен Учредительного собрания» [11, 8 декабря]. Прогноз, который здесь сделан Цаликовым, полностью соответствовал тому, что произошло во время гражданской войны.

1 января 1918 г. в Петроград прибыли 7 депутатов-социалистов Учредительного собрания из Казанской и Уфимской губерний и на первом совещании, проходившем в тот же день, они единогласно постановили «во имя сохранения преемственности идеи мусульманского представительства в общегосударственных учреждениях и его самостоятельности образовать самостоятельную Мусульманскую социалистическую фракцию», в которую вошел Цаликов. В ее декларации говорилось прежде всего о немедленном уничтожении частной собственности на землю путем передачи всей земли без выкупа в руки всех трудящихся на основе равного права на землю и уравнительного зем-

лепользования. Отдельным территориям предоставлялось право вносить дополнения, учитывавшие как местные особенности, так и специфику народного правосознания. По вопросу о форме государственного устройства страны была предложена такая формулировка: «Государство российское провозглашается Российской демократической федеративной республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные, с признанием уже образовавшихся и находящихся в стадии образования, как, например, Поволжского и Туркестанского штатов». Также было решено выступить от имени фракции на первом заседании Учредительного собрания с декларацией, проект которой разработал Цаликов. 4 января состоялось первое собрание этой фракции для обсуждения и окончательной разработки декларации. После детального обсуждения единогласно была принята декларация, огласить которую было поручено ему же.

Выступая 5 января на заседании Учредительного собрания, Цаликов сказал, что политика Временного правительства была «непоследовательная в вопросах внутренней, в особенности, в вопросах национального строительства новой России». Что касается Совнаркома, то и он получил резкую критику в этой декларации: «С особой ясностью несостоятельность новой власти сказалась в области социального творчества и переустройства России на началах подлинного признания за всеми населяющими ее народами права на территориальное и национально-культурное самоопределение». Эта политика не оставляла сомнения в том, что она «в ряде случаев становилась в решительное противоречие с лозунгами Великой российской революции и несла народам России вместо чувств социалистического братства и зеленой ветви мира меч гражданской войны, зарево пожаров и потоки крови». Фракция требовала: «Решительного признания права на свободное определение путем плебисцита своего политического бытия и его форм не только за народами Европы, но также Азии и Африки... Немедленного проведения в жизнь глубоких социально-экономических мероприятий при соответственном учете всего своеобразия национально-экономических, бытовых, этнографических и религиозных условий, с особой силой сказывающихся в России в местностях с преобладающим мусульманским населением... Не декларативно-теоретического, а действительного признания России федеративной республикой и санкционирования Учредительным собранием, как образовавшихся штатов, так и находящихся в процессе образования, в

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРАЗИИ В 1917 ГОДУ

частности, штата "Поволжье–Южный Урал", Туркестанского штата и др.» [11, 29 декабря]. Последний пункт являлся сдвигом в концепции государственно-правового устройства мусульманского народа, который был предложен мусульманскими социалистами во главе с Цаликовым, показав в то же время, как он из «унитариста» стал «федералистом».

Помещение Всероссийского мусульманского совета. За столом председатель Всероссийского мусульманского совета А.Цаликов. Петроград. 12 (25) января 1918 г.

11 января, через несколько дней после разгона большевиками Учредительного собрания, вышел последний номер «Известий ВМС», а 17 января, согласно декрету, был создан Комиссариат по делам мусульман внутренней России, что обсуждал Цаликов на переговорах со Сталиным, но это ведомство возглавил не Цаликов. Он продолжал поддерживать деятельность антибольшевистского Комитета спасения Родины и революции, преобразованного в Союз защиты Учредительного собрания. На заседании межфракционного бюро

этого союза, которое состоялось 20 января 1918 г., его фамилия была указана в списке участников следующего заседания. 23 января в Петрограде под председательством эсера В.М.Чернова, председателя Учредительного собрания, состоялось совещание представителей социалистических фракций распущенного парламента, на котором присутствовал представитель Мусульманской социалистической партии [19, с.188, 194–195]. Им, надо полагать, являлся Цаликов, который, скорее всего, и возглавлял эту недавно возникшую партию.

3 февраля 1918 г. члены ВМС, возвратившись из разных регионов страны, собрались в Петрограде. Эта встреча стала последним их заседанием, так как тогда было решено известить центральные мусульманские организации Крыма, Туркестана, Казахстана и Кавказа о самоликвидации ВМС 1 марта 1918 г. [17, с.371]. Постановление новой власти об упразднении ВМС было опубликовано в «Известиях ВЦИК» 23 мая 1918 г. Это решение советского правительства имело огромное политическое значение. Как отмечалось в меморандуме британской разведки от 25 июня 1918 г., после роспуска ВМС возник открытый раскол как в Европейской, так и в Азиатской России между мусульманами и большевистским режимом [26, р.8].

Цаликов на Кавказе

Сам Цаликов, однако, не представлял опасности для большевиков. По удостоверению, выданному ему 5 марта 1918 г. Центральным мусульманским комиссариатом, он командировался на Кавказ для закупки хлеба для голодающей Ферганской области [2, с.103]. Дальнейшая политическая карьера Цаликова была, однако, связана не с его мандатом, благодаря которому он смог добраться до Северного Кавказа. На IV съезде народов Терека (Владикавказ, 23 июля – 21 августа 1918 г.) его избрали заместителем председателя президиума съезда, а затем председателем Терского областного народного совета. Позднее он оказался в Тифлисе, столице Грузинской республики, где 12 июля 1919 г. стал участником совещания политических деятелей Северного Кавказа и был избран председателем Комитета горцев Северного Кавказа. В сентябре 1919 г. он возглавил Союзный меджлис горцев Кавказа [9, с.44, 566, 569], также находившийся в Тифлисе. Когда 10 октября 1919 г. в с. Леваши Даргинского округа открылся съезд

представителей населения Дагестана, на который прибыли члены президиума Союзного мѣджлиса горцев Кавказа и большинство его членов, здесь был избран Совет обороны Чечни и Дагестана, в который вошел Цаликов. Этот Совет являлся фактически Временным правительством Дагестана, который был создан по инициативе членов Союзного мѣджлиса горцев Кавказа, после чего последний постановил самоликвидироваться [1, 19 октября, 5, 8 ноября; 4, 1919, 10 ноября].

Вернувшись в Тифлис, Цаликов решил в редактируемой им здесь газете повторить свою речь о войне и мусульманах на мусульманском съезде в Москве в мае 1917 г. Он с удовлетворением вспоминал: «Резолюция, предложенная мной, была единогласно, при бурных овациях, принята делегатами съезда. В той резолюции, можно сказать не преувеличивая, отразились чаяния демократии всех мусульманских народов России». После этого предисловия повторялся вышеупомянутый доклад, опубликованный в Петрограде летом 1917 г. в виде брошюры. Однако в газетном тексте имеются несколько отличий от нее, которые выделены мной курсивом: «Но мусульмане отличаются в то же время и мусульманами – *особой культурно-исторической формацией, особой группой населения свободной России и, как таковые, могут иметь особые общие мусульманские идеалы и интересы как внутри России, так и вне ее...* Мы, *демократия мусульманских народов России*, считаем источником мировой бойни империалистические стремления господствующих классов Европы...» [4, 1920, 31 декабря].

Рассуждения насчет мусульманской формации есть результат раздумий Цаликова о том, что в теоретическом плане представляли собой мусульмане Евразии к 1917 г., выражение определенной концепции, которая им разрабатывалась. Она опиралась прежде всего на единство мусульманской культуры народов этого континента, ибо мусульманин ориентирован прежде всего на конфессиональную межнациональную общность (умму), которая охарактеризована Цаликовым как формация, а только потом на те или иные локальные национальные, социальные, политические, культурные общности.

После разгрома Грузинской республики и установления здесь советской власти в начале 1921 г. Цаликов покинул Кавказ. Сначала перебрался в Турцию, а затем в Европу, где стал играть важную роль в делах общекавказской политэмиграции. 2 сентября 1928 г. его похоронили на мусульманском кладбище в Варшаве.

Заключение

В 1917 г. мусульманское движение на территории Евразии получило возможность на практике реализовать свои программные требования, ряд которых был выдвинут в начале XX в. Союзом российских мусульман. Это движение ориентировалось главным образом на решение социальных и политических проблем. Хотя конфессиональный аспект (в смысле: кто был больше религиозен, кто больше богобоязнен) доминировал над национальными идеалами, движение не стало чисто религиозным и содержало в себе секуляристские элементы, что проявилось особенно в допущении женской эмансипации.

Главным событием общественной жизни мусульманского народа в 1917 г. стало оформление в лице ВМС их политического движения, направленного на создание условий уравнивания мусульманства как религиозно-политической нации (уммы, по Цаликову – формации) с русским народом. Это мусульманское политико-религиозное движение под влиянием революционной обстановки и настроений мусульманской общественности превращалось по существу из российского в евразийское движение, лидерами которого стали члены ВМС во главе с Цаликовым.

В 1917 г. ВМС объединил мусульманский народ Евразии, а его глава, мусульманский социалист Цаликов, стал теоретиком евразийского мусульманского движения, отражая глубинные настроения широких слоев, пробуждавшихся в условиях революции к новой жизни, к борьбе за свои права, но не на пути большевистского радикализма. В условиях революции ВМС отражал, прежде всего, стремление евразийских мусульман к консолидации, а не определенную политическую ориентацию; разрабатывал теорию мусульманского движения, чтобы религиозную систему мировоззрения совместить с новыми реалиями жизни; придавал мусульманскому движению демократический характер как в смысле установления народовластия, так и в смысле нивелировки внутриобщинных сословных различий; выдвинул ряд политических положений и требований, нацеленных на преобразования в мусульманских землях, на реализацию поставленных задач самоуправления мусульманского народа, на достижение культурной, политической и экономической самостоятельности мусульман.

Взгляды Цаликова отмечены противоречивостью. С одной стороны, он несомненный модернист и прогрессист, с другой, – он придает

огромное значение духовному фактору, особенно сохранению национальных и религиозных традиций и институтов. Во многом его воззрения сложились как реакция на кризисное состояние в обществе: возросшую социальную дифференциацию, массовое обнищание населения, падение уровня жизни. Все это резко усилилось во всей Евразии к 1917 г. Вместе с тем воззрения его отличаются оригинальными чертами. Он явился ярким представителем демократической общественности мусульманских народов Евразии. Заслуга его состояла в том, что он сумел обратить внимание на то, что осуществление реальных социальных преобразований в освободившейся от самодержавия стране невозможно без непосредственного участия и самодеятельности мусульманского народа, составляющего десятки миллионов человек Евразии. Вместе с тем он отдавал себе отчет в значительной политической инертности мусульманских масс. Поэтому он подчеркивал значение руководства массами со стороны ВМС и других мусульманских организаций, задачей которых должно быть воспитание масс в соответствии с демократическими преобразованиями в новом государстве. Именно Цаликов в условиях 1917 г. стал основоположником мусульманского социализма в Евразии.

Противоречия, которые в условиях 1917 г. выявились в мусульманской элите Евразии, продемонстрировали, что ее представители в разных регионах по-разному понимали мусульманское единство и национальную идею. В ходе дискуссии на общемусульманских съездах стал очевиден недостаток солидарности и тождества интересов, все сильнее проявлялся ирредентизм. Часть лидеров («унитаристы») видела возможность защитить национальные интересы в создании единого российского государства. Другие лидеры («федералисты») выступали за создание мусульманских государственных образований в рамках Российской республики. Если «унитаристы» выступали за экстерриториальную, религиозно-культурную автономию, объединяющую всех мусульман внутри общего государства, то «федералисты», являвшиеся в сущности ирредентистами, выступали за федеративное государство, основанное на национально-территориальных границах.

ВМС выступал за культурно-автономистское устройство мусульманского народа в пределах единой демократической российской республики, полагая, что не следует поднимать массы под федералистскими лозунгами, что делать это еще рано, а пока следует воспитывать широкие массы на идеях самоопределения, что нужно время, чтобы

подготовиться к самостоятельному государственному существованию, но события, последовавшие после прихода к власти большевиков, привели к тому, что на историческом заседании Всероссийского Учредительного собрания 5 января 1918 г. Цаликов как глава ВМС и председатель Мусульманской социалистической партии поддержал требование о территориальном устройстве федеративного российского государства в Евразии.

Библиографический список

1. Борьба (Тифлис). 1919.
2. Вахитов М. Избранное. Статьи, речи, письма, документы. Казань, 1967. 124 с.
3. Вестник Временного правительства (Петроград). 1917.
4. Вольный горец (Тифлис). 1919–1920.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-5764. Оп.3.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф.63. Оп.21, 44.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф.102. Оп.100, 205.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф.111. Оп.1.
9. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014. 816 с.
10. Известия Временного центрального бюро российских мусульман (Петроград). 1917. №1.
11. Известия Всероссийского мусульманского совета (Петроград). 1917.
12. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. 659 с.
13. История Северной Осетии: XX век. М., 2003. 632 с.
14. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орджоникидзе, 1987. Т.1. 529 с.
15. Исаков С.М. А.Т.Цаликов // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М.: Наука, 1993. 338 с.
16. Исаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. 400 с.
17. Исаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. 600 с.
18. Меньшевики в 1917 году: В 3 т. М., 1997. Т.3. 712 с.
19. Меньшевики в 1918 году. М., 1999. 799 с.
20. Речь (Петроград). 1917.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРАЗИИ В 1917 ГОДУ

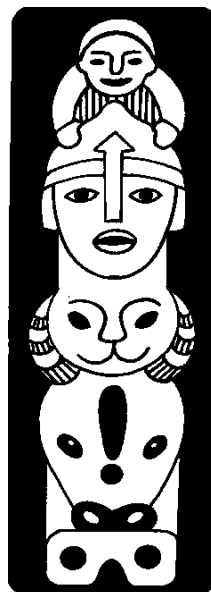
21. Салагаева А. Ахмед Цаликов // Цаликов А. Избранное. Владикавказ, 2002. 547 с.
22. Сафаров Г. Национальный вопрос и пролетариат. Пг., 1922. 296 с.
23. Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты в Государственной думе России. Баку, 1991. 127 с.
24. Цаликов А. Мусульмане России и война. Речь, произнесенная на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 года. Пг., 1917. 15 с.
25. Цаликов А. Мусульмане России и федерация. Речь, произнесенная на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 г. Пг., 1917. 32 с.
26. Public Record Office. САВ 24/57/69.

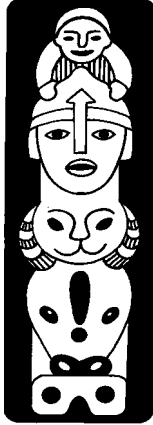
Революция (совершенная людьми
и для людей) хочет быть,
претендует знаменовать собой
конец религии и паломничества,
мифов и сакрализации.

Жак Деррида

**Революция –
это братание идеи
со штыком.**

Виктор Гюго

Владимир Корнеев, Ярослав Козлов

**О ФИНАНСОВОЙ
СТОРОНЕ ИЗДАНИЯ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
(МАРТ – МАЙ 1917)¹**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94(47)“1917”

Статья посвящена проблеме финансирования газеты «Правда» после возобновления ее издания в марте 1917 г. Анализируются доходная и расходная части бюджета газеты за март–май 1917 г., приводятся сведения о финансовых источниках приобретения большевиками собственной типографии в издательстве «Труд».

The article describes the problem of budgeting the newspaper “Pravda” after it’s republic in march 1917. Incoming and expenditure parts of Pravda’s budget in march–may 1917 are analysed. Financial resources of buying by the Bolsheviks their own printing works in publishing house “Trud” are in the article.

Ключевые слова: газета «Правда»; 1917 г.; большевики; типография; финансирование.
Key words: the newspaper “Pravda”; 1917; the Bolsheviks; the printings works; budgeting.

E-mail: korneevussr@mail.ru

E-mail: yry1985@mail.ru

¹ Авторы статьи выражают сердечную благодарность Т.П.Котляровой, О.К.Иванцовой за помощь в подготовке материалов для данной статьи.

**Взгляды и суждения
по вопросу финансирования
газеты «Правда»**

Среди важнейших историографических проблем русской революции вопрос об источниках финансирования главного печатного органа большевистской партии остается предметом острых научных и политических дискуссий.

С началом выхода 5 марта 1917 г.² газеты «Правда» в прессе, в т.ч. иностранной, появились публикации, в которых была поднята тема финансирования печатного органа большевиков. 20 марта (2 апреля) 1917 г. об издании газеты «Правда» на деньги «из немецкого источника» сообщила французская газета «Le Petit Parisien» [91], аналогичного рода информация появилась на страницах отечественных изданий³. В ответ 30 июля газета «Рабочий и солдат»⁴ обнародовала информацию о финансах «Правды», из которой следовало, что ее издание покрывалось исключительно за счет внутренних источников [57; 58, с.38–39]. Однако в прессе продолжали появляться и другого рода сообщения на эту тему. В частности, в газете «День» относительно покупки большевиками типографии сообщалось, что «на устройство ее были затрачены крупные суммы, неизвестно кем ассигнованные» [19].

После известных июльских событий политическое противоборство в стране резко обострилось. В русской контрразведке на уровне подозрений циркулировали сведения о получении для «Правды» типографских станков из Германии [67, Кн.1, с.785]. Подобные инсинуации не остались незамеченными в руководстве РСДРП (б). В письме К.Радека Ленину от 16 июля 1917 г. сообщалось: «Мы узнали из достоверного источника, который Вам Александра (Коллонтай. – *Авт.*) назовет, что русская контрразведка ищет доводов, что "Правда" будто бы получает деньги из Германии.

² Все даты приводятся в статье по старому стилю. По старому и новому стилю приводится датировка иностранных источников.

³ Например, правительственная газета «Новое время» писала: «Свои "финансовые" дела "Правда" устраивает по-видимому весьма недурно... Судя по тому, что в конторе "Правда" собранные 75 тысяч какими-то таинственными путями сразу превращаются в 180 тысяч, "Правде", действительно, не приходится тужить» [32].

⁴ Ежедневная газета РСДРП(б), которая издавалась с 23 июля по 9 августа 1917 г., вместо закрытой 5(18) июля Временным правительством газеты «Правда».

Это делается с ведома не только Терещенки, но и Церетели. Спросите об этом Мартова, которому, как я слышал, Церетели и Скобелев во время дела Гримма об этом говорили. Выведите дело на чистую воду, перейдите к публичному наступлению по этому делу» [2, ф.17, оп.1а, д.122, л.1; 25, с.95–96]. В целом, политическая борьба обусловила идеологический характер всей будущей полемики по данной проблеме.

После окончания гражданской войны в СССР были опубликованы воспоминания заведующего конторой газеты «Правда» К.М.Шведчикова, заведующего издательством «Прибой» С.М.Закс-

К.С.Еремеев

Гладнева, члена редколлегии газеты «Правда» К.С.Еремеева [78; 79; 21; 27;]. Организаторы издания «Правды» утверждали, что газета выпускалась на деньги читателей. Тема «немецких денег» в финансировании большевистской печати в советской историографии 20–30-х гг. не рассматривалась.

Новый этап полемики по данному вопросу развернулся после публикации в 1956 г. русским эмигрантом г. Катковым документов из трофейного немецкого архива⁵. Катков, в частности, обнародовал на английском языке телеграмму статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Рихарда фон Кюльмана от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. [90, p.189], в которой он, намекая на субсидирование газеты «Правда», сообщал германскому кайзеру: «Лишь средства, непрерывно поступавшие большевикам с нашей стороны по разным каналам и под меняющимися ярлыками, позволили "Правде", их главному органу, предпринять энергичные действия и сильно расширить поначалу узкую базу их партии»⁶. На немецком языке телеграм-

⁵ Документы из архива министерства иностранных дел Германии в апреле 1945 г. были обнаружены частями 1-й американской армии в горах Гарца. В 1948 г. документы были отправлены в Лондон, после чего американцы и англичане замикрофильмировали их. С 1956 г. началась передача подлинников документов правительству ФРГ [17, с.22].

⁶ Авторы статьи благодарят казанского краеведа Льва Моисеевича Жаржевского за

ма Кюльмана увидела свет в 1957 г. [88], а через год она вновь была издана на английском языке в Лондоне в сборнике документов «Германия и революция в России в 1915–1918. Документы из архивов германского министерства иностранных дел» [89].

Опубликованные документы из архива МИД Германии вызвали на Западе новую волну исследовательского интереса к данной теме, зачастую носящего откровенно ангажированный характер [3, с.327; 11; 59; 83]. При этом отдельные авторы весьма вольно публиковали ту часть телеграммы Кюльмана, где упоминалось о газете «Правда»: «С того момента, как большевики стали получать от нас деньги под разными этикетками через различные каналы, они могли широко поставить свою главную газету "Правду"» [11]. Или же так: «Лишь тогда, когда большевики начали получать от нас постоянный приток фондов через разные каналы и под различными ярлыками, они стали в состоянии поставить на ноги их главный орган "Правду"» [83, с.254]. Причем данные авторы при переводе на русский язык использовали англоязычный текст телеграммы, тем самым осуществляя двойной перевод.

Стоит отметить, что среди зарубежных исследователей были и те, кто неоднозначно оценивал значение телеграммы Р.Кюльмана. Например, французский историк Ж.Боннен отмечал: «Важность этого документа была без сомнения преувеличена самим Катковым, который писал, что трудно предположить, будто статс-секретарь иностранных дел Кюльман мог соврать своему монарху. Известно мнение Нэмира⁷, который видел в Кюльмане привычного вруна (см. Avenues of History, London, 1952, p.74)» [87, p.102]. Изучив документы МИД Германии, Боннен сделал вывод, что донесение Кюльмана стало ответом на телеграмму представителя МИД Германии при Главной ставке, секретаря посольства Курта фон Лерснера от 16 (29) ноября 1917 г. № 1771 [87, p.102], в которой последний передал своему руководству просьбу германского императора добиваться на ожидавшихся переговорах с Советской Россией «какого-либо союза или дружеских отношений с русскими...» [89, p.93–94; 31, с.352]. На этом документе есть пометка Кюльмана: «Бергену. Пожалуйста, набросайте ответ, который нас ни к чему не обязывает» [89, p.94]. Очевидно, что текст телеграммы от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. составлял не лично статс-секретарь министерства иностранных

⁷ аутентичный перевод текста телеграммы с немецкого на русский язык.

⁷ Льюис Бернштейн Нэмир (Lewis Bernstein Namier) – английский историк.

дел Германии Рихард фон Кюльман, а советник Политического отдела МИД Германии Диего фон Берген.

Другой автор, Борис Суварин, в критической статье по поводу выхода книги А.И.Солженицына «Ленин в Цюрихе», писал: «В этой телеграмме немецкий министр иностранных дел приписывает себе заслугу в оказании финансовой помощи инородным сепаратистам и большевикам разными путями и под личными этикетками (то есть закамуфлированно и без ведома адресатов), объясняя этим самым самое большое распространение "Правды". Этот запоздалый доклад типичен для высокого сановника, который задним числом и без всяких доказательств хвастается, что принимал участие в событиях, прекрасно зная, что Кайзер лишен возможности что-либо проверить. Однако министр сам себя выдает мелочью, дискредитирующей его версию относительно "Правды". Эта газета под разными названиями выходила с 1912 года, без всякой посторонней помощи, и ее огромный успех в 1917 году был вызван безудержной пропагандой за немедленный мир. Деньги тут ни при чем» [71, с.139].

В советской историографии послевоенного времени вопрос о финансовой стороне издания «Правды» рассматривался главным образом через призму организаторской, идеологической деятельности РСДРП(б) [12, с.87–89; 15, с.163; 4, с.292, 295, 329–331]. Отдельные исследователи стремились детально разобраться в источниках существования главной партийной газеты и произвели специальные подсчеты, указав роль различных категорий читателей в сборе денежных средств на «Правду» [29, с.154; 28, с.160–162]. обстоятельный разбор вопроса финансирования издания «Правды» сделал в ряде своих работ И.С.Сазонов [63; 64; 65]. Автор впервые ввел в научный оборот весьма важный документ – протокол допроса заведующего конторой газеты «Правда» К.М.Шведчикова, арестованного Временным правительством после известных июльских событий 1917 года [63, с.102; 64, с.41–43; 65, с.129, 132–135, 197]. При этом советские историки считали телеграмму Кюльмана фальшивкой, обосновывая свою позицию ее сомнительным, с источниковедческой точки зрения, происхождением [12, с. 89; 30, с.98; 64, с.36–37].

С новой силой дискуссия разгорелась в годы перестройки, когда вопрос об источниках издания «Правды» стал рассматриваться как эпизод финансирования Октябрьской революции Германией. В этой ситуации к данной теме возвратился А.М.Совокин, который сделал вывод, что «газета не только окупала расходы по ее изданию и рассылке, но даже при-

носила прибыль, и дефицита от издания не было». Что касается купленной большевиками типографии «Труд», то, как указал А.М.Совокин, деньги на нее были собраны читателями газеты, а частично взяты из доходов самой «Правды» [70, с.74–75]. В то же время эмигрировавший из СССР историк Ю.Г.Фельштинский, не утруждая себя сбором каких-либо доказательств, утверждал, что Германия финансировала ленинскую «Правду» в 1917 году [73, с.43].

В постсоветский период политическая конъюнктура обусловила односторонний характер суждений о причастности кайзеровской Германии к изданию газеты [74, с.33; 31, с.234; 75, с.50; 76, с.53; 77, с.9]. Однако Г.И.Злоказов, обратившись к материалам Особой следственной комиссии Временного правительства об июльских событиях 1917 г., сделал вывод, что «... никаких других источников доходов, кроме подписки и пожертвований, в контору газеты "Правда" не поступало. Не получала газета и никаких крупных сумм из-за границы, кроме нескольких тысяч финских марок» [26, с.85]. Выводы А.Совокина и Г.Злоказова подтвердили С.С.Попова, которая ввела в научный оборот новые архивные документы [37, с.222–223, 225–227, 229–230; 38] и А.А. Антонов-Овсеенко [8, с.258–259; 9, с.73; 10, с.233].

Особую позицию занимают историки Г.Л.Соболев и А.В.Шубин. Соболев, соглашаясь с тем, что «Правда» выпускалась на добровольные пожертвования со стороны рабочих, указывает на 20 тыс. рублей, которые якобы были заняты большевиками у союза трактирщиков в марте 1917 г. [68, с.97; 69, с.221]. Однако он ошибается, ранее, на основе архивных документов, было установлено, что профсоюз работников трактирного промысла предоставил заем не в марте, а 12 августа 1917 г. [6, с.243; 64, с.215]. При этом Г.Л.Соболев констатирует: «Разумеется, можно подвергать критике и сомнению приведенные выше сведения о финансировании "Правды", но других данных не удалось обнаружить даже Д.А.Волгонову, имевшему возможность поискать их в самых секретных архивах» [68, с.98; 69, с.222]. Шубин же полагает, что «...у большевиков были спонсоры за пределами рабочего класса, но размеры их помощи составили всего несколько десятков тысяч рублей, что не играло существенной роли в успехах Ленина и его партии» [85; 84, с.273].

С источниковедческой точки зрения большую помощь авторам оказали материалы, которые были сравнительно недавно опубликованы сотрудниками Государственного архива РФ [67]. Особо отметим, что в

данном сборнике нет ни одного документа, который прямо свидетельствовал бы об издании газеты «Правда» на немецкие деньги, хотя в его вводной статье составитель О.К.Иванцова недвусмысленным образом указывает на германский источник [67, кн.1, с.73].

Таким образом, исследователями, предметно занимавшимися данной проблемой, проделана значительная работа. Разногласия между ними остаются в оценке самоокупаемости газеты «Правда», а также в финансовых возможностях большевиков самостоятельно организовать выпуск своей партийной печати. Учитывая это, авторы данной статьи решили сделать основной упор на рассмотрении финансового положения газеты «Правды» в период с марта по май 1917 г., так как именно в этот период возобновилось ее массовое легальное издание, приобретена собственная типография, что потребовало от большевиков привлечения значительных финансовых средств.

Возобновление издания газеты

2 марта 1917 г. Бюро ЦК обсудило вопрос о возобновлении выпуска газеты «Правда». А.Г.Шляпников вспоминал, что для получения типографии члены Бюро решили обратиться в Исполком Петроградского Совета, а все вопросы по организации газеты поручили В.М.Молотову. Для руководства хозяйственной частью пригласили К.М.Шведчикова [80, с.228]. 3 марта 1917 г. на заседании Петербургского комитета (ПК) РСДРП(б) также было принято решение «предложить ЦК восстановить вместе с ПК центральный орган партии "Правду"» [35, с.45]. 4 марта 1917 г. на заседании Бюро ЦК принято окончательное решение о возобновлении издания газеты «Правда» как органа ЦК и ПК РСДРП(б) [23].

Как указывали И.Т.Смилга и К.М.Шведчиков, для выпуска газеты организаторы имели наличными 100 рублей [58, с.39; 78]. Эти данные подтверждаются документально, в кассовом отчете газеты «Правда» в приходной части обозначена сумма в 100 руб. [67, кн.2, ч.2, с.313]. Однако в составленном Е.Д.Стасовой финансовом отчете ЦК РСДРП(б) с 15 января по 7 марта 1917 г. в статье расходов указана сумма в 2000 руб. для газеты «Правда» [7, с.198]. Откуда же у ЦК РСДРП(б) взялась эта сумма? Кассовый отчет указывает на некоего «С», через которого получено было 3000 руб. [7, с.197]. Позже стало известно, что к 1 февраля 1917 г. в Бюро ЦК поступило пожертвование от А.М.Горького в размере

О ФИНАНСОВОЙ СТОРОНЕ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

3000 руб. [2, ф.17, оп.1а, д.132, л.2; 7, с.197–198]. Данная сумма, как написал А.Г.Шляпников в своих воспоминаниях, и была положена в фонд «Правды» [81, с.116].

Для издания газеты «Правда» на основании мандата (ордера), выписанного в Исполкоме Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, большевикам выделялась типография и часть помещений газеты «Сельский вестник» в доме № 32 по ул. Набережная реки Мойки [37, с.225; 65; 67, кн.2, ч.1, с.263; 21, с.16]. Трудно сказать о том, когда и кто выдал большевикам данный документ, ибо имеющаяся информация на эту тему противоречива⁸. 5 марта К.С.Еремеев приказал управляющему «Сельского вестника» очистить часть помещений редакции к 12 часам дня [27]. При этом следует заметить, что исполком Петросовета выдал мандат (ордер) на предоставление типографии «Сельского вестника» также и для меньшевистской «Рабочей газеты», представители которой заняли две из шести комнат квартиры №6 на третьем этаже, где ранее располагались бухгалтерия, касса и отдел подписки «Сельского вестника», о чем свидетельствовали служащие этой конторы М.В.Лохова и А.Н.Писарева [1, ф.1826, оп.1, д.12а, л.212–213 об.; 67, кн.2, ч.1, с.260–261; 20].

⁸ К.Еремеев сообщал, что мандат (ордер) был получен 4 марта с помощью Ю.М.Стеклова. [27]; Н.Суханов писал, что типография была занята, «кажется, по моему ордеру» [72, с.439]. Отметим, что Ю.М.Стеклов и Н.Н.Суханов входили в состав образованной 3 марта 1917 г. комиссии по заведованию издательско-типографским делом. [36, с.82; 81, с.109]. А.Шляпников в примечаниях к воспоминаниям В.Н.Залежского указывал, что «ордер на типографию для печатания "Правды" был уже взят т. Молотовым 2 марта». [22, с.144]. Интересные сведения из докладной записки [Об обстоятельствах захвата типографии и редакции издателями газеты «Правда»] главного редактора и директора-распорядителя «Сельского вестника» В.Д.Лошакова любезно предоставлены авторам статьи сотрудником «Музея печати», филиала Государственного музея истории Санкт-Петербурга Т.П.Котляровой. Из них следует, что ордер, выданный большевикам, был подписан временным заведующим бюро печати при Государственной Думе Бельским [20].

Какие жилые помещения занимала газета «Сельский вестник»? С 1910 г. газета арендовала в принадлежавшем М.П.Гау шестиэтажном доходном доме по ул. Набережная реки Мойка, 32 несколько квартир на первом, втором и третьем этажах, а также находившуюся в дворовом трехэтажном флигеле типографию [18, с.92–93]. На втором этаже, где в шестикомнатной квартире №4 располагалась редакция «Сельского вестника», в трех комнатах в марте 1917 г. разместилась редакция «Правды» [14, с.292; 16]. На первом этаже для конторы «Правды» была занята часть помещений книжного склада [67, кн.2, ч.1, с. 259; 20].

5 марта 1917 г. вышел первый номер газеты «Правда» тиражом 200 000 экз., который распространялся бесплатно [67, кн.1, с.475; 58, с.39]. Закс-Гладнев вспоминал, что 1-й номер газеты члены коллектива «Правды» сами раздавали прохожим, причем тем гражданам, кто справлялся о цене газеты, предоставлялось право уплатить за нее по своему усмотрению. Таким образом было выручено от продажи первого номера около 500 руб. [21, с.19]. Бумагу для этого номера, на условиях будущей оплаты, предоставила редакция «Сельского вестника» [27]. Заведующий хозяйственной частью редакции газеты «Правда» А.М.Гертик на допросе в контрразведке 8 июля 1917 г. отмечал, что, учитывая наличие в типографии штата наборщиков и значительного запаса бумаги, можно было на первых порах издавать «Правду», не имея первоначального капитала, тем более что за печать и бумагу первые две–три недели по предоставленным счетам не платилось [37, с.225].

Денежные поступления в «Правду»

Рассмотрим теперь более подробно финансовое состояние газеты, опираясь, прежде всего, на кассовые отчеты издания, доступ к которым после известных июльских событий получило контрразведывательное отделение Петроградского военного округа и следователи Временного правительства.

Основной доход газета «Правда» получала от подписчиков⁹, от продажи провинциальным и городским контрагентам, а также от розничной продажи.

⁹ К.Шведчиков сообщал следующие сведения: «Таких подписчиков, как иногородних, так и

О ФИНАНСОВОЙ СТОРОНЕ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Подписная цена на газету «Правда» в марте 1917 г. составляла:

- на 12 месяцев – 10 руб.;
- на 6 месяцев – 5 руб. 25 коп.;
- на 3 месяца – 2 руб. 75 коп.;
- на 1 месяц – 1 руб. [39].

Ввиду повышения расходов по изданию газеты с 5 апреля подписная цена возросла:

- на 12 месяцев – 16 руб.;
- на 6 месяцев – 8 руб. 25 коп.;
- на 3 месяца – 4 руб. 35 коп.;
- на 1 месяц – 1 руб. 50 коп. [41].

В итоге от подписки поступило [1, ф.1826, оп. 1, д.17, л.119]:

- за март–апрель 53 894 руб. 49 коп.,
- за май – 34 117 руб. 81 коп.

Продажа газеты провинциальным и городским контрагентам осуществлялась [67, кн.1, с.475]:

- по 4 руб. за 100 номеров,
- с 5 апреля – по 6 руб. за 100 номеров.

За март–апрель было получено [1, ф.1826, оп. 1, д.17, л.119]:

- от провинциальных контрагентов 35 000 руб.;
- от городских – 36 511 руб. 73 коп.;
- за май от провинциальных контрагентов – 23 149 руб. 45 коп.;
- от городских – 24 673 руб. 23 коп.

Розничная цена отдельного номера «Правды» в марте 1917 г. составляла [39; 41]:

- 5 коп.;
- с 5 апреля – 8 коп.

От розничной продажи было получено [1, ф.1826, оп. 1, д.17, л.119]:

- за март–апрель 25 000 руб.;
- за май – 21 733 руб. 45 коп.

Финансовые средства, предназначенные для нужд газеты «Правда», поступали в так называемый «Железный фонд». Уже с №2 в газете появилась постоянная рубрика «В Железный фонд "Правды"», где из номера в номер помещались сводки и сообщения о сборах, отчислениях, пожертвованиях от рабочих, служащих, солдат и др. на газету.

На основании данных, опубликованных в рубрике «В Железный фонд "Правды"», в таблице 1 приведены суммы поступивших финансовых средств за март–апрель 1917 г. [55]

городских, к 1 апреля было около 8000, к концу апреля – около 13 000, к концу мая – около 18 000 и к концу июня – около 21 000 [67, кн.1, с.474].

Таблица 1. Финансовые средства, поступившие в «Железный фонд» за март–апрель 1917 г.

Месяц	Число	Сумма
Март	5	866 руб. 5 коп.
	6	417 руб. 55 коп.
	7	235 руб. 87 коп.
	8	786 руб. 97 коп.
	9	313 руб. 70 коп.
	10	458 руб. 81 коп.
	11	103 руб. 4 коп.
	12	475 руб. 12 коп.
	13	330 руб. 6 коп.
	14	902 руб. 34 коп.
	15	321 руб. 86 коп.
	16	391 руб. 73 коп.
	17	1109 руб. 8 коп.
	18	143 руб. 10 коп.
	19	225 руб. 59 коп.
	20	1550 руб. 2 коп.
	21	767 руб. 53 коп.
	22	202 руб. 65 коп.
	22 и 24	2266 руб. 64 коп.
	25	399 руб. 87 коп.
	27	613 руб. 2 коп.
	28	390 руб. 35 коп.
	29	832 руб. 16 коп.
	30	882 руб. 18 коп.
	31	762 руб. 1 коп.
Всего за март		16 047 руб. 30 коп. ¹⁰
Апрель	1–4	609 руб. 66 коп.
	5–6	889 руб. 40 коп.
	6–8	2831 руб. 51 коп.

¹⁰ В газетном отчете указано, что за март поступило 15 750 руб. [41; 42] Отметим, что в «Правде» №16 от 23 марта 1917 г. в рубрике «Сбор на РСДРП и "Правду"» сказано о том, что рабочие завода Лебедева (Черная речка, Новая Деревня) жертвуют в Железный фонд газеты «Правда» 300 руб. Данная сумма не была указана и учтена в числе средств, поступивших в Железный фонд «Правды» за март месяц. Поэтому, с учетом этих 300 руб. общая сумма поступлений за март составила 16 047 руб. 30 коп.

О ФИНАНСОВОЙ СТОРОНЕ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

	10–12	9229 руб. 54 коп.
	13–14	259 руб. 8 коп.
	15	580 руб. 24 коп.
	17	199 руб. 27 коп.
	19–27	351 руб. 32 коп.
	28–2 мая	249 руб. 70 коп.
Всего за апрель		15 199 руб. 72 коп.
Всего за март и апрель		31 247 руб. 2 коп. ¹¹

Исходя из данных, приведенных в табл.1, общая сумма поступивших финансовых средств в «Железный фонд» за март–апрель составила 31 247 руб. 2 коп.

Несколько другие данные фигурируют в отчетах экспертов, принимавших участие в следствии по делу 3–4 июля 1917 г. В материалах следственного дела находится протокол ревизии поступления денежных средств в фонды газеты «Правда», в котором эксперт С.С.Тонконогий указывает следующее: «В Железный фонд газеты "Правда" по газетному отчету поступило всего 26 687 руб. 13 коп., тогда как при правильном суммировании отдельных поступлений общий итог выражается в сумме 31 002 руб. 16 коп., т.е. на 4315 руб. 3 коп. больше. Разницу в 4315 руб. 3 коп. эксперт относит к неправильному ведению бухгалтерии и возможным опечаткам» [67, кн.2, ч.2, с.336–337].

Другой эксперт, Н.И.Королев, производя экспертизу бюджета редакции газеты «Правда» за период с 5 марта по 3 июля, отметил: «.. что же касается "Железного фонда", то по кассовым книгам его числится 36 678 руб. 74 коп., более, чем по газетному отчету, на 9803 руб. 80 коп., что может быть объяснено тем, что в газете помещены неполные отчеты, т.е. не за все последнее время» [67, кн.2, ч.2, с.331].

Интересно отметить, что К.М.Шведчиков на двух допросах почти точно назвал сумму, поступившую в «Железный фонд». 7 июля 1917 г. он указал на 30 000 руб. [37, с.222], а на допросе 9 августа прямо заявил: «Я помню, что до 15 июня было собрано в фонд типографии свыше 140 тыс., в "Железный фонд" за то же время поступило свыше 30 тыс.» [67, кн.1, с.475].

¹¹ В газетном отчете указано, что всего, по 2 мая включительно, в фонд газеты поступило 26 687 руб. 13 коп. [50].

Приобретение типографии Кроме сборов, проводимых в «Железный фонд», также шел сбор средств для приобретения типографии. 13 апреля 1917 г. в газете «Правда» под заголовком «Товарищи, соберите в 5 дней 75 тысяч рублей» было опубликовано воззвание от ЦК и ПК РСДРП(б), редакции «Правды», издательства «Прибой» [44]. На основании данных, опубликованных в номерах газеты в рубрике «На типографию газеты "Правды"», приводим суммы поступивших финансовых средств с 13 апреля по 29 мая [56] (табл. 2).

Таблица 2. Финансовые средства, поступившие для приобретения типографии с 13 апреля по 29 мая 1917 г.

Месяц	Число	Сумма
Апрель	13	928 руб. 84 коп.
	14	3472 руб. 33 коп.
	15	9711 руб. 1 коп.
	16–17	28 718 руб. 36 коп.
	19	9808 руб. 46 коп.
	20	9040 руб.
	21	2116 руб. 96 коп.
	22	4853 руб. 39 коп.
	24	3819 руб. 69 коп. ¹²
	25	601 руб. 33 коп.
	26	3062 руб. 72 коп.
	27	715 руб. 3 коп.
	28	530 руб. 34 коп.
	29	1222 руб. 83 коп.
Всего		78 601 руб. 29 коп. ¹³

¹² В газетном отчете за 24 апреля ошибочно приведена сумма 2858 руб. 73 коп. [46]. При правильном подсчете сумма составляет 2848 руб. 73 коп. [46; 48]. Также учтены 970 руб. 96 коп. за 24 апреля из рубрики «Отчет сумм на партийную типографию газеты "Правда" через ПК РСДРП» [48].

¹³ По нашим подсчетам с 13 по 29 апреля поступило 78 601 руб. 29 коп., а по данным газетного отчета – 82 947 руб. 35,5 коп. [49].

О ФИНАНСОВОЙ СТОРОНЕ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Май	1	2721 руб. 40 коп.
	2	1807 руб. 20 коп.
	3	4153 руб. 6 коп.
	4	1120 руб. 22 коп.
	5	3063 руб. 26 коп. и 101 фин. марка 50 пенни
	6	2301 руб. 47 коп. и 3000 фин. марок.
	7	1883 руб. 17 коп.
	8	5690 руб. 63 коп.
	9	3203 руб. 63 коп.
	10	884 руб. 20 коп.
	11–14	4177 руб. 89 коп.
	по 14 включительно	1795 руб. 16 коп.
	15–17	12888 руб. 26 коп.
	18–19	1815 руб. 50 коп.
	20	1068 руб. 71 коп.
	23	520 руб. 15 коп.
	24	351 руб. 54 коп.
	25	1163 руб. 37 коп.
	26	3243 руб. 68 коп.
	27	301 руб. 89 коп.
	29	1377 руб. 96 коп.
Всего по 29 мая включительно		55 532 руб. 35 коп. и 3101 фин. марка 50 пенни ¹⁴

Стоит заметить, что, кроме денежных средств, читатели при сборах в «Железный фонд» и на покупку типографии жертвовали также личные бронзовые и серебряные медали, георгиевские кресты [54]. Например, Демьян Бедный передал в распоряжение «Правды» свою георгиевскую медаль №85199, чтобы пожизненная пенсия по этой медали шла в «Железный Фонд» «Правды» [40]. Кроме того, жертвовали золотые кольца, серьги, брошки, запонки, серебряные булавки [47].

23 апреля 1917 г. редакция газеты сообщила, что «за несколько дней» собрано 75 334 руб. 45 коп. [45]¹⁵. Как было указано выше, «Прав-

¹⁴ 3101 финских марок 50 пенни при курсе обмена 1 рубль = 2 марки 4 пенни, в пересчете на рубль составляет 1520 руб. 34 коп. Коэффициент обменного курса был рассчитан авторами согласно данным из рубрики «В Железный фонд "Правды"» [43].

¹⁵ По нашим подсчетам, за период с 13 по 22 апреля поступило 68 649 руб. 35 коп. Разница между 75 334 руб. 45 коп. и 68 649 руб. 35 коп. составляет 6685 руб. 10 коп. Надо учесть, что в газете не были опубликованы данные о поступлениях пожертвований за 18

да» просила собрать сумму в размере 75 тысяч рублей за 5 дней, но сборы заняли 11 дней¹⁶. Далее газета уведомляла своих читателей, что типографию, которую предполагалось приобрести за 150 000 руб., отказались продавать, поэтому 22 апреля 1917 г. была куплена другая типография, стоимостью 235 тыс. рублей, а вместе с ротационной машиной, приобретенной в Гельсингфорсе, около 250 000 руб. [45]. На ее покупку удалось мобилизовать 180 000 руб., но ко дню уплаты 15 мая 1917 г. не хватало 70 000 руб., и редакция опять обращалась к читателям газеты с просьбой собрать недостающую сумму [45]. И вновь в ходе проводимых сборов стали поступать пожертвования, общая сумма которых за период с 24 апреля по 14 мая 1917 г., на основании данных, указанных в таблице 2, составила 42 753 руб. 23 коп. и 3101 фин. марка 50 пенни.

На типографию «ПРАВДЕ».

За 20 апреля.

Поступило от: солдат 20-й дружины, 1-я рота, 3-й взвод — 18 р., рабочих металл. игруш. ф-ки А. Галик — 14 р. 80 к., рабочих мастерских Офиц. электр.-техн. школы, 3-е отд. — 590 р. 11 к., рабоч. и работн. петр. Трубочного завода, маст. № 4 — 40 р. 3 к., ротного солдатского комитета 3-й школ. военн. шоф., 3-го отдел. 1-й зап. автомоб. роты — 55 р. 19 к., центр. электрической станции Путиловского завода — 102 р. 75 к., г. Сушко — 1 р., 15-й роты нар. зап. полка — 17 р. 7 к., А. Р. Васильевой — 1 р., служащих конторы «Правда» наличными деньгами — 113 р., Пенковский — 5 р., А. Д. Адамович — 5 р., почтальонов города Петрограда — 10 р., Разовского — 5 р., увечных воинов, состоящих на курсах народных учителей, — 17 р., 50 к., Русиновой — 2 р., В. Бобрникова — 3 р., рабочих и служащих завода Л. Нобеля — 1.235 р. 10 к., рабоч. маст. водонап. башни Охтенского порохового зав. — 39 р. 50 к., раб. Охтенского порош. зав. через секретаря т. Борисова — 269 р. 40 к., гвардии Петерб. полка, 4-я рота — 50 р., солдата Гравер — 2 р., Покровской — 25 р., Бейтан — 4 р., маст. бронзолитейн. № 2 маст. Колпинского ижорского завода — 954 р. 11 к., Беляева и Горбунова — 10 р., Намкин — 2 р., через т. Семена, сбор на общем собрании К. О. Р. С.-Д. Р. П. — 50 р., Михайлова — 2 р., рабочих маст. Бризана — 50 р., солдат 12-й воздушной бат. петр. креп. артилл. сб. (53 чел.) — 6 р. 5 к., Прелова — 3 р., плотников завода Розенкранц — 33 р., М. С. — 2 р., Василеостровского Районного К-та — 500 р., через секретариат — 5 р. 50 к., раб. Свеаборгского порта — 73 р. 44 к., группы студентов коммерческого ин-та — 22 р., раб. обществ. механических заводов бывш. Экваль — 340 р. 50 к., коллектива раб. при полуостровском заводе «Промет» — 154 р. 14 к., служащих зав. Розенкрейца — 8 р., Зангис — 4 р., раб. «Треугольник» техн., 4 этаж — 38 р.

Итого за день 9.039 р. 5 к.

Отчет газеты «Правда» о поступивших пожертвованиях на типографию за 20 апреля 1917 г.

апреля и 23 апреля 1917 г., т. е. именно в эти дни, как раз и могла быть собрана сумма в размере 6685 руб. 10 коп.

¹⁶ За период с 13 апреля по 23 апреля 1917 г. включительно.

О ФИНАНСОВОЙ СТОРОНЕ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Неизбежные расходы

Основными расходами газеты «Правда» являлись оплата за набор и печатание газеты в типографии «Сельского вестника», а также приобретение бумаги для печатания газеты.

Расходы газеты «Правда» за набор и напечатание составили [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.143–152 об.]:

- за март – 23 943 руб. 45 коп.;
- за апрель – 15 583 руб. 35 коп.;
- за май – 20 480 руб. 50 коп.

Отметим, что оплата производилась газетой «Правдой» с некоторой отсрочкой. В марте 1917 г. оплата была проведена двумя платежами [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.144–145]

- по 5051 руб. 88 коп.
- и 2829 руб. 33 коп.,

что в общей сумме составляет 7881 руб. 21 коп. В апреле 1917 г. оплата была осуществлена четырьмя платежами [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.145–147]:

- 4864 руб. 77 коп.¹⁷,
- 3232 руб. 15 коп.,
- 4392 руб. 25 коп.,
- 3573 руб. 7 коп.,

что в общей сумме составляет 16 062 руб. 24 коп. Таким образом, в марте и апреле «Правда» рассчиталась за услуги набора и напечатания газеты, которые были предоставлены в марте. В мае 1917 г. «Правда» произвела оплату за набор и напечатание газеты за апрель и частично за май. Расчет за услуги, предоставленные в апреле, был осуществлен четырьмя платежами [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.147–148]:

- 4056 руб. 60 коп.,
- 1054 руб. 30 коп.,
- 4317 руб. 20 коп.,
- 6155 руб. 25 коп.

Частичный расчет за май был осуществлен одним платежом в размере 6181 руб. [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.147–148]. Всего в мае по предоставленным счетам по оплате набора и напечатания «Правда» осуществила расчет в размере 21 764 руб. 35 коп.

¹⁷ Отметим, что нами была исправлена неверно указанная в документе сумма платежа в размере 4874 руб. 77 коп. [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.145].

Расходы на бумагу для печати газеты «Правда» были следующие [67, кн.2, ч.2, с.317–319]:

- за март – 17 532 руб. 48 коп.,
- за апрель – 22 347 руб. 86 коп.

Всего за март–апрель – 39880 руб. 34 коп. Известно, что закуплено бумаги в марте на сумму 18 733 руб. 95 коп., а в апреле на сумму 19 036 руб. 83 коп. [67, кн.2, ч.2, с.317]. Всего за март–апрель – 37 770 руб. 78 коп. Разница между 39 880 руб. 34 коп. и 37 770 руб. 78 коп. составляет 2109 руб. 56 коп.

Это говорит о том, что редакции «Правды» пришлось нести дополнительные расходы в размере 2109 руб. 56 коп. на приобретение бумаги ввиду недостаточности для нужд газеты поступившего объема бумаги на сумму 37 770 руб. 78 коп.¹⁸. В мае поступило бумаги на сумму 29 436 руб. 17 коп. [67, кн.2, ч.2, с.320]¹⁹.

В кассовом отчете газеты «Правда» за период с 5 марта по 1 мая 1917 г. указано, что расходы за бумагу и печатание составили 60 499 руб. 45 коп. [67, кн.2, ч.2, с.314]. На основании приведенных выше данных, а именно сумм в размере 7881 руб. 21 коп., 16 062 руб. 24 коп., 37 770 руб. 78 коп., мы в расходах за бумагу и печатание получаем немало большую сумму в размере 61 714 руб. 23 коп.

Общий бюджет газеты с марта по май 1917 г. Поступавшие в «Правду» финансовые средства хранились на счетах в банках. На допросе 16 сентября 1917 г. редактор и издатель «Правды» М.К.Муранов показал: «У меня в Волжско-Камском коммерческом банке был мой личный текущий счет. На этот текущий счет помещались не мои личные деньги, а деньги

¹⁸ Приобретено бумаги в марте 2095 пудов 36 фунтов, в апреле – 1655 пудов 28 фунтов. Всего за март–апрель – 3750 пудов 64 фунтов [67, кн.2, ч.2, с.320]. На издание номеров газеты «Правда» израсходовано в марте 2051 пудов 14 фунтов, в апреле – 1826 пудов 98 фунтов. Всего за март–апрель – 3878 пудов 12 фунтов [67, кн.2, ч.2, с.317–319]. Мы видим, что на 127 пудов 48 фунтов больше израсходовано бумаги, чем было закуплено.

¹⁹ Приобретено бумаги в мае 2451 пудов 6 фунтов [67, кн.2, ч.2, с.320]. На издание номеров газеты «Правда» израсходовано в мае 2208 пудов 44 фунтов [67, кн.2, ч.2, с.319–320]. Мы полагаем, что большое количество бумаги было приобретено в мае из расчета того, чтобы погасить «Сельскому вестнику» использованные для издания газеты «Правда» 127 пудов 48 фунтов.

О ФИНАНСОВОЙ СТОРОНЕ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

по газете «Правда». По доверенности от моего имени деньги вносил и получал по текущему счету Константин Матвеевич Шевчик²⁰, заведовавший вообще денежными операциями по названной газете» [67, кн.2, ч.1, с.245]. Согласно выписке, на текущий счет М.К.Муранова были зачислены следующие суммы [67, кн.2, ч.1, с.244]:

- 18 марта – 12 000 руб.;
- 21 марта – 22 000 руб.;
- 24 марта – 3600 руб.;
- 27 марта – 4000 руб.;
- 28 марта – 3800 руб.;
- 1 апреля – 14 900 руб.

С данного счета 30 марта были сняты 3575 руб., в связи с чем общая сумма оставшихся средств составляла 56 725 руб. [67, кн.2, ч.1, с.244].

С середины апреля 1917 г. финансовые средства газеты «Правда» хранились на счете товарищества «Рабочая печать» в Московском народном банке, которое создавалось специально, с целью приобретения типографии²¹. Н.Г.Полетаев, входивший в хозяйственную комиссию «Правды», по данному поводу вспоминал: «... была найдена на Кавалергардской улице, 40, типография "Труд" (принадлежала Петроградскому товариществу печатного и издательского дела "Труд")... Возник вопрос об оформлении покупки ее через нотариуса. Выделить кого-либо одного из товарищей как будущего хозяина типографии было рискованно. Керенский мог в любой момент арестовать хозяина и, стало быть, закрыть типографию.

По предложению тов. Стучки²² решили создать коллективное владение типографией в форме "Товарищества на вере"... Для оформления "Товарищества" все мы гуськом направились по Невскому проспекту к нотариусу, у которого таким образом создался коллектив "Товарищества на вере", и типография куплена» [14, с.335–336].

²⁰ В тексте фамилия употреблена ошибочно, речь идет о К.М.Шведчикове (Прим. авт.).

²¹ Администрация «Сельского вестника», где печаталась «Правда», всячески препятствовала выходу газеты. Кроме того, типография «Сельского вестника» была приспособлена только для издания газеты малого формата, что не устраивало большевиков. Попытки наладить выпуск газеты в частных издательствах не увенчались успехом. Поэтому было принято решение о приобретении собственной типографии. Более подробно об этом см.: [78; 65, с.129–130].

²² К.М.Шведчиков в своих воспоминаниях писал, что товарищество «Рабочая печать» было образовано по инициативе В.И.Ленина. [79]

15 апреля 1917 г. был подписан договор об учреждении в Петрограде полного товарищества «Рабочая печать», которое возникло путем объединения в финансовом и коммерческом отношении газеты «Правда» и издательства «Прибой» [2, ф.17, оп.1а, д.86, л.167]²³. Согласно воспоминаниям К.М.Шведчикова, основной капитал при образовании данного товарищества был заявлен в размере 200 000 руб. [79]. Нотариальные расходы по организации товарищества «Рабочая печать» составили 1325 руб. [67, кн.2, ч.2, с.314].

На счет товарищества «Рабочая печать» в Московском народном банке в течение апреля 1917 г. поступили следующие суммы [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.157]:

- 17 апреля – 47 000 руб.;
- 19 апреля – 27 400 руб.;
- 20 апреля – 9100 руб.;
- 21 апреля – 12 550 руб.;
- 22 апреля – 11 400 руб.;
- 26 апреля – 10 400 руб.;
- 28 апреля – 12 500 руб.

Всего в апреле поступило 130 350 руб. В качестве задатка за приобретенную типографию «Труд» 24 апреля со счета были сняты 2500 и 35 000 руб. [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.156 об.; 67, кн.2, ч.2, с.314].

В мае 1917 г. на счет товарищества в Московском народном банке были следующие поступления [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.157]:

- 1 мая – 8300 руб.;
- 2 мая – 8700 руб.;
- 3 мая – 56 725 руб.²⁴;

²³ Договор об учреждении в Петрограде полного товарищества под фирмой «Рабочая печать» (нотариально заверенная копия) и доверенность от учредителей товарищества: В.И.Ульянова, И.В.Джугашвили, Е.Д.Стасовой и др. в количестве 10 человек на имя Стучки П.И., выданная ему для ведения дел товарищества «Рабочая печать», хранится в ГАРФ, ф. Р-130, оп. 1, д. 102. «Прибой» – издательство, созданное в ноябре 1912 г. в Санкт-Петербурге, руководившееся в своей деятельности директивами ЦК РСДРП. Выпускало издания по вопросам социального страхования рабочих, по рабочему вопросу и партийную литературу. Цензура и судебные гонения заставили издательство прекратить осенью 1914 г. свою деятельность. Активнейшими работниками издательства были Б.Г.Данский (К.А.Комаровский), Т.Гневич (З.Т.Фабержевич), И.Гладнев (С.М.Закс) и К.А.Гайлис. Вновь «Прибой» возник в марте 1917 г. и вел свою работу до 1918 г., пока не вошел в издательство «Коммунист». [13: 5, с.38]

²⁴ Данная сумма была внесена со счета М.К.Муранова в Волжско-Камском коммерческом банке, на котором находились финансовые средства газеты «Правда» (Прим. авт.).

О ФИНАНСОВОЙ СТОРОНЕ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

- 4 мая – 15 000 руб.;
- 6 мая – 5600 руб.;
- 8 мая – 4200 руб.;
- 10 мая – 12 850 руб.;
- 12 мая – 26 500 руб.;
- 16 мая – 25 000 руб.;
- 17 мая – 6500 руб., 2325 руб., 33 781 руб.;
- 18 мая – 8900 руб.;
- 19 мая – 2164 руб.;
- 26 мая – 8600 руб., 3900 руб.;
- 30 мая – 13 500 руб.

Всего в мае поступило 242 545 руб.²⁵.

Со счета в мае 1917 г. снимались финансовые средства в таких размерах [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.156 об.]:

- 8 мая – 2000 руб.;
- 15 мая – 100 000 руб.,²⁶
- 85 000 руб., 6000 руб.;
- 16 мая – 1000 руб.;
- 17 мая – 12 830 руб.;
- 27 мая – 7250 руб.;
- 29 мая – 2751 руб., 8000 руб.

Итого за май – 224 831 руб.

Для того чтобы выяснить, получала ли газета «Правда» прибыль или работала с убытком, подсчитаем сумму доходов и расходов за март, апрель и май 1917 г. на основании вышеприведенных финансовых показателей.

Доход выразился в следующих поступивших суммах за период март–апрель [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.119]:

- от подписки – 53 894 руб. 49 коп.;
- от провинциальных контрагентов – 35 000 руб.;
- от городских контрагентов – 36 511 руб. 73 коп.;
- от розничной продажи – 25 000 руб.

²⁵ Следует заметить, что в кассовом отчете конторы газеты «Правда» за май указано на счету по статье прихода в Московском народном банке сумма в размере 224 832 руб. [67, кн.2, ч.2, с.315]. Нехватка 17 713 руб. объясняется тем, что на счету товарищества «Рабочая печать» в Волжско-Камском коммерческом банке находились финансовые средства как поступающие от конторы газеты «Правда», так и от издательства «Прибой». В связи с этим надо полагать, что сумма в размере 17 713 руб. поступила именно от издательства «Прибой».

²⁶ Сумма 185 000 рублей предназначалась для оплаты за типографию, 6000 рублей для приобретения автомобиля (Прим. авт.).

Итого получено дохода на сумму 150 406 руб. 22 коп. Кроме этого, сбор пожертвований в «Железный фонд» дал 31 247 руб. 2 коп.²⁷; сбор пожертвований на типографию – 78 601 руб. 29 коп.²⁸. Итого, пожертвований получено – 109 848 руб. 31 коп.

Расход за период март–апрель выразился в следующих суммах:

- за набор и печать – 23 943 руб. 45 коп. [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.144–147];
- за бумагу – 37 770 руб. 78 коп. [67, кн.2, ч.2, с.317]; общие расходы – 6595 руб. 11 коп. [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.121 об.];
- жалование служащих и сотрудников – 12 546 руб. 75 коп. [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.121 об.];
- экспедиционные расходы – 5257 руб. [67, кн.2, ч.2, с.314];
- почтовая оплата – 2436 руб. 62 коп. [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.121]; задаток за приобретенную типографию – 37 500 руб. [67, кн.2, ч.2, с.314];
- нотариальные расходы по организации товарищества «Рабочая печать» – 1325 руб. [67, кн.2, ч.2, с.314].

Итого расходов на сумму – 127 374 руб. 71 коп.

Предварительно отметим, что прибыль (без учета сборов в «Железный фонд» и на типографию²⁹) за март–апрель составила 23 031 руб. 51 коп.

Доход за май выразился в следующих поступивших суммах [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.119]:

- от подписки – 34 117 руб. 81 коп.;
- от провинциальных контрагентов – 23 149 руб. 45 коп.;
- от городских контрагентов – 24 673 руб. 23 коп.;
- от розничной продажи – 21 733 руб. 45 коп.

К этому следует прибавить средства Н.И.Черемовского³⁰, который одолжил 16 мая сроком до 10 августа³¹ 15 530 руб.³², а также 33 781 руб.,

²⁷ См.: Таблица 1. Финансовые средства, поступившие в «Железный фонд» за март–апрель 1917 г.

²⁸ См.: Таблица 2. Финансовые средства, поступившие для приобретения типографии с 13 апреля по 29 мая 1917 г.

²⁹ Сумма 109 848 руб. 31 коп., полученная за март–апрель в результате пожертвований в «Железный фонд» и на типографию, в полном размере была использована 15 мая 1917 г. при окончательном расчете за типографию. По нашим расчетам, не за счет 109 848 руб. 31 коп., а за счет дохода, полученного в марте–апреле, был выплачен задаток за типографию в размере 37 500 руб.

³⁰ Черемовский Н.И. (1882–1919) – социал-демократ, большевик. В 1906 г. избран секретарем Ярославского комитета РСДРП. Участвовал в издании большевистской «Правды». После октября 1917 г. работал в Петроградском продовольственном комитете [34, с.45].

³¹ В документе цифра 10 указана неразборчиво. А.М.Гертик на допросе в контрразведке 8

О ФИНАНСОВОЙ СТОРОНЕ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

полученных 17 мая от рабочих завода «Новый Леснер» на литературу для солдат [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.20 об.; 51]. Итого получено дохода на сумму 152 984 руб. 94 коп. Сбор пожертвований на типографию с 1 по 29 мая – 57 052 руб. 69 коп.³³ Кроме того, отметим, что полученная в марте–апреле 1917 г. в результате сборов пожертвований (в «Железный фонд» и на типографию) сумма в размере 109 848 руб. 31 коп. была вместе с другими средствами использована 15 мая 1917 г. при окончательном расчете за типографию. Поэтому, с учетом 109 848 руб. 31 коп., всего за май получено средств в размере 319 885 руб. 94 коп.

Расход за май выразился в следующих суммах [1, ф.1826, оп.1, д.17, л.121 об.]:

- *за набор и напечатание – 21 764 руб. 35 коп.*
[1, ф.1826, оп.1, д.17, л.147–148];
- *за бумагу – 29 436 руб. 17 коп*
[67, кн.2, ч.2, с.320];
- *общие расходы – 13 691 руб. 86 коп.*
[1, ф.1826, оп.1, д.17, л.121 об.];
- *жалование служащих и сотрудников – 15 564 руб. 33 коп.;*
- *экспедиционные расходы – 5400 руб.³⁴;*
- *почтовая оплата – 8115 руб. 34 коп.*
[1, ф.1826, оп.1, д.17, л.121];
- *покупка автомобиля – 6000 руб.*
[67, кн.2, ч.2, с.315];
- *окончательный расчет за приобретенную типографию – 187 500 руб.;*
- *аренда помещения – 3500 руб.*
[67, кн.1, с.796].

Итого расходов на сумму – 290 972 руб. 5 коп.

Таким образом, прибыль газеты «Правда» за май 1917 г. составила 28 913 руб. 89 коп.

июля 1917 г. указывал, что деньги одолжены по 1 августа 1917 г. [37, с.226].

³² Н.И.Черемовский дал в долг 20 000 руб., но уже 19 мая 1917 г. ему было возвращено 4470 руб. [1, ф. 1826, оп. 1, д.17, л.119 об.]

³³ Эта сумма получилась путем сложения 55 532 руб. 35 коп. и 3101 финских марок 50 пенни, все – 57 052 руб. 69 коп. См.: Таблица 2. Финансовые средства, поступившие для приобретения типографии с 13 апреля по 29 мая 1917 г.

³⁴ Точная сумма экспедиционных расходов (перевозка газеты на почту, вокзал, накладные, бечевки и т.п.) в мае нам неизвестна, но согласно показаниям К.М.Шведчикова от 9 августа 1917 г. они составляли «в последнее время около 150–200 руб. в день» [67, кн.1, с.474]. Учитывая, что газета «Правда» была ежедневной газетой, которая не выходила только по понедельникам, а на май 1917 г. выпадало 4 понедельника, умножаем 27 дней на 200 руб. и получаем в итоге 5400 руб.

**Вопрос покупки
и технического оснащения
типографии «Труд»**

Особо подчеркнем, что для окончательного расчета за типографию 15 мая 1917 г. были использованы финансовые средства, полученные от сборов за период с 5 марта по 14 мая, а именно:

- 31 247 руб. 2 коп. (сбор в «Железный фонд»);
- 78 601 руб. 29 коп (сбор на типографию с 10 апреля по 29 апреля)
- 34 321 руб. 63 коп. (сбор на типографию с 1 по 14 мая).

Общая полученная за данный период сумма сборов пожертвований составляет 144 169 руб. 94 коп. Кроме того, нужно учитывать, что также при расчете была использована прибыль, полученная за март–апрель 1917 г. в размере 23 031 руб. 51 коп. Итого: 167 201 руб. 45 коп. Первоначальная цена типографии была установлена в размере 235 000 руб., но позже уступили 10 000 руб.³⁵. Учитывая, что в апреле 1917 г. был сделан задаток в размере 37 500 руб., при окончательном расчете за типографию должна была быть уплачена сумма в размере 187 500 руб.

Полученных пожертвований за март – 14 мая и прибыли за март–апрель (всего 167 201 руб. 45 коп.) недостаточно для полного расчета за типографию 15 мая 1917 г. из-за нехватки 20 298 руб. 55 коп. На 15 мая 1917 г. в распоряжении «Правды» находились 24 673 руб. 23 коп., полученные от городских контрагентов³⁶, а также средства, полученные к тому времени от подписки от провинциальных контрагентов и розничной продажи, которыми, следовательно, и был покрыт недостаток средств.

Отдельно стоит остановиться на рассмотрении вопроса покупки для новой типографии ротационной машины. Приблизительная стоимость ротационной машины, согласно сведениям «Правды», составила около 15 000 руб. [45]. Шведчиков, давая показания 9 августа 1917 г., отметил, что куплена ротационная машина «за 15 тыс. марок, из коих пока уплачено, кажется, 7 тыс.» [67, кн.1, с.475]. В то же время стоит заметить, что заведовал типографией «Труд» А.М.Гертик, поэтому, на наш взгляд, сведения, указанные им, являются более точными. А он на допросе в

³⁵ При окончании сделки директор-распорядитель А.С.Мандель уступил 10 тыс. руб., так как оказалось меньше шрифта, чем предполагалось [67, кн.1, с.796].

³⁶ Согласно показаниям 12 августа 1917 г. счетовода конторы газеты «Правда» Н.А.Энгеля, известно, что платежи от городских контрагентов производились два раза в месяц: 1 и 15 числа. [67, кн. 1, с.580]

контрразведке 8 июля 1917 г. заявил: «Товариществом была приобретена ротационная печатная машина в Гельсингфорсе у газеты "Ттуомис", органа финской социал-демократической партии, за 10 000 марок с рассрочкой на два года» [37, с.226]. На допросе 21 августа 1917 г. Гертик подтвердил сказанное 8 июля и добавил, что ротационная машина старая и на данный момент за нее еще не расплатились, а «...за установку машины, покупку шрифта и другие расходы по устройству типографии было израсходовано около 10–15 тыс.» [38; 67, кн.1, с.797]³⁷.

А.В.Шотман, прибывший в конце мая 1917 г. в Петроград, вспоминал, что, оказавшись в типографии на второй или третий день после приезда, он увидел, как монтируется приобретенная в Финляндии ротационная машина [82, с.324–325]. Но до событий 3–5 июля 1917 г. ни один номер газеты «Правда» здесь не был напечатан, так как ротационная машина еще не была отлажена [67, кн.1, с.475,796]. 6 июля 1917 г. были разгромлены контора, наборная и машинное отделение типографии «Труд» [86]. В результате погрома типографии был нанесен материальный ущерб в размере не менее 150 тыс. руб. [58, с.39].

Существует версия, не подкрепленная источником, о том, что типография «Труд» была приобретена в апреле или июле 1917 г. отцом С.М.Закса или непосредственно им самим, на средства отца, за 144 000 руб. [62, с.477; 61, с.481; 60, с.442; 33, с.9; 24, с.163]. Данные, представленные в настоящей статье показывают, что на самом деле ситуация с покупкой типографии обстояла иначе. 24 апреля 1917 г. со счета товарищества «Рабочая печать» было снято 37 500 рублей для выдачи задатка за типографию, а окончательно она была приобретена 15 мая 1917 г. Стоимость типографии составила не 144 000 руб., а 225 000 руб. и удалось ее приобрести благодаря добровольным пожертвованиям читателей газеты «Правда», получением прибыли от ее продажи и подписки, а также высокой организаторской и пропагандистско-агитационной работе актива РСДРП(б)³⁸.

³⁷ *Служащий типографии «Труд» Г.А.Гутнер в своих показаниях 8 августа 1917 г. отмечал, что Н.И.Черемовский «израсходовал около 15 000 руб., в этот расход вошла перевозка ротационной машины из Финляндии, покупка бумаги и т. п.»* [67, кн.1, с.471]

³⁸ *Последняя предполагала также организацию и проведение публичных платных лекций, денежные средства от которых поступали в типографию для «Правды».* [52] *Например, в апреле–мае 1917 г. от проданных билетов на лекции Г.Е.Зиновьева и организованных в процессе их проведения сборов поступали следующие суммы: 939 руб. 92 коп.; 806 руб. 86 коп.; 512 руб. 50 коп.; 642 руб. 12 коп.; 148 руб. 89 коп.* [53]

Таким образом, проведенный анализ финансового положения газеты «Правда» показал, что данное издание в первые месяцы своего существования не было убыточно, получало прибыль, функционировало исключительно за счет собственных средств, пожертвований читателей, сторонников и сочувствующих РСДРП(б) и не имело иностранных источников финансирования.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф.1826, Оп.1. Д.12 а.; Д.17.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.1а. Д.86.; Д.122; Д.132.
3. Авторханов А. Происхождение партократии. В 2-х т. Т.1. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973. 728 с.
4. Андронов С.А. Боевое оружие партии. Газета «Правда» в 1912–1917 годах. Л.: Лениздат, 1962. 483 с.
5. Аникеев В.В. Издательство «Прибой» в 1917 году // Советские архивы. 1967. №3. С.38–40.
6. Аникеев В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 году. М.: Изд-во Мысль, 1969. 485 с.
7. Аникеев В.В. Документы Великого Октября. М.: Политиздат, 1977. 239 с.
8. Антонов-Овсенко А.А. Большевики. 1917. М.: АСТ, 2014. 350 с.
9. Антонов-Овсенко А.А. Германские деньги в большевистской печати: миф и реальность. Тверь: Твер. гос. ун-т., 2013. 100 с.
10. Антонов-Овсенко А.А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: дис. на соискание степени д-ра филол. наук. Тверь, 2013. 400 с.
11. Аронсон Г. Большевики и немецкие деньги // Новое Русское Слово. 1956. 6 июля.
12. Астрахан Х.М., Сазонов И.С. Создание массовой большевистской печати в 1917 году // Вопросы истории. 1957. №1. С.87–98.
13. Большевистские издательства / Большая Советская Энциклопедия. Т. 7. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1927. Стб.59–60.
14. Бондаревская Т.П., Великанова А.Я., Сулова Ф.М. Ленин в Петербурге–Петрограде. Места жизни и деятельности в городе и окрестностях 1890–1920 гг. Изд. 2-е, доп. Л.: Лениздат, 1980. 510 с.
15. Будников В.П. В.И. Ленин и газета «Правда» в 1917 // Вопросы истории. 1960. №4. С.154–169.
16. Глезеров С. Газету не сдадут. Интервью с заведующей «Музея печати» В.И.Демидовой // Санкт-Петербургские ведомости. 2012. №4. 13 января.
17. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1973. 766 с.
18. Демидова В.И. Маленькие истории дома на Мойке // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып.11. Музей, школа, семья. СПб.: ГМИ СПб, 2005. С.92–96.
19. День. 1917. 25 августа.

О ФИНАНСОВОЙ СТОРОНЕ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

20. Две докладные записки главного редактора и директора-распорядителя «Сельского вестника» В.Д.Лошакова, одна из которых от 10 (23) апреля 1917 г. (сведения Т.П.Котляровой).
21. Закс-Гладнев С. Возобновление «Правды» // Журналист. 1927. №2. С.16–20.
22. Залезский В.Н. Первый легальный ПК // Пролетарская революция, 1923. №1 (13). С.135–156.
23. Заседание Бюро ЦК 4 марта 1917 г. // Правда. 1917. №4. 9 марта.
24. Зенькович Н.А. Самые секретные родственники. Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 512 с.
25. Злоказов Г.И. Меншевикско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М.: Наука, 1997. 336 с.
26. Злоказов Г.И. Материалы Особой следственной комиссии Временного правительства об июльских событиях 1917 года // Отечественная история. 1999. №5. С.73–87.
27. Еремеев К. Воскресенье «Правды» (из воспоминаний 1917 г.) // Правда. 1927. №63. 18 марта.
28. Копанев А.А. Участие рабочих Петрограда в сборе средств на издание большевистских газет в 1917 г. // Великий Октябрь и исторические завоевания советского народа: Межвузовский сборник. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. С.159–162.
29. Кострикин В.И. Роль трудящихся масс в создании большевистской печати в 1917 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М.: МГИАИ, 1963. Т.18. С.149–157.
30. Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х т. Т.2. М.: Наука, 1968. 1151 с.
31. Николаевский Б.И. Тайные страницы истории / Ред.-сост. Ю.Г.Фельштинский. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. 512 с.
32. Новое время. 1917. 27 апреля.
33. Оленев М.Б. Генеалогия советской элиты 20–30-е гг. // Российский кто есть кто. 2004. № 2. С. 4–18.
34. Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1883–1937. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1985. 319 с.
35. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб.: Изд-во Бельведер, 2003. 686 с.
36. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля – 25 октября 1917 года. В пяти томах. Том первый. 27 февраля– 31 марта 1917 года. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. 663 с.
37. Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М.: Ладомир, 2010. 620 с.
38. Попова С.С. Допрос в контрразведке // Правда. №105 (29735). 23–26 сентября. 2011. С.6.
39. Правда. 1917. №6. 11 марта.
40. Правда. 1917. №21. 30 марта.
41. Правда. 1917. №23. 1 апреля.
42. Правда. 1917. №24. 5 апреля.
43. Правда. 1917. №26. 7 апреля.
44. Правда. 1917. №31. 13 апреля.
45. Правда. 1917. №39. 23 апреля.

Ярлыки и мифы

46. Правда. 1917. №44. 29 апреля.
47. Правда. 1917. №41. 26 апреля; №44. 29 апреля; №54. 11 мая.
48. Правда. 1917. №45. 30 апреля.
49. Правда. 1917. №52. 9 мая.
50. Правда. 1917. №55. 12 мая.
51. Правда. 1917. №60. 18 мая.
52. Правда. 1917. №36. 20 апреля; №40. 25 апреля; №44. 29 апреля; №50. 6 мая; №52. 9 мая; №61. 19 мая; №62. 20 мая; №70. 1 июня.
53. Правда. 1917. №39. 23 апреля; №44. 29 апреля; №45. 30 апреля; №66. 26 мая; №77. 9 июня.
54. Правда. 1917. №21. 30 марта; №23. 1 апреля; №26. 7 апреля; №32. 14 апреля; №35. 18 апреля; №39. 23 апреля; №41. 26 апреля; №48. 4 мая; №50. 6 мая; №51. 7 мая; №52. 9 мая.
55. Правда. 1917. №2. 7 марта; №3. 8 марта; №4. 9 марта; №5. 10 марта; №6. 11 марта; №7. 12 марта; №8. 14 марта; №9. 15 марта; №10. 16 марта; №11. 17 марта; №12. 18 марта; №13. 19 марта; №15. 22 марта; №16. 23 марта; №18. 26 марта; №19. 28 марта; №20. 29 марта; №21. 30 марта; №22. 31 марта; №23. 1 апреля; №24. 5 апреля; №26. 7 апреля; №28. 9 апреля; №32. 14 апреля; №34. 16 апреля; №35. 18 апреля; №38. 22 апреля; №49. 5 мая; №55. 12 мая.
56. Правда. 1917. №32. 14 апреля; №34. 16 апреля; №35. 18 апреля; №36. 20 апреля; №37. 21 апреля; №38. 22 апреля; №39. 23 апреля; №40. 25 апреля; №41. 26 апреля; №42. 27 апреля; №43. 28 апреля; №44. 29 апреля; №45. 30 апреля; № 46. 2 мая; № 47 3 мая; № 48. 4 мая; № 50. 6 мая; № 51. 7 мая; №52. 9 мая; №53. 10 мая; №54. 11 мая; №56. 13 мая; №57. 14 мая; №59. 17 мая; №61. 19 мая; №62. 20 мая; №66. 26 мая; №69. 31 мая; №70. 1 июня; №72. 3 июня; №76. 8 июня; №77. 9 июня; №79. 11 июня; №81. 14 июня; №82. 15 июня; №84. 17 июня; №87. 21 июня; №88. 22 июня; №92. 27 июня.
57. Продолжение доклада Центрального Комитета РСДРП // Рабочий и солдат. 1917. 30 июля.
58. Протоколы VI съезда РСДРП(б). 26 июля – 3 августа. М.-Пг.: Коммунист, 1919. 248 с.
59. Пушкарев С. Тайный союз Ленина с Вильгельмом // Новое Русское Слово. 1962. 21–24 января.
60. Пятницкий В.И. Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998. 80 с.
61. Розенталь И.С. Правда // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. С.481–482.
62. Российская Еврейская Энциклопедия / Гл. ред. Г.Г. Брановер. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЭПОС, 1994. Т.1. С.477–478.
63. Сазонов И.С. Преследования большевистской газеты «Правда» в 1917 г. // О советской и зарубежной печати. Сборник статей. Л., 1964. С.84–113.
64. Сазонов И.С. Из каких источников финансировалась газета «Правда» в 1917 году? // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып. 8. КПСС в борьбе за социализм и коммунизм. Л., 1968. С.36–44.
65. Сазонов И.С. Большевистское слово. Идеино-политическая работа большевиков Петрограда в 1917 году. Л.: Лениздат, 1978. 359 с.
66. Сельский вестник // Правда. 1917. №81. 14 июня.
67. Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти.

О ФИНАНСОВОЙ СТОРОНЕ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

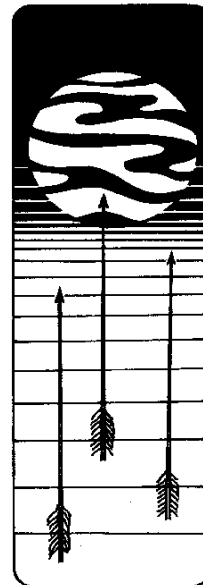
- Июль–октябрь 1917 г. Сб. документов в 2 кн. / Под ред. О.К.Иванцовой. М.: РОССПЭН, 2012. Кн.1. 988 с.; Кн.2. Ч.1. 821 с.; Кн.2. Ч.2. 686 с.
68. Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». СПб.: Издательский дом Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. 480 с.
69. Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 476 с.
70. Совокин А.М. Миф о «немецких миллионах» // Вопросы истории КПСС. 1991. №4. С. 69–79.
71. Суварин Б. Солженицын и Ленин. «Ленин в Цюрихе» с исторической точки зрения // Время и мы. Журнал литературы и общественных проблем. 1977. №22. Октябрь. С.128–146.
72. Суханов Н.Н. Записки о революции. Книга четвертая. Берлин. Петербург. Москва.: Изд-во З.И.Гржебина, 1922. 522 с.
73. Фельштинский Ю.Г. Деньги для диктатуры пролетариата // Родина. 1990. №11. С.40–47.
74. Фельштинский Ю.Г. Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: Терра, 1992. 655 с.
75. Фельштинский Ю.Г. Как добывались деньги для революции // Вопросы истории. 1998. №9. С.34–51.
76. Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. Изд. 2-е, доп. М.: Терра – Книжный клуб, 2008. 379 с.
77. Фельштинский Ю.Г. Германия и революция в России. 1915–1918. Сб. документов. М.: Центрполиграф, 2013. 510 с.
78. Шведчиков К.М. Минувшие дни // Правда. 1922. №98. 5 мая.
79. Шведчиков К.М. «Правда» в 1917 году // Правда. 1937. №122. 5 мая.
80. Шляпников А. Семнадцатый год. Кн.1 (январь, февраль и три дня марта). М.; Пг.: Государственное изд-во, 1923. 348 с.
81. Шляпников А. Семнадцатый год. Кн.2 (март). М.; Л.: Государственное изд-во, 1925. 328 с.
82. Шотман А.В. Как из искры возгорелось пламя. Записки старого большевика. М.: Старый большевик, 1934. 355 с.
83. Шуб Д.Н. Ленин и Вильгельм. Новое о германо-большевистском заговоре // Новый журнал. Кн.57. Нью-Йорк, 1959. С.226–267.
84. Шубин А.В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: ООО «Родина Медиа», 2014. 452 с.
85. Шубин А.В. Ленин и деньги: бухгалтерия Октябрьской революции // 22 апреля 2016 г. Официальный сайт Российского военно-исторического общества. URL <http://histrf.ru/lyuboznatelnim/history-delusions/article-history-delusions/lenin-i-dienghi-bukhghaltieria-oktiabrskoi-rievoliutsii> (дата обращения: 13.04.2017).
86. Шумяцкий Б. Разгром типографии «Труд» // Рабочий и солдат. 1917. №3. 23 июля.
87. Bonnin G. «Les Bolchéviques et l'argent allemand pendant la première guerre mondiale» // Revue historique. Vol.233. 1965. P.101–126.
88. Epstein J. Lenins deutsche Millionen // Die Zeit. 1957. 27 juni.
89. Germany and the revolution in Russia 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / Ed. By Z. A.B.Zeman. London: Oxford university press, 1958. 157 p.
90. Katkov G. German foreign office documents on financial support to the Bolsheviks in 1917 // International Affairs. Apr. 1956. Vol.32. №2. P.181–189.
91. Les menees allemandes a Petrograd // Le Petit Parisien. 1917. 2 april.

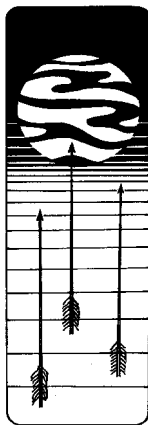
Старайтесь записывать всё, что можете, о прошлом рода, семьи, дома... Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел отношение к семье, к роду... Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме и пусть всё около вас будет напитано воспоминаниями...

Павел Флоренский

**Революция за два дня проделывает
работу десяти лет и за десять лет
губит труд пяти столетий.**

Поль Валери

Олег Наумов

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО ДВОРЯНСТВА

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
929.5

В статье проводится анализ генеалогической культуры русского дворянства после октября 1917 г. Отмечено, что процесс ее утраты происходил одновременно вне зависимости от места жительства дворян, но причины этого были разные: социцид в СССР и ассимиляция в эмиграции. Происходило обесценивание родства как основы семейной жизни, значительная часть информации о происхождении и родственных связях была утрачена, сокращались границы родовой памяти, упрощалась терминология, изменились роль и место родства в системе межличностных отношений дворян. В СССР дворянское происхождение скрывали, чтобы избежать репрессий, а в эмиграции среди бывшей элиты возросла ценность родственных связей с иностранцами. В целом, утрата сословной генеалогической культуры произошла к началу 1960-х гг.

The article analyzes the genealogical culture of the Russian nobility after October 1917. It is noted that the process of its loss occurred simultaneously regardless of the place of residence of the nobles, but the reasons for this were different: sociocide in the USSR and assimilation in emigration. There was a devaluation of kinship as part of family life, a significant part of the information about the origin and kinship ties was lost, the boundaries of the ancestral memory were reduced, terminology was simplified, the role and place of kinship in the system of interpersonal relations between the nobles changed. In the USSR, the noble lineage was concealed in order to avoid repression, and in emigration among the nobility the value of family ties with foreigners increased. In general, the loss of the estate genealogical culture occurred by the beginning of the 1960s.

Ключевые слова: генеалогия; дворянство; Октябрьская революция; род; эмиграция; семья; происхождение; родство; предки.

Key words: genealogy; nobility; October revolution; clan; emigration; family; origin; kinship; ancestors.

E-mail: onnaum@mail.ru

**Генеалогическая культура:
сущность и содержание**

Генеалогическая культура является неотъемлемой частью духовной жизни человечества, одной из фундаментальных основ менталитета любой эпохи и любого этноса. Это интегрирующая

квинтэссенция цивилизации, которая определяет разнообразные аспекты ее существования, от социальных до культурных и этических.

Под «генеалогической культурой» подразумевается совокупность знаний о родственниках, а также ее восприятие, способы трансляции и бытование.

Генеалогическая культура конкретной эпохи не сводится только к сведениям о родстве, будучи явлением гораздо более глубоким и сложным. Преломляясь в политических, социальных, правовых институтах, генеалогическая культура определяет многообразие бытия человека, включая те сферы жизни общества, которые кажутся очень далекими от системы родственных отношений. Спецификой генеалогической традиции детерминировано законодательство, касающееся наследования, брака, признания незаконнорожденных детей и др. [16]. Кроме того, в понятие «генеалогическая культура» интегрировано само информационное пространство знания о родстве (его достоверность, точность, структура, хронологические границы), терминология, практика имяна-речения; генезис фамилии, ее модификации, которые происходили не только под влиянием социогенеалогических факторов, но и выступали как знак родовой идентификации.

Особенности генеалогической культуры в каждую эпоху и в каждом обществе отражают фундаментальные характеристики исторического процесса, политические, социальные, интеллектуальные реалии. Не последнюю роль среди факторов, определявших модификации генеалогической культуры, играли революционные потрясения. Достаточно вспомнить Великую Французскую революцию, в ходе которой массово уничтожались генеалогические документы и гербы, происходил открытый социцид элиты, детерминировавший миграцию и формирование французской дворянской диаспоры во многих европейских странах.

Аналогичные процессы происходили в России после Октября 1917 г. Новая власть открыто заявила о необходимости физического истребления дворянства, которое следовало либо «перевоспитать» в духе социалистических идей, либо уничтожить физически. В первые постреволюционные годы, а затем в СССР официально проводилась политика со-

циоцида, то есть преследования на основании принадлежности к социальной группе, происхождения. Она имела для дворянства самые глубокие и негативные последствия. Вследствие постоянных репрессий резко сократилась численность дворян, их роль в общественной жизни, в управлении. Единое сословие искусственно разделилось на эмигрантское и оставшееся при советской власти.

Дворянское происхождение как проблема существования

После Октября 1917 г. генеалогическое положение элиты изменилось принципиально. Из социально открытого, пополняемого новыми родами сословия оно стало закрытой

историко-культурной общностью. Эмигранты предвидели, что вне родины дворянская диаспора стремительно ассимилируется чуждой этнической средой, утратит сословную идентичность и вместе с ней генеалогическую культуру. Сенатор В.Н.Смолянинов писал в 1924 г.: «Лет через пятьдесят дворянство перестанет существовать как сословие» [1, л.35]. Е.Н.Рачинская расценивала свои воспоминания как «памятник моей семье, одной из многих русских семей, бесследно исчезнувшей со страниц истории и не оставившей потомства» [28, с.3].

В системе ценностей эмигрантов в целом сохранялось значение титулов и древности рода. Этим объясняются рассказы мемуаристов о титулах, от которых якобы отказались предки. Например, знаменитый писатель Владимир Владимирович Набоков упоминал о том, что император Александр III предлагал его деду, министру юстиции Д.Н.Набокову, в награду за верную службу либо графский титул, либо деньги [20, с.174]. В.Н.Челищев сразу же в начале воспоминаний заявлял о своем генеалогическом статусе: «Я родился в помещицкой среднего достатка семье старого дворянского корня» [34, с.230]. Эту же формулировку практически дословно повторил М.П.Наумов, добавивший только, что представители именно древнего дворянства в наибольшей степени воплощают традиции русской жизни, придавая таким образом сословной культуре общий смысл [23, с.3].

Среди дворян-эмигрантов отношение к собственному благородному происхождению очень различалось. Одни видели в нем единственную и инвариантную основу для интеграции дворянской диаспоры, для сохранения русской культуры и традиций. Другие возлагали на элиту ответственность за гибель монархии и революцию. Бывший офицер и чиновник Министерства иностранных дел Юрий Владимирович Макаров

прямо заявлял, что имеет «сомнительное счастье принадлежать к ныне вымирающей породе российского дворянства» [18, с.3].

На мировоззрение дворян-эмигрантов оказывало влияние многолетнее пребывание в демократических странах, а также критическое отношение к отдельным представителям своего сословия. Дворяне так же, как в СССР, начали оправдывать свой социальный статус и происхождение. Философ Ф.А.Степун писал: «Ни отец, ни мать не были, да по своему происхождению и воспитанию не могли быть, крепостниками. Больше того, они были определенно гуманными людьми, искренне желавшими как можно лучше устроить фабричных рабочих и домашнюю прислугу» [32, с.17]. Тот же

Ю.В.Макаров

Ю.В.Макаров позиционировал происхождение собственного древнего рода от «обыкновенных костромских мужиков», ставших помещиками по воле случая, благодаря поддержке дворян Нелидовых [18, с.4].

В СССР дворянское происхождение, даже без каких-либо дополнительных «отягчающих обстоятельств» (участие в Белом движении, владение помещьем, придворное звание и т.п.), представляло реальную опасность для выживания и могло явиться основанием для репрессий. Дворяне ясно осознавали такую ситуацию. Татьяна Александровна Аксакова-Сиверс, отвезя единственного сына и племянника во Францию к родственникам, поясняла свой поступок так: «Перед мальчиками стояло неизбежное хождение по мукам, их надо было от этих мук избавить» [3, т.1, с.415]. Высланная из Ленинграда в 1935 г. во время целенаправленного истребления дворянства (операция с омерзительным по циничности кодовым названием «Бывшие люди») 71-летняя княгиня Екатерина Васильевна Гагарина прямо писала в Помполит, что «вина моя только в том, что я княгиня Гагарина» [25, с.319]. На дворянское происхождение как на единственную причину для высылки при тех же обстоятельствах указывал Дмитрий Николаевич Скалон [25, с.353]. Графы Георгий Георгиевич и Вера Георгиевна Татищевы, недоумевая по поводу удаления из «города трех революций», наивно оправдывались: «Возможно, что мы высланы потому, что мы родились в графской семье. Но мы не можем

быть в этом виноватыми [...] О родственниках наших родителей мы ничего написать не можем, так как их никогда не видели» [25, с.359].

Постоянные и оскорбительные обвинения, безосновательные преследования привели к тому, что дворянское происхождение стало восприниматься как порок и вызывать чувство вины. Известный историк дворянства Виктор Ильич Чернопятов в одном из писем 1933 г. признавался: «Я очень боюсь за жену, чтобы не покончила с собой, т. к. говорит, что не имеет сил начать где-либо новую трудовую жизнь. Если она что совершит же, я вслед за ней, и считаю себя виноватым, что был домовладельцем и помещиком. Вообще жалкая драма. Как все это бесчеловечно и несправедливо» [2, л.208–207 об.]. Опасения оказались небезосновательны. Вдова генеалога Ольга Николаевна Чернопятова, урожденная баронесса Корф, была расстреляна 19 апреля 1938 г. в возрасте 70 лет.

Важно подчеркнуть, что целенаправленные репрессии против сословия, начатые сразу после Октябрьского переворота, продолжались до 1950-х гг. и прекратились только в период «оттепели». За это время успело вступить в жизнь два поколения дворян (родившиеся в 1910-е – 1920-е гг. и их дети). Дворяне, бывшие к 1917 г. зрелыми людьми, носители традиционных сословных ценностей и менталитета, к середине столетия в основном либо были истреблены, либо умерли в силу естественных причин, а новые поколения выросли в иной социокультурной ситуации, и их мировосприятие, их генеалогическая культура заметно отличались от существовавших в императорской России. Исследователи неслучайно выделяют дворян 1910-х – 1920-х гг. рождения в иную социальную группу [35]. Молодежь сознательно оберегалась от «лишней» и опасной информации о предках и родственниках, из-за чего механизмы передачи семейной памяти оказались нарушены. Дворяне, родившиеся в СССР, знали об истории собственного рода гораздо меньше, чем их родители.

Во время репрессий некоторые пытались скрыть благородное происхождение. В анкетах и прочих документах «чуждое пролетариату» происхождение заменяли эвфемизмом «из служащих», но такой прием помогал далеко не всегда и легко раскрывался. Обман расценивался советской властью как косвенное свидетельство вины. Признавая же принадлежность к элите, дворяне стремились всячески принизить свое положение внутри сословной иерархии, подчеркивая, что их предки не принадлежали к аристократии, а были из низших слоев, не владели недвижимой собственностью и крупными денежными средствами, жили

только жалованием, служили в невысоких чинах, занимали должности в далеких от политики учреждениях (финансовых, образовательных, земских). В документах часто сообщалось о том, что дворянин отношений с родственниками не поддерживает, добросовестно служит советской власти и даже отмечен благодарностями и грамотами. Подобных утверждений много в заявлениях арестованных или их родных с просьбой о смягчении участи, и это самым лучшим образом свидетельствует о том, что подобные декларации не помогали, да и не могли помочь выжить в советской действительности, поскольку они не изменяли главного – факта рождения в дворянской семье.

В ситуации репрессий даже простое признание принадлежности к дворянству при оформлении документов становилось предметом трудного выбора между прагматизмом и генеалогической правдой. Безоговорочное указание на преследуемое сословие расценивалось в 1930-е гг. как положительное качество конкретного человека [25, с.355]. В воспоминаниях Владимира Алексеевича Рукина описан забавный эпизод, когда его престарелая тетка княжна Мария Михайловна Черкасская пришла получать паспорт. Как «бывшей» дворянке, скорее всего, документ ей бы не выдали, что означало высылку из Харькова, где все это происходило. Дальше события развивались неожиданным образом: «В доме, где жила тетя Мери, паспорта выдавала комиссия, заседавшая в том же доме, в подвальном этаже. Возглавлял ее какой-то "комиссар" свирепого вида, в тельняшке и кожаной куртке, видимо, бывший матрос. Тетя Леля, держа под руку тетю Мери, с большим трудом спустилась с ней по лестнице и ввела в помещение комиссии, пред грозны очи "комиссара". Всегда смелая и правдивая, не чувствуя за собой ничего предосудительного, на вопрос "комиссара": "А вы, гражданка, не из дворян ли будете?", тетя Мери гордо ответила: "Какая я дворянка, топ шер¹ (дескать, поднимай выше!) – я княжна Черкасская!" – и с чувством собственного достоинства взглянула на "комиссара" через лорнет. [...] "Комиссар" оказался, видимо, умным человеком, не лишенным чувства юмора. Он сначала оторопел, а затем весело рассмеялся. Искренность тети Мери ему, очевидно, понравилась: "Молодец старуха – не врет и ничего не скрывает! Выдать ей паспорт!"» [29, с.147–148].

Принадлежность к дворянству в СССР была негативной характеристикой человека. Предки-дворяне стали неустранимой и постоянной проблемой. Для того, чтобы выжить, дворяне отрекались от происхож-

¹ *Мой милый.*

дения, родства, супругов [25, с.334, 349 и др.]. Трудно сказать, насколько такие декларации были искренними, но механизмы трансляции генеалогической культуры безусловно от этого сильно пострадали. Знание о предках и родственниках стало, как минимум, ненужным, его объем, точность и достоверность уменьшились.

В дворянской диаспоре ситуация с сохранением генеалогической памяти складывалась тоже неоднозначно и быстро менялась. Первое поколение эмигрантов сохранение сословной культуры, в том числе и генеалогической ее части, считало своей нравственной задачей, долгом перед потомками, перед Россией. Дворяне искренне полагали, что в СССР все архивы погибли или уничтожены новой властью, поэтому стремились существовавшую в их воображении лагуну восполнить в мемуарах, где старались подробно описать и историю рода, и родственные связи [4]. Однако процесс утраты родовой памяти все-таки происходил в эмиграции, хотя и по другим, чем в СССР, причинам. Старшему поколению не удалось передать в полном объеме генеалогическую культуру молодежи. Если в СССР новые поколения дворян скорее не могли знать все о своем происхождении, то в эмиграции в большей степени не хотели, считая эти сведения ненужными для жизни. Молодые дворяне быстро ассимилировались, утрачивали язык; их этническая самоидентификация менялась, и многие ощущали себя французами или американцами, а не русскими.

Н.П.Анциферов

Вместе с тем надо учитывать, что генеалогическая культура не была развита одинаково во всех семьях. Безразличие к истории собственного рода неоднократно критиковалось еще до 1917 г. В.Н.Смолянинов писал: «Мне всегда было стыдно за многих своих, даже знатных, современников, не помнящих родства и равнодушных к прошлому предков» [1, с.1]. По сути, интерес к родословной всегда оставался субъективным, характерным только для части дворянства, конкретной семьи или человека. Историк, культуролог и краевед Николай Павлович Анциферов, например, сетовал, что хотя его семья и принадлежала к древнему дворянству, но «крепкие родовые

связи, фамильные традиции» в ней были ослаблены большой разницей в возрасте между поколениями, между отцами и их детьми [5, с.21]. Воспоминания Т.А.Аксаковой-Сиверс, начатые в период позднего сталинизма, несмотря на время создания, наполнены генеалогической информацией [3], в чем проявилось несомненное противопоставление автора его времени и чему способствовала семейная среда. Т.А.Аксакова-Сиверс доводилась дочерью известному генеалогу, историку и нумизмату Александру Александровичу Сиверсу.

Т.А.Аксакова-Сиверс с отцом

Структура генеалогической культуры русского дворянства

К 1917 г. генеалогическая культура русского дворянства опиралась на три смысловых блока, составлявших ее информационную основу: происхождение рода, сведения о родственных и свойственных отношениях, сведения о матримониальных связях (браках).

Для каждого из них существовала система оценок, которые определяли степень социогенеалогического престижа для любого факта, рассматривая его как возвышающий род или, наоборот, наносящий ему этический ущерб.

Позитивным в дворянском обществе признавалось следующее: иностранное или древнее происхождение рода, обладание титулом, родственные отношения с монархами, разветвленное родство, многодетность, равнородность заключенных браков, материальное благополучие, историческая известность семьи, участие ее членов в общероссийских событиях (прежде всего, в войнах и реформах). Противоположные этому характеристики воспринимались как негативные.

Для императорской России была традиционна высокая степень генеалогической консолидации элиты как в контексте родового единства всего сословия, так и на более низком уровне, соотносимом с конкретной территорией. Последняя ситуация касалась, в первую очередь, по-

местного провинциального дворянства. Однако в генеалогической культуре существовала и иная точка зрения, когда позитивно оценивалась как раз разветвленность, территориальная разбросанность рода. В таком случае ощущение интеграции в региональную сословную корпорацию вытеснялось принадлежностью к сословию в целом. Один из видных деятелей кадетской партии и бывший министр иностранных дел Временного правительства Павел Николаевич Милюков заявлял: «Из сказанного видно, как широко раскинулась наша родня с материнской стороны, разбросав свои щупальца в самые разнообразные и отдаленные углы русской земли» [19, с.54].

В 1920-е – 1930-е гг. в СССР консолидация бывшего дворянства, основанная на сословной принадлежности и родстве, сохранялась частично. Это помогало выжить в сложных материальных условиях, сохранить дворянскую культуру даже при идеологических преследованиях и социоциде. Князь Сергей Михайлович Голицын писал в знаменитых воспоминаниях «Записки уцелевшего»: «Мы, бывшие люди, происходившие от Рюрика, Гедемина или выходца "из немец", в годы революции крепко сплотились друг с другом, несчастья сблизили нас между собой. Мы все, не колеблясь, готовы были помочь материально или морально, чем могли, даже четвероюродной сестре, если арестовывали ее мужа» [11, с.222].

После 1917 г. все перечисленные генеалогические ориентиры были разрушены или модифицировались. Причем иногда эволюция родовой культуры в эмиграции и в СССР происходила идентично и синхронно, иногда она отличалась. Однако при внешней схожести изменений надо учитывать, что причины их могли быть совершенно различными.

**Исторические источники
и трансляция
генеалогической культуры**

Нарушению механизмов трансляции генеалогической культуры способствовала массовая гибель дворянских архивов, семейных реликвий, портретов, насильственное удаление помещиков из усадеб.

Документы предков, генеалогические материалы, рисунки гербов могли стать поводом для обвинения в контрреволюционной деятельности или монархическом заговоре. В 1920-е – 1930-е гг. многие дворяне сознательно уничтожали документы. Прошедшая через арест и обвинение в шпионаже графиня Елена Федоровна Соллогуб в 1932 г. просила генеалога Василия Сергеевича Арсеньева не возвращать взятые у нее фамильные бумаги: «Я все равно брошу в печку, так лучше уж Вы сами

это сделаете» [2, л.136]. Племянница В.И.Чернопятова И.А.Загряжкина рассказывала автору этих строк, что после смерти исследователя в 1935 г. из-за страха сожгла во дворе все его генеалогические рукописи.

Самостоятельным фактором, способствовавшим гибели архивов, стал пресловутый квартирный вопрос, когда семьи оказывались в такой тесноте, что хранить фамильные бумаги было просто негде.

Кроме того, из-за опасения репрессий среди оставшихся в СССР дворян недостаток письменных источников дополнялся сознательным искажением и замалчиванием устной генеалогической информации.

В эмиграции ситуация была иной. Покидая Россию, редко кто из дворян вывез с собой семейные бумаги, поскольку часто отъезд происходил в спешке и не готовился заранее. Хранение архивов осложнялось мобильностью эмигрантов, частыми переездами. Генеалог и историк дворянства Леонид Михайлович Савелов, например, переезжая в 1937 г. из Греции в США, уничтожил часть накопленных уже в изгнании бумаг, а оставшиеся (переписку и экземпляры трудов) сдал в Пражский архив.

Родоначальник как ценность дворянской культуры

Актуальность традиционных генеалогических сюжетов различалась в СССР и в эмиграции; в частности, это касалось вопроса о родоначальнике, то есть об условном лице, с которого начинается счет поколений. В СССР информация о нем скрывалась или искажалась в первую очередь, поскольку именно древнее дворянство выглядело для власти особенно подозрительным и «контрреволюционным».

Для генеалогической культуры русской эмиграции вопрос о родоначальнике оставался, напротив, весьма важным, и в отдельных случаях к нему проявлялось повышенное внимание. Оно было, как правило, обусловлено несколькими обстоятельствами.

Во-первых, такой интерес к предку детерминировался противоречивостью или недостоверностью сведений, поэтому для членов рода казалось существенным систематизировать разрозненные факты, объединить их в связный рассказ, одновременно оценивая достоверность. Таковы были, например, причины внимания Надежды Адриановны Савеловой (рожденной Егоровой) к происхождению рода Егоровых, который пользовался большой известностью в Области Войска Донского. В воспоминаниях она указала на возможность его греческого происхождения, подчеркнув, что «были ли Егоровы выходцами из Греции, я говорю о первом, появившемся

на Дону, или же они принадлежали к так называемым "русским грекам", давно переселившимся в Россию, мы не знаем» [31, с.5]. По свидетельству мемуаристки, единственным источником о выезде ее предка в Россию являлось указание в послужном списке прадеда Афанасия Егоровича Егорова, согласно которому он «из греческих детей».

Запутанным было происхождение Матильды Феликсовны Кшесинской. В ее мемуарах почти целая глава посвящена описанию предков [17, с.9–11]. Балерина утверждала, что театральная династия Кшесинских происходит от польских аристократов графов Красинских. «Семейное предание передавалось изустно от отца к сыну с XVIII века и сохранило живые краски, но никому не пришло в голову записать его на свежую память со всеми яркими подробностями» [17, с.9], – объясняла М.Ф.Кшесинская. Говоря иначе, никаких доказательств семейной легенды не было, но родство и тесные связи с императорской семьей обусловили желательность аристократического происхождения балерины.

М.Ф.Кшесинская

Оценивать достоверность рассказов о предках мемуаристка не стала, заменив их рассуждениями о том, что происхождение оказало значительное влияние на судьбу семьи, так как утрата титула и земельных владений способствовала формированию театральной династии.

Во-вторых, акцент на проблеме родоначальника характерен для генеалогической культуры тех семей, которые лишились титула или имели претензии на пользование им. В реалиях императорской России титул часто воспринимался как социогенеалогический индикатор принадлежности к аристократии. В данном отношении показательны мемуары камергера, бывшего атташе российского посольства во Франции Сергея Александровича Юрьевича. Он не скрывал, что заинтересовался генеалогией, желая восстановить утраченное княжеское

С.А.Юрьевич

достоинство, и даже перечислил документы, подтверждающие права на него [36, с.48].

В-третьих, повышенное внимание к родоначальнику могло быть связано с трудностями, которые возникли перед родом до 1917 г. при юридическом оформлении своих сословных прав. Оно происходило путем внесения семьи или конкретного человека в родословные книги, их вели губернские дворянские собрания.

Вероятно, именно потому бывший министр земледелия Александр Николаевич Наумов подробно описал в воспоминаниях происхождение своего рода, подчеркнув, что он известен с XIV в. и занимал видное положение среди старинного дворянства. В мемуарах обстоятельно рассказывалось о том, какие действия предпринимались для юридического подтверждения древности рода [22, с.5–6].

А.Н.Наумов

П.Н.Милюков

П.Н.Милюков также описывал в воспоминаниях длительные хлопоты своего деда по причислению семьи к тверской дворянской корпорации. Они завершились неудачно. Губернское собрание отказало Милюковым в праве быть записанными в дворянскую книгу, «ввиду пробела в родословной, которую оказалось невозможным дополнить наличными данными» [19, с.49]. Имея историческое образование, П.Н.Милюков пытался профессионально подойти к вопросу о происхождении своей семьи, но дела до конца не довел. «Так я и остался в неведении, можем ли мы считать себя тверскими дворянами» [19, с.49], – отмечал он. Подобные размышления в условиях эмиграции, конечно, не имели никакого практического значения, но демонстрировали, что для генеалогической культуры даже в постреволюционный период правовое признание дворянских прав продолжало оставаться актуальным и отнюдь не утратившей смысл проблемой, фактически интегрируясь с представлениями об истинной принадлежности к дворянству.

**Генеалогическое
самозванство**

Обращенность генеалогической культуры эмиграции к проблеме достоверности происхождения имела определенный смысл в связи с тем,

что в эмиграции широко распространилось самозванство. Некоторые лица, пользуясь невозможностью проверки сведения по архивам, оставшимся в России, стали именовать себя дворянами или пользоваться титулами. Эмигрантское самозванство могло иметь две разновидности.

В первом случае лица недворянского происхождения приписывались к благородным родам, используя схожесть фамилии или даже просто заменяя свою фамилию на известную и старинную. Замечательный пример подобной, абсолютно ничем не обоснованной попытки содержится в воспоминаниях Веры Павловны Зилоти, дочери знаменитого П.М.Третьякова, утверждавшей следующее: «Третьяковы были боярами при Грозном, попали в опалу за свободомыслие и были сосланы на поселение во Владимирскую губернию», где стали простыми ямщиками [12, с.71]. Понимая, видимо, неубедительность версии, мемуаристка подтвердила ее ссылкой на рассказ художника К.Коровина, которому священник одной из владимирских церквей якобы показывал документы о дворянском происхождении купеческого рода Третьяковых.

Во втором случае лица из несомненно благородных фамилий самовольно присваивали титулы, стремясь поднять значение своего рода или восстановить «историческую справедливость». До 1917 г. им было официально отказано в признании княжеского, графского или баронского достоинства (так, например, часто происходило по отношению к потомкам смоленских удельных князей, утратившим титул еще в Средние века). Много внимания уделено генеалогии в воспоминаниях Е.Н.Рачинской, поскольку автор претендовала на происхождение из польского графского рода, который якобы лишился титула после участия в одном из польских восстаний, но конкретно в каком мемуаристка назвать не смогла [28, с.21].

Таким образом, в эмигрантской среде из-за отсутствия правового и организационного контроля за бытованием дворянства продолжалось формирование родословных легенд.

**Границы генеалогического
знания**

Многочисленные воспоминания дворян позволяют установить такую принципиальную характеристику генеалогической культуры,

как длительность родовой памяти. Большинство мемуаристов уверенно называют своих предков до третьего поколения (до дедов), то есть примерно за 100 лет. Четвертое поколение оказалось зоной неустойчивого генеалогического знания. Одни авторы вполне осведомлены о своих прадедах и прабабках, другие, по сути, мало что зная, сводили информацию о них к полуполюгендарным или курьезным рассказам. Случаи превышения указанного хронологического предела также имелись и были обусловлены какими-то субъективными причинами: долголетие предков (это позволяло мемуаристам опираться на личные воспоминания), большая известность рода, семейная традиция сохранения памяти о родстве, гуманитарное образование и т.д.

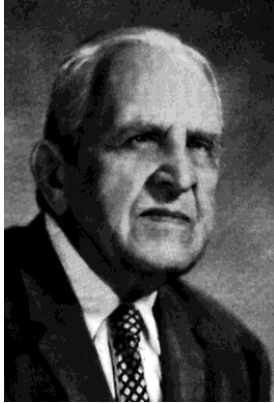
Некоторые дворяне, работая над мемуарами, прямо признавали свою некомпетентность в собственной генеалогии и жалели, что мало знают о ней, не расспросили родственников, пока те были живы. Писатель Михаил Андреевич Осоргин свою неосведомленность объяснял общим нигилизмом общества на рубеже XIX – XX в., когда интерес к генеалогии считался сословным предрассудком и признавался «неприличным» [27, с.417].

В горизонтальном отношении знание дворян, как правило, не превосходило четвероюродных братьев и сестер, редко касаясь более отдаленных степеней родства. Граница эта была одинакова и для эмигрантов, и для тех, кто остался в СССР. Князь Сергей Михайлович Голицын в воспоминаниях постоянно упоминал своих четвероюродных братьев и сестер [11, с.222, 223 и др.].

Родство в социокультурном аспекте

Сведения о всех видах родства являлись значимым элементом в модели генеалогической культуры второй половины XIX – начала XX в., выступали в качестве ин-

формационной основы для других генеалогических и биографических данных. Для дворянина было важно иметь выдающихся предков, чья деятельность, заслуги, подвиги служат предметом семейной гордости. Родство с выдающимися государственными деятелями, заслуженными военными, известными писателями, с аристократическими родами всегда отмечалось и подчеркивалось, даже если было дальним или возникало через браки, а не по крови.

Н.С.Арсеньев

Акцентировалось наличие титулованных родственников, поскольку это косвенно подтверждало благородное происхождение, близкое к аристократическому. Сдержанный на рассказы о своем родословии философ и богослов Николай Сергеевич Арсеньев все-таки упомянул в мемуарах второй брак своей бабушки с князем Н.А.Лобановым-Ростовским [6, с.74], к нему отношения не имевший. О самом князе он ничего не сообщил, так как был важен только его титул, а не биография. М.П.Наумов отметил свои родственные отношения с графами Орловыми [23, с.3].

Особую привлекательность имело родство или свойство, пусть даже призрачное, с владетельными домами, с монархами. Выдающийся философ Николай Александрович Бердяев подчеркивал в книге «Самопознание», что графы Браницкие, его родственники по матери, связаны с императорской семьей, поскольку незаконнорожденная дочь князя Г.А.Потемкина и Екатерины II стала женой одного из графов Браницких [7, с.14].

Таким способом происходило повышение социогенеалогического статуса рода. Связи со знатными, известными, титулованными семьями воспринимались как фактор престижа и играли заметную роль в генеалогической культуре сословия.

Круг лиц, с которыми стремились подчеркнуть родство, в СССР и в эмиграции различался. В последнем случае, не будучи ограничен идеологически, он был более широким.

М.А.Осоргин упоминал о «троюродном родстве» своего отца с Григорием Сергеевичем Аксаковым, сыном известного писателя [27, с.440]. Барон Николай Егорович Врангель, отец известного белого генерала, гордился тем, что по женской линии является потомком генерал-аншефа П.А.Ганнибалы, из чего следовало его свойство с А.С.Пушкиным [10, с.20].

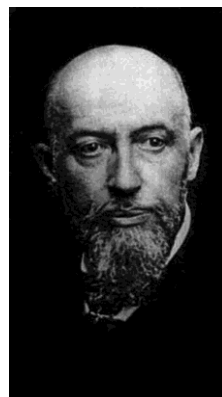
Эмигранты отмечали такое родство, о котором в СССР было бы упоминать опасно. Так, дипломат, русский посланник в Сербии Б.А.Татищев писал о муже двоюродной бабушки – шефе жандармов, генерале А.Л.Потапове [33, с.219].

Разумеется, что в генеалогической культуре приоритет имело прямое родство, а не боковое. Уже упомянутый Б.А.Татищев подчеркивал, что является потомком историка Василия Никитича Татищева, «самого замечательного из предков рода Татищевых», по прямой линии [33, с.205].

Родство с деятелями революции в эмиграции категорически осуждалось. Было ясно, что изменить его невозможно, но негативное или скептическое отношение к родственникам таких лиц ощущалось недвусмысленно. Бывший директор императорских театров и камергер князь Сергей Михайлович Волконский рассказывал в воспоминаниях о бывшей статс-даме Нарышкиной, родной тетке наркома иностранных дел Советской России Г.В.Чичерина, иронически заметив, что такое «высокое родство» не уберегло ее от ареста [9, с.281].

Имелись также общеисторические события, которые постоянно становились предметом для семейной гордости и через это существенным элементом генеалогической культуры. Биографические сведения за период до XVIII века в данном качестве выступали редко, иногда отмечалось участие предков в избрании на царство Михаила Федоровича, для следующего столетия было почетным участие в Петровских реформах и русско-турецких войнах. Однако приоритетное место занимали воинские подвиги в войнах, относительно близких к моменту эмиграции, примерно за столетие (чаще всего – Отечественной войне 1812 г., Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. и Первой мировой войне). В частности, о дедах, которые сражались в Отечественной войне 1812 г., упоминали Н.А.Бердяев и Ю.В.Макаров [7, с.11 – 12; 18, с.5]. Из сферы гражданского управления отмечалось участие предков в отмене крепостного права и реформах 1860-х – 1870-х гг.

В СССР родство с аристократическими фамилиями, известными государственными деятелями Российской империи, с иностранцами, с

Н.Е.Врангель

С.М.Волконский

эмигрантами было фактором, который мог стать поводом для репрессий и наказания вплоть до расстрела. Так произошло, например, с семьей князей Львовых, которые были репрессированы в 1930-е гг. из-за родства с бывшим премьер-министром Временного правительства князем Г.Е.Львовым. Расстреляны были четверо его племянников: Евгений, Владимир, Сергей и Юрий – остальные члены семьи многократно подвергались арестам.

Если в эмиграции связи со знаменитыми родами или известными людьми имели значение социогенеалогической идентификации, способствовали сохранению родовой памяти, то в СССР родство с выдающимися деятелями русской культуры приобрело неожиданное прагматическое значение. Круг лиц, с которыми можно было подчеркивать генеалогические отношения, оказался выборочным, гораздо меньше, чем в эмиграции. Он исчерпывался теми писателями, учеными и общественными деятелями (вроде декабристов), к которым благоволила советская власть. Репрессированные за дворянское происхождение их родственники и потомки часто просили смягчить свою участь, например, вернуть из ссылки или освободить от наказания. С подобными заявлениями в органы власти обращались близкие и дальние родственники А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.И.Тютчева, М.Е.Салтыкова-Щедрина и др. Иногда это даже помогало. В связи с торжествами по случаю 100-летия со дня смерти А.С.Пушкина из ссылки были возвращены потомки его троюродной сестры, сосланные в ходе уже упомянутой операции «Бывшие люди» [24, с.110–111].

Неожиданную ценность приобрело в СССР родство с людьми из тех слоев, которые официально не подвергались преследованиям (крестьянами, мещанами и т.д.). Оно выступало как доказательство «близости к народу». Высланный из Ленинграда в 1935 г. во время операции «Бывшие люди» офицер Александр Николаевич Бартенев в автобиографии особо подчеркивал, что его дед по матери «по рождению крестьянин» [25, с. 307].

Кроме того, важным стало родство с теми, кто выдвинулся в годы советской власти, занимал крупные посты или пользовался известностью. Высланная в 1935 г. из Ленинграда Ольга Константиновна Соваж в письме к Е.П.Пешковой от 13 сентября 1935 г. писала: «У меня есть родственники: вице-президент Академии наук Владимир Леонтьевич Комаров и современная писательница Ольга Форш – они мои двоюродные брат и сестра [...] но, если они, дети таких же отцов, как и я, такие же

дворяне, как я и мои дочери, имеют право на жизнь, на труд и работу, почему я и мои дети должны быть лишены этих прав?» [25, с.356].

**Родство с иностранцами:
эволюция понимания**

В эмиграции обрело большую актуальность, хотя и не стало универсальной и безоговорочной ценностью, иноэтническое происхождение рода и полиэтничность (наличие у конкретного человека иностранцев сразу в нескольких восходящих линиях). Они служили как бы генеалогическим оправданием для нахождения вне пределов родины. Живший во Франции Н.А.Бердяев, например, упоминал в мемуарах о своей бабке по матери – рожденной графине Шуазель-Гуфье, принадлежавшей к старинной французской аристократии, а мать свою называл «более француженкой, чем русской» [7, с.10]. Обстоятельно перечисляла в воспоминаниях своих французских, немецких, итальянских, польских, сербских родственников и свойственников графиня Мария Эдуардовна Клейнмихель, рожденная графиня Келлер, делая в конце экскурса неожиданный вывод: «Сильное развитие во мне космополитизма приписываю я тому обстоятельству, что во мне течет кровь различных национальностей и что у меня такое разнородное родство» [14, с.12].

При этом ценность подобных свойственных и родственных связей оказалась неабсолютной и зависела от хронологии. Основным интерес вызывало недавно возникшее родство, а столь важные для дворянства до 1917 г. легенды о выездах родоначальников из-за границы оказались не нужны. Если мемуаристы и упоминали о них, то кратко, не уделяя большого внимания; некоторые умолчали совсем. Так сделал Н.С.Арсеньев, потомок известного с XIV в. рода, происходившего из Золотой Орды [6], а М.А.Осоргин (настоящая фамилия Ильин) сообщил только, что его предки из «стран варяжских» [27, с.416–417], обозначив подобным образом возможную принадлежность своих предков к потомству князя Рюрика.

Настойчивое упоминание об иностранных предках и родственниках удивительным образом сочеталось в эмигрантской

П.П.Ишеев

генеалогической культуре с однозначной идентификацией себя как русских дворян, приверженных национальным духовным традициям, обычаям, православию, языку, а обрусение рода воспринималось как естественный процесс. О переходе предков в православие и последующем их «обрусении» писал в мемуарах барон Н.Е.Врангель [10, с. 20]. О родственниках по женской линии Крусер, происходивших из Германии, князь Петр Петрович Ишеев отзывался так: «Это была совершенно обрусевшая семья, так что мать даже не говорила по-немецки» [13, с.9].

Браки и дети как элемент генеалогической культуры

В генеалогической культуре конца XIX – начала XX в. большое место занимали матримониальные связи. Сложилась система критериев «удачного – неудачного» брака. Со-

юз признавался благополучным, если супруги были равнородны, то есть происходили из семей одинакового социогенеалогического статуса, что, по общему мнению, являлось залогом счастливой семейной жизни. Ценились принадлежность к древнему или аристократическому роду, который воспринимался как носитель высокой культуры, а также высокие нравственные качества жениха и невесты, их религиозность, паритет в материальном положении. Бедность одного из супругов приравнивалась к мезальянсу. Так, Б.А.Татищев при описании брака деда по материнской линии князя Б.В.Мещерского с княжной С.В.Оболенской подчеркнул, что невеста «родом из довольно бедной семьи» [33, с.217], не упомянув о ее высоком происхождении от Рюрика.

Все критерии успешного брака изменились после 1917 г., причем как в СССР, так и в эмиграции. В 1920-е – 1930-е гг. дворянские традиции супружества еще старались соблюдать, и процент союзов между дворянами был относительно велик, но затем происхождение перестало играть при заключении брака какую-либо роль. В целом, это логически завершало тенденции, которые наметились еще во второй половине XIX в., когда браки с представителями других сословий стали восприниматься дворянским сообществом с изрядной долей спокойствия.

В генеалогической культуре матримониальные связи были тесно интегрированы с рождением детей. В дворянском менталитете безусловный приоритет имело мужское потомство, на которое изначально возлагалась миссия продолжения рода. Несколько дочерей при отсутствии сыновей считались для семьи несчастьем или могли даже стать поводом для шуток. Дочь Петра Аркадьевича Столыпина Мария Петровна фон

Бок, рассказывая о графах Тотлебен, сообщала о восьми дочерях и единственном сыне. Одновременно она воспроизвела ходившую в обществе остроту, что будто бы граф Тотлебен «не может распознать своих восьми дочерей, когда видит их порознь, и только когда все они являлись вместе, то узнает, которая Матильда, которая Ольга» [8, с. 81].

В дворянском обществе положительно относились к большому количеству детей, поскольку это опять же создавало гарантии для продолжения рода. Всегда четко отделялись дети от разных браков, и отношение к единокровным и единоутробным братьям и сестрам зависело от традиции конкретной семьи. В одних отличий не делали, в других – игнорировали. М.Ф.Кшесинская, например, в мемуарах упомянула, что от первого брака у ее матери было 9 детей, но не назвала даже их имен, хотя о родных братьях и сестре написала обстоятельно [17, с.13–14].

Терминология генеалогической культуры

Бытование родственных и свойственных отношений порождает специфическую терминологию, которая является неотъемлемым элементом генеалогической культуры и даже, в определенном смысле, индикатором ее состояния. Термины, которые использовал конкретный человек, зависели от его стремления к передаче информации о родстве, профессиональной подготовки, особенностей воспитания и личной культуры.

В постреволюционной генеалогической культуре дворянства функционировал широкий набор понятий родства, но тенденция к упрощению терминологии после 1917 г. все-таки имелась. В СССР и в эмиграции сохранялись существовавшие ранее неустойчивость и многозначность понятий, и одно слово могло иметь различные значения. В частности, князь Сергей Евгеньевич Трубецкой, казалось бы, ясным по смыслу термином «прадед» называл как родного деда князя П.И.Трубецкого [15, с.130], так и других мужчин из своего рода, фактически сближая его с понятием «предки». Сходным образом поступил барон Н.Е.Врангель, употребляя слово «бабка» для обозначения более отдаленной степени родства – прабабки [10, с.20].

Многие дворяне плохо различали даже основные термины и сложные генеалогические отношения описывали при помощи самых простых слов (отец, сестра, брат и т.д.). Так, А.Н.Наумов писал в мемуарах о том, что его родной дед по матери князь Н.В.Ухтомский женился на Елизавете Алексеевне Наумовой, «дочери Алексея Михайловича Наумова,

родного брата прадеда моего Михаила Михайловича» [22, с.18], вместо того чтобы употребить термин «двоюродная тетка».

Своеобразной компенсацией трудностей русской терминологии родства стало сохранение распространенного в XVIII – XIX вв. билингвизма (одновременного использования русского и иностранного языков, чаще всего французского). Например, Л.М.Савелов постоянно использовал в мемуарах термин «*belle-mère*» и ни разу не употребил слова «теща» [30, с.123, 136]. Н.А.Савелова именovala свою тетку Л.Баштевич «тант Бланш» («тетя Блондинка») [31, с.9]. Граф Ю.Олсуфьев двоюродного деда графа А.В.Олсуфьева называл «мой *grand oncle*», а двоюродную бабушку, графиню А.М.Олсуфьеву, – «моя *grande tante*», не переводя этих терминов [26, с.237].

Л.М.Савелов

Кризис антропонимической идентичности

Одним из признаков кризиса дворянской генеалогической культуры стало появление после 1917 г. такого явления, как утрата антропонимической идентичности. Известные и

древние фамилии изменялись и трансформировались, причем это происходило и в СССР, и в эмиграции.

В условиях советского социцида подобное было обусловлено тем, что дворяне стремились не привлекать лишнего внимания карающих органов. Так, князь Кирилл Юрьевич Урусов, принадлежавший к роду, который сильно пострадал из-за широкой известности, взял после брака нейтральную фамилию жены и стал Волковым, которую его потомки носят до сих пор [21, с.37, 39, 40]. Примечателен факт, что в 1935 г. во время операции «Бывшие люди» для репрессий отбирались обладатели необычных, иностранных фамилий, часто указывавшие как раз на принадлежность к благородному сословию. Обращали на себя внимание также характерные для дворянства двойные фамилии, поэтому их сокращали (Воронцовы-Вельяминовы становились, например, просто Воронцовыми).

В эмиграции фамилии изменялись по другим причинам, в основном из-за трудности произнесения для иностранцев или желания быстрее адаптироваться в иную социокультурную среду (известный во Франции режиссер и актер Роже Вадим по рождению был Вадимом Игоревичем Племянниковым).

Независимо от причин антропонимические искажения оказывали негативное влияние на эволюцию генеалогической культуры дворянства.

* * *

Генеалогическая культура русского дворянства к 1917 г. представляла собой развитую систему духовной жизни, неотъемлемую часть словных традиций, тесно связанную с менталитетом и социальными институтами элиты.

После Октября 1917 г. русское дворянство оказалось в новой социально-политической и правовой ситуации, и именно она предопределила судьбу генеалогической культуры. Утрата приоритетной роли сословия в социуме и в интеллектуальной жизни обусловила кризис уникального понимания родства. Это касалось как СССР, где в отношении дворянства проводилась политика открытого социцида, так и эмиграции, где диаспора стремительно ассимилировалась, теряя национальную, социальную, культурную идентичность.

Деградация генеалогической культуры в России и вне ее детерминировалась различными факторами, но направление процесса оказалось везде одинаковым. Родство перестало восприниматься молодежью как ценность, достоверные сведения о происхождении и родственниках утрачивались и мистифицировались, границы родовой памяти сокращались, терминология упрощалась, антропонимия менялась, механизмы трансляции информации нарушались, а сама она перемещалась из сферы документированного, точного знания в область легенд и семейных преданий. Родственные связи утратили прежнее место в системе межличностных отношений дворян. Негативные изменения в генеалогической культуре происходили практически синхронно, что позволяет связать их не только с внешними обстоятельствами, но и со сменой поколений.

В целом, генеалогическая культура русского дворянства исчезла к началу 1960-х гг. Однако при этой объективной эволюции чрезвычайно возросла роль конкретной личности, сохраняющей родовые традиции. В тех случаях, когда в постреволюционных поколениях находились люди,

целенаправленно интересовавшиеся генеалогией, бытование сословных ценностей превосходило в роде общий для дворянства временной рубеж.

Генеалогическая традиция всегда способствовала консолидации русской элиты, определяла его духовную жизнь и межличностное общение. Ее исчезновение стало трагедией для всей отечественной культуры.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф.5881. Оп.2. Д.649.
2. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф.43. Д.36.
3. Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. М.: Территория, 2005. Кн.1–2.
4. Алексеев Д.А. Генеалогия в эмигрантской мемуаристике 1920-х – 1950-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 32 с.
5. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. 512 с.: ил.
6. Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне: Посев, б.г. 341 с.
7. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1991. 320 с.
8. Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине. М.: Товарищество «А.Н.Сытин и К», 1992. 255 с.
9. Волконский С.М. Мои воспоминания. М.: Искусство, 1992. Т.2. 382 с.
10. Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 512 с.
11. Голицын С.М. Записки уцелевшего. М.: Орбита, 1990. 734 с.
12. Зилоти В.П. В доме Третьякова. М.: Искусство, 1998. 248 с.
13. Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания, 1889–1959. Нью-Йорк, 1959. Кн. 1. 160 с.
14. Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира. Берлин, б.г. 356 с.
15. Князя Трубецкие: Россия воспрянет. М.: Воениздат, 1996. 527 с.: ил.
16. Крылова А.А. Генеалогическая культура русского дворянства XVIII – начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 26 с.
17. Кшесинская М.Ф. Воспоминания. М.: РИК «Культура», 1992. 414 с.
18. Макаров Ю.В. Моя служба в старой гвардии, 1905–1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951. 382 с.
19. Милоков П.Н. Воспоминания. М.: Современник, 1990. Т. 1. 448 с.
20. Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.Д. Собрание сочинений. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 5. 600 с.
21. Нарбут А.Н. Князя Урусовы. М., 1994. 56 с.: ил.
22. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. Кн. 1. 379 с., 4 л. ил.
23. Наумов М.П. Невозвратное // Новое русское слово. 1970. 20 марта. № 21829. С. 3.

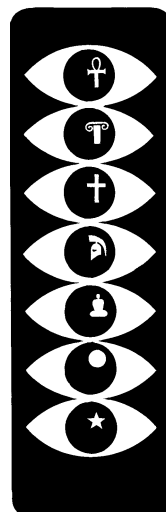
24. Наумов О.Н. Пушкины и советская власть: (опыт социогенеалогического дискурса) // Клио. 2017. № 5. С. 105–114.
25. Обречены по рождению... По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937. СПб.: Изд-во Журнала «Звезда», 2004. 544 с.: ил.
26. Олсуфьев Ю. В Никольском-Оболянове // Новый журнал. 1986. № 163.
27. Осоргин М.А. Сивцев Вражек: Роман. Повесть. Рассказы. М.: Моск. рабочий, 1990. 703 с.: ил.
28. Рачинская Е.Н. Калейдоскоп жизни: Воспоминания. Париж, 1990. 430 с.
29. Рукин В.А. Князья Черкасские // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 2009. Вып. 14/15. С. 134–150.
30. Савелов Л.М. Воспоминания. М.: Старая Басманная, 2015. 485 с.: ил.
31. Савелова-Савелкова Н.А. Слобода Анастасиевка-Денисова и ее владельцы Денисовы и Егоровы // Новик. 1942. Вып. 1. С. 1–15.
32. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. М.: СПб.: Алетейя, 1995. 651 с.
33. Татищев Б.А. Семейная хроника // Новый журнал. 1986. № 163. С. 205–233.
34. Челищев В.Н. Из воспоминаний В.Н. Челищева // Новый журнал. 1988. № 170. С. 227–247.
35. Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920 – 30-е годы). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с., 32 с. ил.
36. Юрьевич С.А. Воспоминания детства // Новик. 1940. Вып. 4. Отд. 2. С. 23–29.

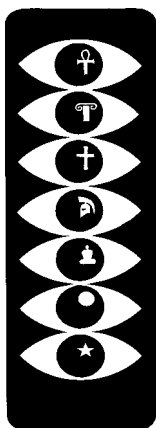
**Народ рукоплещет всякому
перевороту в правлении,
пока не разочаруется
в очередной раз.**

Шарль Дюкло

Люди от природы настолько склонны подчиняться, что им мало законов, управляющих ими в их слабости, им недостаточно повелителей, данных судьбой, – им подавай еще и моду, которая предписывает человеку даже фасон башмаков.

Люк де Клапье Вовенарг

Михаил Киселев

«ПО ПРАВАМ ВСЕГО СВЕТА»

ЛЕГИТИМАЦИЯ ДВОРЦОВОГО
ПЕРЕВОРОТА 1741 г.
И ПРОБЛЕМА ЗАКОННОСТИ
ВОЦАРЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47).065

Статья посвящена проблеме сочетания в российской политической культуре XVIII в. стремления правящей элиты к идеалу правления по законам и «беззаконных» дворцовых переворотов на материалах легитимации событий 1741 г., приведших к власти Елизавете Петровне. Ряд историков полагает, что Елизавета Петровна строила легитимацию своего восшествия на факте кровного родства с Петром Великим. Как показывается в статье, Елизавета Петровна при обосновании своего воцарения обращалась, прежде всего, к правовым аргументам, а не к тому факту, что ее отцом был Петр I. Таким образом, она уже строила легитимацию по канонам новой светской правовой культуры. В то же время сам факт, что она смогла изобразить дворцовый переворот как торжество законности, был возможен благодаря недостаточной развитости и слабой устойчивости элементов светской правовой культуры

The article is devoted to the problem of combination in the Russian political culture of the eighteenth century the aspirations of the ruling elite to the ideal of governs by laws and "lawless" Palace coups on the materials of the legitimation of Elizaveta Petrovna's accession to the throne in 1741. Some historians believe that Elizabeth built the legitimacy of his accession on the fact of blood relationship with Peter the Great. As the article shows, first of all Elizaveta Petrovna used the legal arguments, not to the fact that her father was Peter I. Thus, her legitimacy was built on the basis of the new secular legal culture. At the same time, the fact that she was able to portray the coup as a triumph of law, was possible due to insufficient development and weak stability of the elements of the secular legal culture in Russia.

Ключевые слова: Елизавета Петровна; М.В.Ломоносов; дворцовые перевороты; Российская империя; история российского права.

Key words: Elizaveta Petrovna; M.V.Lomonosov; palace coups; Russian empire; history of Russian law.

E-mail: strateg-mk@rambler.ru

На протяжении XVIII века в России в среде правящей элиты фиксируется утверждение идеала правления по законам. Еще Петр I в указе от 17 апреля 1722 г. провозгласил, что «ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских» [24, т.6, №3970, с.656. См. также: 6, с.63–65]. Уже в 1730 г. в одном из «программных» документов Верховного тайного совета заявлялось, что «не персоны управляют закон, но закон управляет персонами» [29, с.205]. Конечно, «затейка верховников» закончилась неудачей. Тем не менее такая формула указывала на представления правящей элиты об идеальном устройстве государства, где одну из центральных ролей должно было играть отправление власти в соответствии с законами. Этот интеллектуальный тренд получит свое развитие в середине XVIII в., и его логичным продолжением и даже своеобразным апофеозом станет «законная монархия» Екатерины II [См.: 4; 21].

В то же время одним из ярких политических событий российского XVIII века были политические заговоры и дворцовые перевороты, которые, на первый взгляд, демонстрировали торжество силы над законом. Как отмечает Е.В.Анисимов, «достаточно было нескольких сотен или даже десятков пьяных гвардейцев, чтобы свергнуть законного государя и возвести на престол нового. Из таких государей двое (Елизавета Петровна, Екатерина II) оказались попросту узурпаторами, нарушившими как все принятые на сей счет юридические нормы, присягу, так и традиционные “династические счета”». По мнению историка, это было связано с тем, что «в силу разных причин возросшее за границей поля закона (на котором худо-бедно, но все же существовал порядок и законность) само самодержавие оказывалось беззащитным перед всякими незаконными действиями, становилось подверженным случайностям» [3, с.207]. На первый взгляд получается, что развитие и упрочение среди правящей элиты Российской империи идеала правления по законам происходило на фоне «беззаконных» перемен на престоле. Одной из наиболее значимых таких «беззаконных» перемен было свержение императора Иоанна Антоновича и воцарение Елизаветы Петровны в 1741 г. В настоящей работе мы обратимся к вопросу о том, какую роль играла проблема законности в легитимации воцарения Елизаветы Петровны в 1741 г., чтобы понять, как согласовались между собой развитие представлений о необходимости правления по законам с фактом дворцового переворота.

**«Когда на трон она
вступила...»:
первые манифесты
Елизаветы Петровны**

В ночь с 24 на 25 ноября император Иоанн Антонович с семьей был арестован, и уже 25 ноября был опубликован первый – краткий – манифест, посвященный объясне-

нию перехода престола к Елизавете Петровне. Согласно донесению французского посла маркиза Ж.–И. де ла Шетарди, манифест и форма присяги создавались в спешке ранним утром 25 ноября: канцлер и кабинет-министр князь А.С.Черкасский, секретарь Кабинета министров К. фон Бреверн и бывший кабинет-министр граф А.П.Бестужев-Рюмин, «недавно вызванный из ссылки, работали над редакцией указа и формы присяги», а также «распоряжались об отправке повелений, которых надобно было разослать по губерниям, по соглашению с кн. Трубецким, генерал-прокурором и некоторыми членами сената» [18, с.408].

М А Н И Ф Е С Т Ъ
БОЖИЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕЛИСАВЕТЪ

ПЕРВАЯ, ИМПЕРАТРИЦА
и самодержица всероссійская,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе.

Какъ по всѣмъ уже чрезъ выданной въ прошломъ 1740мъ году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ; числа манифестъ извѣстно есть, что блаженныя памяти отъ Великія Государыни Императрицы АННЫ ЮАННОВНЫ при кончинѣ Ея наслѣдникомъ Всероссійскаго престола учиненъ Внуку Ея Величества, которому тогда еще отъ рождениа нѣсколко мѣсяцовъ только было, и для такого Его младенчества правленіе государственное чрезъ разные персоны и разными образы происходило, отъ чего уже какъ внѣшне такъ и внутрь государства беспокойства и непорядки, и слѣдовательно немалое же разволеніе всему государству послѣдовалобъ; того ради всѣ Наши какъ духовнаго такъ и свѣцкаго чиновъ вѣрныя подданные, а особливо Лейбгарди Наши полки всеподданнѣйше и единогласно Насъ просили, дабы Мы для пресѣченія всѣхъ нѣхъ происшедшихъ и впредь опасаемыхъ беспокойствъ и непорядковъ, яко по крови ближняя отеческій Нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили, и по тому Нашему законному праву по близости крове къ самодержавнымъ Нашимъ вседражайшимъ родителямъ Государю Императору Петру Великому и Государыни Императрицѣ Екатерины Алексеевны, и по Ихъ всеподданнѣйшему Нашихъ вѣрныхъ единогласному прошенію тотъ Нашъ отеческій Всероссійскій престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили, о чемъ всѣмъ впредь со обстоятельствомъ и съ доволнымъ изъясненіемъ манифестъ выданъ будетъ, нынѣ же по всесердному всѣхъ Нашихъ вѣрно подданныхъ желанію всемилостивѣйше соизволяемъ въ томъ учинить Намъ торжественную присягу Ноября 25 дня 1741 году.

Краткий Манифест
о взошествии на престол
Елизаветы Петровны
от 25 ноября 1741 г.

Подлинной подписанъ собствен-
ною Ея Императорскаго Величества
рукою, такъ: ЕЛИСАВЕТЪ.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ
при Сенатѣ Ноября 25 дня 1741
года.

В манифесте указывалось, что после смерти Анны Иоанновны ее наследником был «учинен внук Ея Величества, которому тогда еще от рождения несколько месяцев только было». Последнее обстоятельство привело к тому, что «для такого его младенчества правление Государственное чрез разные персоны и разными образы происходило, от чего уже как внешние, так и внутрь Государства безпокойства и непорядки, и следовательно немалое же разорение всему государству последовало б». По этой причине, согласно манифесту, «как духовнаго, так и светскаго чинов верные подданные, а особливо Лейб-Гвардии Наши полки всеподданнейше и единогласно Нас просили, дабы Мы, для пресечения всех тех происшедших и впредь опасаемых безпокойств и непорядков, яко по крови ближняя, Отеческий Наш Престол ... воспрять соизволили». И далее от имени Елизаветы Петровны заявлялось: «И по тому Нашему законному праву, по близости крови к Самодержавным Нашим ... Родителям ... и по их всеподданнейшему Наших верных единогласному прошению, тот Наш Отеческий Всероссийский Престол ... воспрять соизволили» [24, т.11, №8473, с.537].

Кроме того, по манифесту 25 ноября 1741 г. подданные должны были принести присягу новой императрице по приложенной форме. Помимо прочего, им следовало обещать быть «верным, добрым и послушным рабом и подданным» не только Елизавете Петровне, а и «по Ней Ея Императорскаго Величества Высоким законным Наследникам, которые по изволению и Самодержавной Ея Императорскаго Величества власти избраны и определены, и к восприятию Престола удостоены будут» [24, т.11, №8473, с.538]. Подчеркнем, что формулировка о присяге не только императору, а и еще наследнику, который будет назначен волей монарха, напрямую восходила к форме клятвенного обещания, прилагавшегося к петровскому Уставу о престолонаследии 1722 г. [34, т.6, №3893, с.497].

Таким образом, по краткому манифесту получалось, что малолетний монарх был лишен престола по инициативе «как духовнаго, так и светскаго чинов верных подданных» из-за его недееспособности полноценно осуществлять функции правителя. При этом права самого Иоанна Антоновича на престол никоим образом не ставились под сомнение. Обращение же именно к Елизавете Петровне стать новым правителем обосновывалось фактом ее «близости крови» к Петру I и Екатерине I. Конечно, звучала отсылка и к некоему «законному праву», однако было не совсем понятно, что под ним подразумевалось. Показательно, что в манифесте звучали исключительно светские аргументы. Более того, в

нем и ни разу не упоминался Бог, что было весьма нехарактерно для таких документов [25, с.128]. Получалось, что во время утренней импровизации 25 ноября 1741 г. три видных чиновника империи с ходу смогли придумать и должным образом прописать только доводы, связанные с обращением к *общему благу* и кровному родству. Скорее всего, составители манифеста понимали, что предъявленная в документе аргументация в пользу восшествия Елизаветы Петровны слабо проработана, в связи с чем они поместили в конце манифеста заявление, что поданным «впредь со обстоятельством и с довольным изъяснением Манифест выдан будет» [24, т.11, № 8473, с.537–538].

Соответственно, 28 ноября 1741 г. был издан второй – обстоятельный – манифест, в котором был снова поднят вопрос о легитимности восшествия на престол Елизаветы Петровны. Этот документ открывался ссылкой на духовную Екатерины I от 7 мая 1727 г., а точнее – на ее 8 артикул, согласно которому в случае смерти Петра II бездетным престол империи наследовали «Цесаревна Анна с Своими Десценденты, по Ней Цесаревна Елисавета и Ея Десценденты». Этот артикул содержал еще одно важное предписание: «Никто никогда Российским Престолом владеть не может, который не Греческого закона, или кто уже другую корону имеет». Исходя из этого, от имени Елизаветы Петровны заявлялось: «По тому ... тестаменту ... Мы еще тогда ж, как скоро ... Петр Второй сию временную на вечную жизнь пременял, уже законною Наследницею ... Престола без изъятия были». Однако якобы из-за интриг А.И.Остермана, утаившего духовную, на престол была избрана Анна Иоанновна. Переходя ко времени царствования Иоанна Антоновича, автор манифеста утверждал, что при нем было «сочинено некоторое к конечному Нас от Нашего законнаго, и по правам всего Света, к тому же и по крови подлежащаго наследия, Всероссийскаго Престола отрешению, отменное о наследствии Нашей Империи определение». Из-за этого, а также по причине того, что при младенце-императоре были «происходящая к крайнему Нашего Государства разорению и крайняя же разными образы поданным Нашим утеснения и чаямые как внутренние Империи Нашей, так и внешние непорядки и безпокойства», Елизавета Петровна «помощию ... Бога, и по всеподданнейшему к Нам всех наших верноподданных ... прошению, Родительский Наш Престол ... воспринять соизволили». После такой формулировки дополнительно было указано, что Анна Леопольдовна и ее дети «нималейшей претензии и права к наследию Всероссийскаго Престола ни по чему не имеют» [24, т.11, №8476, с.542–543].

«ПО ПРАВАМ ВСЕГО СВЕТА»

М А Н И Ф Е С Т Ъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕЛИСАВЕТЪ

ПЕРВАЯ, ИМПЕРАТРИЦА

и самодержица всероссійская,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявленъ всѣмъ.

Обстоятельный Манифест
о восшествіи на престол
Елизаветы Петровны
от 28 ноября 1741 г.

Преже въ прошломъ 727 году Мая 7 числа по кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойной памяти Матери Нашей Великія Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫИ объявленно духовно, [по которой тогда всѣ Наши вѣрноподданныя какъ духовнаго такъ и свѣтскіихъ чиновъ присягали,] о наследствѣ всероссійскаго Императорскаго престола первыиъ артикуломъ опредѣленъ наследникомъ Императоръ ПЕТРЪ Второй; а по кончинѣ ево о Successoraxъ всероссійскаго престола въ 8мъ артикулѣ сими словами изображено, шакъ: ежели Великій Князь безъ наследниковъ преставится, то имѣетъ по негѣ Цесаревна Анна съ своими descendentami, по ней Цесаревна ЕЛИСАВЕТА и Ее descendentны, а попомѣ Великая Княжна и ее descendentны наследствовать, однакожъ мужеска полу наследники предъ женскимъ предпочтены бытъ имѣютъ; однакоже никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, которой негреческаго закона, или кто уже другую корону имѣетъ. И шакъ събывавельно по поему Ея Императорскаго Величества Матери Нашей Государыни шестаменишю, какъ по выше изображено, Мы еще тогдажъ, какъ скоро по воли всемогущаго Бога Императоръ ПЕТРЪ Второй сию временную на вѣчную жизнь прѣвнилъ, уже законно наследницею Нашего Отческаго всероссійскаго престола безъ изыятія были, но недоброжелательными къ Намъ и коварными происки бывшаго тогда при Его Императорскомъ Величествѣ Оберъ-Горб.-Мейстеромъ Графа Андрея Остермана, на Ея Величества Матери Нашей Государыни духовная по кончинѣ Его Величества, [ибо при упомянутомъ Его Величествѣ Императорѣ ПЕТРѣ Второмъ въ Государственнаго пакой записки подмемаша дѣла бмай въ ево Остермана рукахъ,] скрыта, и евожъ Остермана проискомъ, дабы Мы, яко довольно зналъ уже ево коварныя и государству Нашему вредительныя многія поступки, всероссійскій престолъ не наследовали, избрана на престолъ всероссійской имперіи мимо насъ [какъ всему умному свѣту извѣстно есть, законной отческаго престолу наследницею] блаженныя памяти Императрицы АННА ЮАННОВНА: когда же въ прошломъ 740мъ году въ Октябрѣ мѣсяцѣ Ея Величество уже къ смерти разболѣлася, тогда онъ же Графъ Остерманъ сочинилъ опредѣленіе о наследникѣ Ея Величества, [которое 6 числа того Октябрия напечатано и въ народъ публиковано,] что шѣмъ Ея Величество унизилъ наследникомъ пошесѣвъ Принца Антона Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго онѣ Сѣмъшайшей Принцессы Мекленбургской Анны рожденнаго сына [никакоя уже ко всероссійскому престолу принадлежащей препенія линіи и права неимѣющаго] еще только двумѣсячъ-

Таким образом, в обстоятельный манифест по сравнению с кратким было внесено несколько примечательных корректив и дополнений, связанных с легитимацией переворота. Так, наряду с *прошением* поданных появилась *помощь Бога*. Однако все же основные коррективы были направлены отнюдь не на совершенствование политико-богословской аргументации. Они были направлены на обоснование соответствия событий праву Российской империи. В итоге переворот подавался, прежде всего, как акт восстановления законности, поправной такими сановниками, как А.И.Остерман. Примечательна и отсылка на *права всего Света*. Под последними, скорее всего, подразумевалось то, что было известно европейской юриспруденции с римских времен как *jus gentium* (право народов). И лишь после всего этого в качестве дополнения («к тому же») указывалось, что престол принадлежал Елизавете

Петровне «по крови». Схожим образом, прошение подданных во избавление их от бед оказалось дополнено отсылкой, что Елизавете Петровне грозило *конечное отрешение* от престола. Получалось, что *общее благо* и династийное – *кровное* – родство как основание для переворота и источник прав оказывались оттеснены легалистскими доводами.

Конечно, возникает вопрос: кто именно предложил Елизавете Петровне обратиться к завещанию Екатерины I? Здесь следует учесть, что она была причастна к составлению духовной своей матери [13, с.126–129]. Кроме того, известен факт, что Елизавета Петровна в 1732 г. апеллировала к норме екатерининского завещания, касавшейся пожалования графам Скавронским вотчин [19, с.555], то есть она спустя пять лет после утверждения завещания все же помнила о его содержании. В связи с этим показательно, что самый первый вопрос, который был задан на допросе А.И.Остерману 26 ноября 1741 г., касался именно духовной Екатерины I. От арестованного вице-канцлера потребовали ответа на следующий вопрос: «Где ныне духовная ... императрицы Екатерины Алексеевны находится?» [1, л.7. См. также: 16]. Если принять во внимание и то, что Елизавета Петровна «была хорошо образованным человеком» [12, с.111], можно с уверенностью предположить, что в манифесте от 28 ноября 1741 г. был сделан акцент на завещании Екатерины I при ее непосредственном участии.

Кроме того, необходимо учесть, что накануне елизаветинского переворота в окружении Анны Леопольдовны довольно активно дебатировались вопросы о правовом регулировании престолонаследия. При этом участники обсуждений, включая впоследствии арестованных кабинет-министров А.И.Остермана и М.Г.Головкина, стремились обосновать свои позиции именно с помощью законодательства – Устава о престолонаследии 1722 г. и духовной Анны Иоанновны; звучали и отсылки к европейским правовым примерам [15, с.66–72]. И, соответственно, знакомство с материалами этих обсуждений могло подтолкнуть Елизавету Петровну и ее окружение обратиться к легалистской стратегии легитимации переворота.

Одно из самых первых свидетельств, что легалистские акценты нового манифеста дошли до публики, можно обнаружить в одическом «Всепоподанейшем поздравлении», которое было написано на немецком Я.Штелиным, переведено М.В.Ломоносовым и приурочено Петербургской Академией наук ко дню рождения Елизаветы Петровны 18 декабря 1741 г. Согласно ему, «Отеческой земли любовь ... вздыхала» со следующими словами, обращенными к Елизавете Петровне:

«ПО ПРАВАМ ВСЕГО СВЕТА»

Достойна на престол вступи,

К присяге мы готовы вси.

Отдай красу Российску трону

По крови, правам и закону

(выделено мною. – М.К.) [14, с.57, 887].

О том, что именно легалистской аргументации было придано ключевое значение в официальной легитимации переворота, показало дело сановников, арестованных во время переворота и осужденных в январе 1742 г. Согласно манифесту от 22 января 1742 г., в котором подданные извещались о состоявшемся суде над графом А.И.Остерманом, графом Б.Х.Минихом, графом М.Г.Головкиным, графом Р.Г.Левенвольде и другими менее значимыми персонами, после смерти Петра II Елизавета Петровна, бывшая, «по точному содержанию учиненной ... Императрицы Екатерины Алексеевны духовной, законною, без всякого изъятия, Наследницею», из-за интриг оказалась *безсовестно лишена* престола. То же произошло, согласно манифесту, и в 1740 г., когда на престоле оказался Иоанн Антонович, не имевший «нималейшей претензии, линии и права». И, на что дополнительно следует обратить внимание, в этом документе при обосновании прав Елизаветы Петровны на престол имя Петра I совершенно не упоминалось, а постоянно повторялось имя Екатерины I. Это было понятно: ведь именно по ее *духовной*, как заявлялось в документе от имени Елизаветы Петровны, «Мы ... безспорное к наследству право имеем» [24, т.11, №8506, с.569]. Итак, высшие сановники империи на одном из наиболее значительных политических процессов российского XVIII века были осуждены отнюдь не за непочтение к крови Петра Великого, а за то, что они якобы воспрепятствовали исполнению *духовной* Екатерины I.

Историки, хотя и обращали внимание на такие отсылки к *духовной* Екатерины I, все же считали возможным утверждать, что Елизавета Петровна обосновывала свое право на престол кровным родством с Петром I.

Так, Е.В.Анисимов пишет, что в царствование Елизаветы Петровны ключевым и с определенного времени даже «единственным обоснованием прав Елизаветы на престол» стала «ссылка на "близость крови"». Более того, он утверждает, что «после указа 28 ноября 1741 г. в государственных актах даже не упоминался testament 1727 г., ибо из его текста вытекало, что Елизавета взшла на престол вопреки последней воле своей матери», ибо по екатерининскому testamentу престол должен

был перейти сыну Анны Петровны Карлу-Петру-Ульриху [2, с.135]. Как было показано на примере манифеста от 22 января 1742 г, после 28 ноября 1741 г. ссылки на testament не исчезли. Равным образом, в столь категоричном суждении о праве Карла-Петра-Ульриха на престол по завещанию Екатерины I Е.В.Анисимов явно забывает оговорку о том, что наследник должен быть православным. С учетом того, что юный голштинский герцог и в 1730 г., и в 1741 г. был лютеранином, Карл-Петр-Ульрих формально не мог наследовать престол Российской империи.

О.А.Омельченко, хотя и указывает на факт использования Елизаветой Петровной ссылки на духовную Екатерины I, считает возможным заявить, что после принятия Устава о престолонаследии 1722 г. «в вопросе о престолонаследии публично-правовая доктрина русской монархии, несмотря на все перипетии полутора десятилетий, *в качестве первейшего обоснования* (курсив О.А.Омельченко. – М.К.) устойчиво оперировала категорией **кровнородственной близости** (выделено О.А.Омельченко. – М.К.) к Императору-родоначальнику, которым презюмировался Петр I и попытка заменить которого в этом историко-генеалогическом свойстве расценивалась как нарушение "законности"». При этом, обращаясь к воцарению Елизаветы Петровны, историк добавляет, что в ее случае «в публично-правовой декларации присутствовал как вполне закономерный и обоснованный мотив избирательности со стороны "подданных"» [21, с.34]. Такие суждения, если опираться только на анализ манифеста от 25 ноября 1741 г., можно было бы признать справедливыми. Однако они явно противоречат тому, что было написано в манифестах от 28 ноября 1741 г. и 22 января 1742 г.

Укажем также на стоящие особняком рассуждения Е.Погосян. Историк литературы полагает, что в манифестах Елизаветы Петровны, в принципе, отсутствовала законченная концепция, так что елизаветинские аргументы «противоречат друг другу и отсылают каждый к своей системе наследственного права». Если в первом манифесте «Елизавета предстает выборной монархиней», то в обстоятельном манифесте «аргументация меняется: объявляется об утаенном завещании Екатерины I, далее указывается право "по крови" и в то же время сохраняется "по прощению подданных"». На основании таких умозаключений Погосян считает возможным заявить, что «никакой идеологической стройности Елизавете не требовалось», так как «ее воцарение воспринималось как восстановление на престоле наследницы Петра и русской по происхождению властительницы» [23, с.112]. Однако такие рассуждения возмож-

ны лишь при игнорировании эволюции легитимации в манифестах Елизаветы Петровны. Как нами показано, апеллирование к кровнородственной близости к Петру I, а также указание на *прошение подданных* были основными доводами только в кратком манифесте 25 ноября 1741 г. Уже в обстоятельном манифесте 28 ноября 1741 г. эти аргументы уступили главную роль легалистским рассуждениям, ключевую роль которых затем закрепил политический процесс над сановниками во главе с А.И.Остерманом и манифест 22 января 1742 г. И для такого легалистского поворота в объяснении событий 25 ноября 1741 г. у новой императрицы и ее приближенных были разумные причины.

Для Елизаветы Петровны проблема заключалась в том, что основание ее легитимности на кровнородственной близости было весьма уязвимо. По логике *крови* на престол мог претендовать Карл-Петр-Ульрих как сын *старшей* дочери Петра I Анны. Кроме того, не стоит забывать, что Анна Леопольдовна и ее сын Иоанн были потомками *старшего* брата Петра – Иоанна Алексеевича, который все же был царем. Не менее проблематичной могла выглядеть ставка в обосновании легитимности и на *прошение подданных*, «особливо Лейб-Гвардии», во имя *общего блага*. Ведь *подданные* во имя *общего блага* могли обратиться впоследствии к другому претенденту на престол. Апелляция же к духовной Екатерины I снимала как непростые счета кровного родства, так и возможную активность подданных в вопросе определения того, кто должен быть на престоле. Они, восстановив поправленную законность, переставали быть действующими субъектами политики и вновь становились послушными подданными российского монарха.

«Кроткая Екатерина, отрада по Петре едина...»: дочь в борьбе за наследство матери

Обращение к завещанию Екатерины I для Елизаветы Петровны таило свои подводные камни. Духовная была основана на Уставе о престолонаследии 1722 г., на что

указывала ссылка на него в манифесте о кончине Екатерины I и восшествии на престол Петра II. Согласно этому документу, последний получал престол «по уставу (Петра I. – *М.К.*) и высокому определению завещания» Екатерины I. Также подданные должны были принести присягу, основанную на Уставе 1722 г., в которой они клялись в верности не только новому императору, а и «по нем Его Величества высоким наследникам, которые по соизволению и самодержавной Ему от Бога данной Императорской власти определены и впредь определяемы и к вос-

приятно престола удостоены будут» [24, т.7, №5070, с.788–789]. Однако, как известно, в Уставе, равно как и в «Правде воли монаршей» [27], бывшей официальным комментарием к Уставу, ничего не было сказано о том, что делать, если монарх – несовершеннолетний. Может ли он или кто-либо от его имени распорядиться престолом? Тестамент Екатерины I зафиксировал, что Петр II до достижения совершеннолетия «не имеет за юностию в Правительство вступать». «Во время малолетства» императора управление государством передавалось Верховному тайному совету, который получил «полную власть Правительствующаго Самодержавнаго Государя, токмо определения о сукцессии ни в чем не отменять». О наследовании престола (*сукцессии*) было написано, что в случае бездетной смерти великого князя Петра Алексеевича престол должны наследовать – при определенных условиях («однакож мужеска полу Наследники пред женским предпочтены быть имеют. Однакож никто никогда Российским престолом владеть не может, который не Греческаго закона или кто уже другую корону имеет») – Анна Петровна и ее потомки, а в их отсутствие – Елизавета Петровна и ее потомки [24, т.7, №5070, с.790]. Из этих норм можно было сделать вывод, что по достижении совершеннолетия Петр II должен был получить «полную власть Правительствующаго Самодержавнаго Государя», которая должна была бы распространиться и на право распоряжаться престолом в соответствии с Уставом 1722 г. Получалось, что прописанный в тестаменте порядок наследования престола действовал только во время несовершеннолетия Петра II. К моменту своей смерти в 1730 г. юный монарх официально был совершеннолетним, так что теперь именно ему принадлежало право распоряжаться престолом, а духовная Екатерины I к этому моменту потеряла свою обязующую силу. На такое понимание тестамена прямо указал во время допроса арестованный по повелению Елизаветы Петровны фельдмаршал Б.Х.Миних. Отвечая на вопрос, почему он не защищал «императрицы Екатерины Алексеевны духовной, по которой ея императорское величество ... Елисавет Петровна к сукцессии в свое время определена и учреждена», фельдмаршал заявил, что он «не защищал для того, что он разумел, что надобно поступать по указу настоящего государя, а не прежних монархов» [7, с.225]. В связи с этим небезынтересно отметить, что в первом французском издании мемуаров одного из очевидцев событий 1741 г. Х.Г.Манштейна, служившего одно время под командой Б.Х.Миниха, был помещен абзац с указанием на петровский Устав о престолонаследии 1722 г. и замечалось, что Анна Иоанновна по этому указу имела власть («pouvoir») выбрать себе на-

следника [30, р.423–424]. Соответственно, в этой логике Иоанн Антонович был законным правителем. Впрочем, этот абзац отсутствовал в первом английском [31, р.316] и первом русском издании мемуаров [17, с.168]. Вполне возможно, что данный абзац во французской публикации был редакторским дополнением. Тем не менее наличие такого пассажа указывало на то, что уже в XVIII веке понимали, что в логике действия Устава о престолонаследии 1722 г. новый монарх получал законное право распорядиться престолом по своему усмотрению.

Возможно, по этой причине Елизавета Петровна, провозглашавшая себя продолжателем дел Петра Великого, предпочла при обосновании своего права на престол умолчать об Уставе 1722 г., равно как и о «Правде воли монаршей», а также не публиковать во всеобщее известие весь текст тестаменты Екатерины I, вместо этого оперируя лишь его восьмым артикулом. В конце концов, именно в этом пункте не было прямо прописано, что обозначенный от имени покойной императрицы порядок наследования действовал только до совершеннолетия Петра II. Такой вывод можно было сделать из комплексного анализа норм екатерининской духовной с учетом Устава 1722 г., а также манифеста о восшествии на престол Петра II. Однако если проигнорировать это, то выдвинутые претензии Елизаветы Петровны на престол окажутся более чем законными.

Следует отметить, что ряд историков принял именно такое елизаветинское толкование норм тестаменты Екатерины I, полагая, что прописанный в нем порядок престолонаследия был предусмотрен не только на время несовершеннолетия Петра II, а продолжал действовать и после наступления оно. Еще В.О.Ключевский писал, что екатерининское «завещание имеет свое место в истории русского законодательства о престолонаследии, вносит в него если не новую норму, то новую тенденцию. Пользуясь законом Петра I, оно имело целью восполнить пустоту, образованную этим самым законом, делало первую попытку установить постоянный законный порядок престолонаследия». Исходя из такого понимания тестаменты, то есть не как акта, который действовал только до совершеннолетия Петра II, а как акта, устанавливающего постоянный порядок наследования в «доме Петра I», историк при характеристике Елизаветы Петровны заявлял, что она была «наиболее законная из всех преемников и преемниц Петра I» [11, с.243, 314]. Также Н.И.Павленко утверждал, что «"тестамент", по сути, определял новый порядок престолонаследия, отличавшийся как от традиционного, так и от установленного Уставом о наследии престола 1722 года. Он являлся сплавом того и

другого с провозглашением новых норм. Так, Устав ... предусматривал назначение царствующим монархом лишь преемника, его сменившего, в то время как "Тестамент" заглядывал в будущее – воля императрицы распространялась на порядок наследования на ближайшее будущее» [22, с.55].

В духе, схожем с утверждениями В.О.Ключевского и Н.И.Павленко, оценил значение тестамент 1727 г. О.А.Омельченко. Согласно историку, это завещание «впервые сформировало законный и предсказуемый порядок престолонаследия в России, исходя из вполне четкого принципа фамильного восприимства... Нарушая провозглашенный *de jure* Петром I волюнтаристский принцип, Завещание утвердило династический порядок престолонаследия» [21, с.27].

А.Б.Каменский пишет, что в ноябре 1741 г. «речь шла о свержении с престола законного государя и воцарении (вопреки мнению Ключевского) человека, не имевшего на трон законных прав». Он отвергает обоснованность апелляции Елизаветы Петровны к тестаменту Екатерины I по той причине, что по нему «Елизавета получала право на трон лишь в случае отсутствия потомков у ее старшей сестры Анны Петровны. Между тем потомок – герцог Голштинский Карл-Петр-Ульрих – существовал» [8, с.278]. Однако А.Б.Каменский упустил важное положение восьмого пункта тестамент («никто никогда Российским престолом владеть не может, которой не Греческого закона или кто уже другую корону имеет» [24, т.7, №5070, с.790]), в силу которого лютеранин Карл-Петр-Ульрих формально не мог наследовать престол. С учетом этого пункта Елизавета Петровна в предложенной А.Б.Каменским логике понимания тестамент все же законно взошла на престол.

Таким образом, следует признать, что Елизавета Петровна создала довольно убедительную юридическую конструкцию с истолкованием восьмого артикула тестамент Екатерины I, которая обосновывала законность ее восшествия на престол и которая продолжает оказывать влияние на историков до настоящего времени.

Конечно, Елизавета Петровна и ее приближенные явно не собирались ограничиваться только отсылками на легальность при легитимации ее воцарения. Ими привлекались и политико-богословские доводы. Так, 1 января 1742 г. подданные извещались о предстоящей коронации Елизаветы Петровны, необходимость которой связывалась с тем, что «учит Нас несомнительное Слово Божие, яко владеет Вышний царством человеческим, и ему же аще хочет дает, и от Него единого токмо Вышняго Царя славы земнии Монархи предержащую и крайне верховную власть

«ПО ПРАВАМ ВСЕГО СВЕТА»

Свою имеют» [24, т.11, №8495, с.557]. Такая политико-богословская аргументация с подачи Елизаветы Петровны довольно активно развивалась в церковных проповедях этого времени, хотя не стоит упускать из внимания и то, что в них вплетались отсылки на testament Екатерины I [См.: 28, с.256–267; 26; 10].

Манифест от 22 января 1942 г.
о суде над графом А.И.Остерманом,
графом Б.Х.Минихом,
графом М.Г.Головкиным,
графом Р.Г.Левенвольде
и другими

М А Н И Ф Е С Т Ъ

БОЖИЕЮ МИЛОСТЮ МЫ ЕЛИСАВЕТЪ

П Е Р В А Я . И М П Е Р А Т Р И Ц А
И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ во всеобщее извѣстiе

К акъ по вѣсѣмъ уже чрезъ публикованной Нашъ Ноября оубъ 28 дня прошлаго 1741 году манифестѣ довольно извѣстно естъ, какими недоброжелательными къ Намъ и коварными происки бывшего Генерала Адмирала и Кабинетнъ-Министра Графа Андреа Остермана, Мы по кончинѣ блаженныя памяти Государя Императора Петра Второго опеческаго Нашего Всероссийскаго престола, [которого Мы тогда уже по точному содержанию учиненной блаженныя и вѣчностойныя памяти Матери Нашей Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны духовной законною безъ всякаго изъята наследницею были] бесспорно алцены, также и чрезъ какие богу пропитаны и государству Нашему вредительныя интриги общиѣ евоѣ Остермана, съ бывшиѣмъ Фельдмаршаломъ Графомъ Минихомъ и съ прочими снаратемъ, равнымъ образомъ и при кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, когда Ея Величество уже къ смерти разболѣлася, и въ крайней слабости находилась, учиненнымъ имъ Остерманомъ о наследствѣ опредѣленемъ Мы таки оубъ наследнаго онаго опеческаго Нашего престола опущены, и рожденной оубъ Савойской Принцессы Мекленбургской Анны оубъ Принца Антона Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго сынъ Принцъ Иоаннъ яко къ Всероссийскому престолу нима-льбнше претензи: либи и права не имѣющей еще пошло двубдсячней младенецѣ, по немъ же и братья ево рождаемы оубъ оной же Принцессы Анны Принцы сукцессорами назначены и утверждены: да и правительство империи, при томъ къ вѣщнымъ въ империи нашей порядкамъ и къ крайнему вѣрнѣмъ Нашихъ подданныхъ успѣшно въ чинѣ рѣши оплано. А поубъ еще къ несомному Нашей собственной персонѣ угубсвенно и опасности, оубъ не Остерманъ и съ нимъ бывшей Вице-Канцлеръ Графъ Головкинъ съ прочими къ конечному Нашъ оубъ Нашего законнаго и по правамъ всего свѣта, къ помужь и по крови подлежащаго наследнаго Всероссийскаго престола жоке опубрѣнто опмѣнное о наследствѣ Нашей империи опредѣлене уничили намѣр-лись, котормъ не шокмо рождаемъ оубъ Принцессы Анны дочерей, но и самое ея Принцессу въ Императрицу Всероссийскія утверждать опъявилась, о котормъ ихъ Остерманъ, Минихъ и Головкинъ безъ-инныхъ поступкахъ и алцѣмъ намѣреняхъ въ вышеписанномъ Нашемъ манифестѣ Ноября оубъ 28 дня прошлаго 741 году иманно вначилъ. И по такимъ жестошнымъ и весьма опаснымъ обстоятельствомъ была Мы уже необходимо принуждены по воспрятимъ Намъ помощю всемогущаго бога и по всеподданнѣшему Нашихъ всѣхъ вѣроподдан-ныхъ, а особлива, лейбгвардии Нашей полковъ прошесто Родительскаго Нашего Всероссийскаго престола реченныхъ Остермана, Головкина и Миниха какъ государственныхъ и общаго покоя невидящихъ злодей-купо съ ихъ сообщниками бывшими Оберъ-Горѣ-Маршаломъ Левен-вольдемъ,

Своеобразную точку в правовом обосновании воцарения Елизаветы Петровны поставило определение в качестве наследника императрицы ее племянника Карла-Петра-Ульриха, о чем провозгласил манифест от 7 ноября 1742 г. В этом документе после напоминания о двух манифестах, объяснявших восшествие на престол Елизаветы Петровны, сообщалось об *определении* наследником престола «Петра, Владетельнаго Герцога Шлезвиг-Голштинскаго, яко по крови Нам ближайшаго». Под-

данным предписывалось, чтобы они великого князя Петра Федоровича «за законного Нашего наследника признавали и почитали» и принесли специальную присягу. В последней от имени присягавшего заявлялось о клятве «Петра Федоровича за истинного Наследника признавать и почитать, и во всяком случае и с положением живота своего против всех тех, которые б сему противно чинить дерзнули, стоять» [24, т.11, №8658, с.712–713].

Слева: Медаль на восшествие на престол императрицы Елизаветы Петровны. Медальер Ф.Г.Дюбю, 1750–е гг. Справа: Медаль в память коронации императрицы Елизаветы Петровны. Медальер В.Климентов (по оригиналу И.К.Хедлингера), 1742 г.

Показательно, что манифест умолчал о тестamente Екатерины I. Не исключено, что это было связано с тем, что, если следовать елизаветинскому истолкованию тестаmента Екатерины I как акта, устанавливающего постоянный порядок наследования в «доме Петра I», Карл-Петр-Ульрих в случае принятия православия становился независимо от воли Елизаветы Петровны наследником престола Российской империи. На это умолчание, в частности, обратил внимание в своей депеше секретарь саксонского посольства в Петербурге Пецольд, сделавший довольно радикальный вывод о том, кому должен принадлежать российский престол: «В манифесте не сделано ни малейшего намека на завещание Императрицы Екатерины, которым в первом манифесте царствующей Императрицы доказывалось ее право на престол, но из которого, с другой стороны, также следует, что в настоящее время престолом должен владеть молодой герцог, так как он принял грекороссийскую веру» [6, с.464–465].

Кроме того, манифест также не упоминал и об Уставе на престолонаследие 1722 г., в котором провозглашалось право российского монарха по своей воле определять себе наследника. Как представляется, это было неслучайно. С помощью таких умолчаний появлялась возможность истолковать манифест как в духе следования testamentу Екатерины I (переход престола к потомку Анны Петровны, принявшему православие), так и в духе Устава о престолонаследии Петра I (императрица исключительно своей волей определила наследника). В связи с этим была показательна ссылка на кровное родство наследника с императрицей (не с Петром I!), которая, на первый взгляд, лишь указывала на логику решения, а не выступала как основание, которому императрица должна была бы подчиниться.

Жетон в память коронации императрицы Елизаветы Петровны. 1742 г.

**«Царей и царств земных
отрада...»: непростое
утверждение идеала
законности**

А.Б.Каменский, рассуждая о легитимации восшествия на престол Елизаветы Петровны, пришел к выводу, что «русское общество этого времени трактовало легитимность власти с иных позиций. Для него первейшее значение имело не соблюдение буквы закона, но то обстоятельство, что Елизавета была дочерью человека, создавшего Новую Россию, империю» [8, с.278]. Однако, по нашему мнению, за понятием «русское общество» в исторической реальности скрывался целый набор групп акторов, для которых были свойственны разные политические представления. Дейст-

вительно, манифест от 25 ноября 1741 г., бывший результатом утренней импровизации трех чиновников, апеллировал к родству Елизаветы Петровны с Петром I и Екатериной I. И, скорее всего, доводы такого рода были наиболее близки и понятны простым участникам переворота. Однако уже елизаветинские манифесты 28 ноября 1741 г. и 22 января 1742 г. обращались к «букве закона», которым был объявлен testament Екатерины I, а произошедший дворцовый переворот подавался как восстановление законности. Получалось, что уже кровного родства было недостаточно. Принимая во внимание, что представители правящей элиты еще до елизаветинского переворота активно обсуждали проблемы престолонаследия на языке светского права и действовавшего законодательства, елизаветинская легитимация переворота вписывалась в развивающееся легалистское направление осмысления политики. В то же время умолчания и недомолвки в легалистских аргументах в пользу воцарения Елизаветы Петровны указывали, что в законности переворота были определенные сомнения. Однако, как представляется, нарушение законности в немалой степени оказалось возможным не из-за неких «традиций» российского самодержавия «править без права», а из-за трансформации политической культуры правящей элиты, когда ее элементы, связанные с богословским обоснованием власти, подверглись эрозии, а новые, основанные на светской законности, еще находились в процессе развития и утверждения [См.:5, с.57–206, 271–273]. Там, где раньше было достаточно традиции, освящаемой Божественной волей, теперь требовался ответ, четко прописанный в законе. Однако в силу того, что в ряде областей светское законодательное регулирование только делало первые шаги, в законодательных актах оставались непроработанными и непроясненными немаловажные аспекты и процедуры, равно как и отсутствовали их устоявшиеся правовые интерпретации. Как результат, это могло способствовать «беззаконной» перемене на престоле. Более того, по причине недостаточной развитости и слабой устойчивости элементов новой светской правовой культуры такую перемену вполне можно было представить как торжество законности.

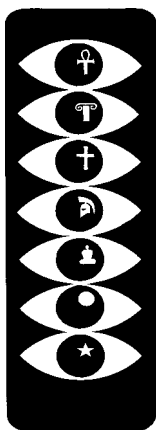
Библиографический список

1. Российский государственный архив древних актов. Ф.6. Оп.1. Д.304.
2. Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. – 239 с.
3. Анисимов Е.В. Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2005. №7. Технология власти. С.200–207.
4. Бугров К.Д., Киселев М.А. «Закон» и «Совет»: Концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. [Вып.]33. С.110–139.
5. Бугров К.Д., Киселев М.А. *Естественное право и добродетель*: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, Университетское изд-во, 2016. – 480 с.
6. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Донесения секретаря посольства Пецольда с января 1742 г. по март 1744 г. // Сборник Русского исторического общества. Т.6. СПб.: Тип. Императорской АН, 1871. С.387–506.
7. Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елизаветы // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т.IX. СПб.: Тип. Императорской АН, 1872. С.222–331.
8. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. – 575 с.
9. Киселев М.А. *Правда и закон* во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т.I. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С.49–65.
10. Кислова Е.И. Издание придворных проповедей в 1740-е годы // XVIII век. Сб.26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб.: Наука, 2011. С.52–72.
11. Ключевский В.О. Сочинения. Т.4. Курс русской истории. Ч.4. М.: Мысль, 1989. – 398 с.
12. Копанев Н.А. Книги императрицы Елизаветы Петровны // Книга в России XVI – середины XIX в. Л.: БАН СССР, 1990. С.109–118.
13. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: [б.и.], 2003. – 570 с.

14. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.VIII. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 1279 с.
15. Лысцова А.С. «Для суще постоянного, безопасного и благополучного ... нашего Отечества пребывания»: поиск путей решения кризиса престолонаследия в России в 1741 году // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. №1. С.64–81.
16. Лысцова А.С. Допросы графа А.И. Остермана как источник по его государственной деятельности // *Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени*. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С.343–346.
17. Манштейн Х.Г. Современная записки о России в историческом, политическом и военном отношении. Ч.II. Дерпт: Университетская тип. М. Гренциуса, 1810. – 292 с.
18. Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. СПб.: Тип. И. Огрызко, 1862. – 638 с.
19. Михневич В.О. Семейство Скавронских. (Страница из истории фаворитизма в России) // *Исторический вестник*. 1885. Т.XIX. Март. С.536–572.
20. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. – 428 с.
21. Омельченко О.А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи // *ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения*. 2006. Вып.7. М.: МГИУ, 2007. С.15–54.
22. Павленко Н.И. Петр II. М.: Молодая гвардия, 2006. – 281 с.
23. Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. – 157 с.
24. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [Собр.]. СПб.: Тип. 2 Отд-ния собств. е.и.в. канц., 1830. Т.6. – 815 с.; Т.7. – 922 с.; Т.11. – 988 с.
25. Потапова Н.Д. Трибуны сырых казематов: политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 426 с.
26. Почетная В.В. Петровская тема в ораторской прозе начала 1740-х годов // XVIII век. Сб.9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1974. С.331–337.
27. Правда воли монаршей. Во определении наследника державы своей, Уставом Державнейшаго Государя нашего Петра Великаго ... Публичным утверждена, и всенародною присягою свидетелствована. Зде пространнее, простосердечных ради, но мало ведущих человек показуется. М.: Московская тип., 1722. – 59 с.
28. Семевский М. Первый год царствования Елизаветы Петровны. 1741–1742. Исторический очерк // *Русское слово*. 1859. Июнь. С.221–326.

«ПО ПРАВАМ ВСЕГО СВЕТА»

29. Составленные Верховным тайным советом «Пункты присяги» императрице Анне Иоанновне («Форма правления») (третья редакция). 4 февраля 1730 г. // Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. С.204–209.
30. Manstein Ch.H. Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie. Amsterdam: Chez Marc Michel Rey, 1771. – 584 p.
31. Manstein Ch.H. Memoirs of Russia: Historical, Political and Military, From the Year MDCCXXXVII, to MDCCXLIV. London: Printed for T. Becket and P.A. Hondt, 1770. – 424 p.

Геннадий Костырченко

БРЕЖНЕВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

ЭМИГРАЦИЯ И СТРАСТИ ВОКРУГ
ПОПРАВКИ ДЖЕКСОНА–ВЭНИКА¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(470.4):297; 323.12(47)''1966–1982''

Еврейская эмиграция сыграла важную роль в истории СССР в последние два десятилетия его существования. Она стала катализатором и лакмусовой бумажкой его деградации и приближавшегося конца. В то же время она явилась разменной монетой в попытке тогдашних руководителей СССР наладить политическое, экономическое и научно-технологическое сотрудничество с Западом, укрепив тем самым коммунистический режим. Однако произошло обратное: приподняв ради еврейской эмиграции «железный занавес» и нарушив охранительную герметичность советской империи, ее лидеры невольно только ускорили процесс системной энтропии. Ответственность за такое развитие страны во многом ложится на Л.Брежнева – человека в личном плане по-своему достойного, но тщеславно увлекшегося призрачными «развитым социализмом» и «Программой мира» и потому не сумевшего подготовить советское общество к тем судьбоносным испытаниям, с которыми ему пришлось вскоре столкнуться.

The Jewish emigration has played an important role in the history of the USSR in the last two decades of its existence. The Jewish emigration became a catalyst and a litmus paper that contributed to and demonstrated the USSR degradation and its forthcoming fall. At the same time it was a bargaining chip in then leaders of the USSR attempts to rectify political, economic, and scientific-technological cooperation with the West and thereby to reinforce the Communist regime. However the contrary happened: having raised a little the “iron curtain” for the Jewish emigration and violated conservative air-tightness of the Soviet empire the Soviet leaders unwittingly accelerated the systemic entrophy process. The responsibility for that falls, to a large extent, on Leonid Brezhnev, a man who was, in his own way, a worthy person though he was vaingloriously fascinated with the visionary “real Socialism” and “Peace program”. Consequently, Brezhnev was unable to prepare the Soviet society to those pivotal trying trials it had to encounter soon.

Ключевые слова: Л.Брежнев; Р.Никсон; А.Сахаров; А.Солженицын; творческая интеллигенция; еврейский вопрос; сионизм; еврейское движение в СССР; США; поправка Джексона-Вэника; ЦК КПСС; МИД; номенклатура; антисемитизм; диссиденты; эмиграция.

Key words: L.Brezhnev; R.Nixon; A.Sakharov; A.Solzhenitsyn; creative intelligentsia; the Jewish issue; Zionism; the Jewish movement in the USSR; the US; Jackson-Vanik amendment; the CPSU Central Committee; Ministry of foreign affairs; nomenklatura; anti-Semitism; dissidents; emigration.

E-mail: genkost@mail.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2017. №4.

**Новые веяния в советских
верхах**

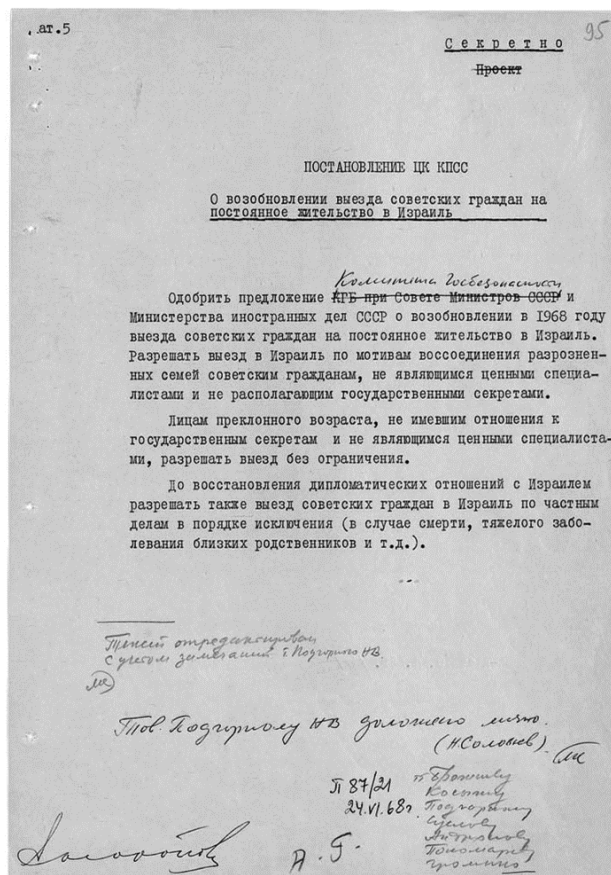
Придя к власти, команда Брежнева с самого начала стремилась нормализовать политико-экономические отношения СССР с Западом, существенно

испорченные при Хрущеве (берлинский и карибский кризисы 1961 г. и 1962 г.). С этой целью наряду с прочим она вынуждена была пойти на некоторые уступки в еврейском вопросе, существенно либерализовав эмиграцию из СССР. Однако с трудом преодолевая наследие сталинского изоляционизма, советское руководство поначалу решилось только на принятие самого усеченного варианта выездной политики, не шедшего далее решения проблемы воссоединения разъединенных семей и распространявшегося, помимо евреев, всего лишь на несколько других нацменьшинств, главным образом немцев, армян, понтийских греков и корейцев. Причем в качестве потенциальных эмигрантов рассматривались далеко не все представители этих этносов, а только пожилые или хронически больные люди. Тем не менее даже такое незначительное эмиграционное послабление обернулось существенным результатом. Если за одиннадцать предшествующих лет, с 1955 по 1965 гг., разрешения на выезд получили 4 167 советских евреев, то только за одиннадцать месяцев 1966 г. таковыми обзавелся 1 241 еврей.

Набирать обороты еврейская эмиграция продолжила и в первой половине 1967 г.², пока в начале лета резко не застопорилась в результате Шестидневной войны и последовавшего 9 июня разрыва СССР дипотношений с Израилем. Тогда Кремль наложил не только полный запрет на выезд в Израиль, но и аннулировал даже визы, которые уже находились на руках у тех сорока советских евреев, которые еще не успели продать свое имущество и оплатить транспортные расходы [31, с.352]. Однако такое положение продолжалось недолго. Еврейская эмиграция возобновилась по решению ЦК КПСС от 24 июня 1968 г., принятому по совместному ходатайству председателя КГБ Ю.В.Андропова и министра иностранных дел А.А.Громыко, писавших 10 июня, что это решение будет воспринято мировой общественностью как гуманный акт советского руководства и одновременно «позволит освободиться от националистически настроенных лиц и религиозных фанатиков». Кроме того, как особо отмечалось в данной записке, КГБ сможет продолжить использование эмиграционного канала в оперативных целях [1, д.839, л.94–98]; [13, с.62–63]³.

² За первые пять месяцев 1967 г. в Израиль выехало 1109 советских евреев [9, с.155].

³ Впоследствии выяснилось, что из тысяч завербованных евреев-эмигрантов верность

Проект постановления ЦК КПСС о возобновлении эмиграции в Израиль от 24 июня 1968 г.

Однако при планировавшейся первоначально на 1968 г. полуторатысячной эмиграционной квоте и при 34 000 поданных к тому времени выездных заявлений первые после длительного перерыва пять виз были выданы только в сентябре. А всего в тот год в Израиль смогли выехать только 224 человека, главным образом рижские евреи [18, кол.384]; [40, р.19].

КГБ сохранили не так уж много: Ш.Г.Калманович, Р.Вайсфельд, Г.Лундин (Кальман), А.Редлис и др. [24, с.263].

Перезапустив конвейер эмиграции, советское руководство уже в 1969 г. негласно позволило ОВИРа́м выпускать в Израиль не только при наличии у заявителей нотариально заверенных приглашений от тамошних ближайших родственников, но и от любых других. К тому же с 25 марта 1970 г. выездная еврейская квота была увеличена до трех тысяч, причем претендовать на эмиграцию уже могли не только пожилые, малообразованные и хронически больные люди, но и все остальные, в том числе и молодые, и состоявшие на воинском учете специалисты с высшим образованием, ученые и творческая интеллигенция⁴. Своими послаблениями Кремль невольно спровоцировал поток инспирированных израильскими спецслужбами фиктивных вызовов, направлявшихся гражданам СССР их мнимыми родственниками в Земле обетованной. В связи с этим замминистра внутренних дел СССР Б.Т.Шумилин представил 30 октября 1970 г. в ЦК КПСС анализ переданного в советский МИД посольством Голландии (представляло в СССР интересы Израиля) списка на 8 391 советского гражданина, ходатайствовавшего о выезде. Согласно данной справке, эти лица так распределялись по регионам проживания: Грузия – 26,2%, Украина – 25,5%, Латвия – 20,5%, Литва – 16,1%, Москва – 2,4%, Ленинград – 1,0%. А итоговый вывод гласил: «Анализ списка показал, что многие граждане Израиля, пригласившие советских граждан на постоянное место жительства, очевидно, не являются их родственниками, так как один гражданин Израиля приглашает большое количество людей. Так, супругами А. и Д.Израиладзавили из Иерусалима было направлено одновременно 122 приглашения 1263 советским гражданам. А супруги Б. и Т.Гайер – 137 приглашений 1106 гражданам СССР» [2, д.57, л.232–234]. Согласно советским данным, только в период 1968–1979 гг. в СССР поступило из Израиля 600 тысяч вызовов, многие из которых были фиктивными [17, с.74].

Так в политике брежневской верхушки возобладали умеренный с налетом политического цинизма подход к решению еврейского вопроса, заключающийся, с одной стороны, в отказе от предлагавшегося А.Н.Шелепиным и Русской партией одномоментного и почти полного исхода евреев (подобный радикально-шовинистический метод был применен в 1968 г. в Польше), а с другой, – во включении в канву политических отношений с Западом прагматической формулы: мы (СССР)

⁴ Как доложил Андропов в ЦК КПСС 20 мая 1972 г., из 13,7 тыс. евреев, выехавших в 1971 г. в Израиль, лица с высшим образованием составляли 1,4 тыс., из них были инженерами – 538, врачами – 279 и педагогами – 235 [13, с.137].

передаем вам (Западу) евреев, а вы идете нам на уступки в вопросах ограничения вооружений, доступа к новым технологиям, предоставления преференций в торговле, особенно на мировых сырьевых рынках.

Американский крен Брежнева То, что советское руководство предпочло либеральный подход к еврейской эмиграции, во многом было заслугой Брежнева, который так сформулировал его в ходе одной из бесед с министром иностранных дел СССР А.А.Громыко: «Если кому-то не нравится жить в нашей стране, то пусть они живут там, где им хорошо» [31, с.79]. Вместе с тем в данной, вроде бы прямолинейной позиции далеко не все было таким простым и однозначным, как кажется на первый взгляд⁵. Подспудную сложность в нее приносило то обстоятельство, что, взяв на себя курирование еврейской эмиграции, Брежнев в значительной мере использовал его для укрепления собственного лидерства, и в первую очередь в принятии внешнеполитических решений. Дело в том, что, став после смещения Хрущева первым секретарем ЦК КПСС, Брежнев – тогда еще мало известный в народе политик с преимущественно провинциальной биографией – вынужден был считаться с явно бóльшим номенклатурным авторитетом нового предсовмина Косыгина, тем более что тот еще в 1948–1952 гг. был членом Политбюро и являлся его союзником в противостоянии «комсомольской» группировке Шелепина. Вот почему при распределении властных полномочий в октябре 1964 г. Брежнев передал под контроль Косыгина не только экономическую сферу, но и внешнеполитическую, вместе с МИДом. Однако с положением «первого консула» в триумvirате, состоявшем из него, Косыгина и Подгорного, Брежнев мирился лишь до начала 1970-х годов, когда начав энергично добиваться статуса единоличного лидера страны⁶. Отвечая на вождистский вызов, Брежнев одну из главных ста-

⁵ Брежнев писал в 1973 г.: «Взрослых (работающих – Г.К.) евреев – не отпускать. <...> Отпускать не только академиков, но и специалистов среднего звена не следует, не хочу ссориться с арабами» [10, с.110]; [9, с.158].

⁶ Начиная с первомайской демонстрации 1970 г. проносимые по Красной площади портреты Брежнева были большими по размеру, чем изображения других членов Политбюро. В начале 1971 г. Брежнев добился на XXIV съезде КПСС провозглашения себя вдохновителем принятой на нем «Программы мира» и выдающимся борцом за ее реализацию. Поворотным в достижении Брежневым персонального политического лидерства в стра-

вок сделал на налаживание полномасштабного диалога с США по ограничению стратегических вооружений, благо в начавшемся еще в 1969 г. детанте⁷ были заинтересованы обе стороны: и США, увязшие во вьетнамской агрессии, и СССР, стремившийся к забвению подавления «Пражской весны» и финансово-технологическому сотрудничеству с Западом. Причем тогдашнее обоюдное советско-американское тяготение отличалось, несмотря на «холодную войну», деидеологизированностью и зиждилось на сугубой прагматике в духе так называемой Real Politik⁸.

Между тем Косыгин не горел особым желанием сблизиться с американцами, что только помогло Брежневу «разобраться» с ним, завуалированно отстранив от международных дел. Это произошло в августе 1971 г., когда Громыко, выполняя указание Брежнева, приказал послу в Вашингтоне А.Ф. Добрынину убедить американцев в том, что в СССР генсек главнее премьера. В результате Никсон вступил в личную переписку с Брежневым, прекратив таковую с Косыгиным [11, с.214–215]. Не прошло после этого и двух лет, как в апреле 1973 г. Брежнев щедро расплатился с Громыко за личную преданность, введя его наряду с силовиками Д.Ф.Устиновым (секретарем ЦК по оборонке), Андроповым (руководителем КГБ) и А.А.Гречко (министром обороны) в состав Политбюро. Там все они стали верной опорой тщеславного генсека.

Так вот, лично занимаясь подготовкой первого в истории визита действовавшего президента США в Москву, Брежнев и решил прибегнуть к уступкам по еврейской эмиграции, дополнительно продемонстрировав Р.Никсону свою добрую волю, благо отработка этого маневра началась загодя. Еще в начале 1969 г. Громыко поручил Добрынину провести зондаж «чувствительности» США на проблему советских

не стал прошедший в апреле 1973 г. пленум ЦК КПСС, на котором была запущена в оборот ритуально-культурная формулировка: «по решению Политбюро и лично генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева...»

⁷ *Détente (фр.) – ослабление напряжения, разрядка. Заметными проявлениями той разрядки международной напряженности стали «новая восточная политика» канцлера ФРГ В.Брандта и договор между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г., а также подписание в октябре 1971 г. в Париже советско-французской декларации о сотрудничестве.*

⁸ *В подписанных в мае 1972 г. СССР и США «Основах взаимоотношений» провозглашался принцип, согласно которому вопросы внутреннего развития, отражавшие различия в идеологии и социально-политических системах, не должны были становиться предметом межгосударственных отношений.*

евреев, встретившись с руководителями Американского еврейского комитета, Антидиффамационной лиги, Американского еврейского конгресса [40, р.19]. В дальнейшем для наглядной демонстрации доброй воли Кремля стали приниматься и меры по количественному наращиванию эмиграции советских евреев. И если в 1970 г. она составила 1027 чел., то в 1971 г. – уже 13 022 [36, р.359]⁹.

Придавая советско-американским отношениям первостепенное значение, Брежнев пошел на установление прямого рабочего контакта непосредственно с послом Добрыниным. Встретившись с ним в апреле 1971 г. на Политбюро, он рассказал о задумке посетить США, пояснив, что это будет возможно только после визита Никсона в Москву, и поручив Добрынину вступить в связи с этим в контакты с американцами [11, с.206, 218]. Выполняя это распоряжение, Добрынин задействовал налаженный к тому времени уникальный коммуникационно-дипломатический канал с весьма влиятельным помощником президента по национальной безопасности Генри Киссинджером [23, с.108–111]. Уже 17 августа 1971 г. «хитроумный Генри» – так в своем кругу называл Киссинджера Брежнев [11, с.240] – сообщил Добрынину о намеченной на 22 мая 1972 г. дате прилета Никсона в Москву [11, с.220]. Ее советская сторона приняла без обсуждения. Зная, что советские отказники¹⁰ активно готовятся к визиту американского президента и проведению публичных акций в дни его пребывания в Москве¹¹, руководство КГБ распорядилось накануне саммита серию «превентивных» мероприятий по изоляции ведущих сионистских активистов. Конкретно это выразилось в следующем: выдвижение против них обвинений в мелком хулиганстве и нарушении общественного порядка с последующим административным задержанием на несколько суток (до 15-ти) в камерах предварительного заключения отделений милиции или (при

⁹ По данным МВД СССР, который стремился занижать показатели еврейской эмиграции, она составляла: в 1970 г. – 872 чел., в 1971 г. – 9 901, в 1972 г. – 21 816 [9, с.155].

¹⁰ Отказники – советские граждане, получавшие в 1960–1980-х гг. от властей отказы на выезд из страны (в основном из-за допуска к государственным секретам), – составляли организационное ядро еврейского движения в СССР.

¹¹ В справке, направленной 20 мая 1972 г. КГБ в ЦК КПСС, упоминается о создании в Москве участниками сионистского движения (А.Я.Лернером, В.С.Слепаком, В.Г.Польским и др.) Инициативного комитета «для встречи с членами американской правительственной делегации и обращения к ним по вопросам эмиграции евреев из СССР» [13, с.139].

БРЕЖНЕВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

наличии санкции прокуратуры) в подмосковных тюрьмах; призывы на армейские сборы; домашние аресты, направление работающих в иногородние командировки и т.д. Кроме того, КГБ интенсифицировал вызовы сионистских активистов на «профилактические» беседы, отключил у 13-ти москвичей из их числа домашние телефоны¹², а у части их соратников в Минске, Риге, Вильнюсе и Кишиневе взял подписки-обязательства о невыезде [33, с.230–232].

Между тем Никсон, заявивший о «нейтральной позиции» в отношении проблемы советских евреев, не настаивал на включении вопроса об их эмиграции из СССР в повестку бесед с Брежневым. И это несмотря на то, что еще в начале 1972 г. десятки сенаторов, конгрессменов, и членов законодательных ассамблей штатов, а также мэр Нью-Йорка Дж.Линдси потребовали от Никсона поднять этот вопрос перед советским руководством [3, д.98, л.58–59]. Однако в ходе продолжавшихся до 30 мая советско-американских переговоров, точнее при обсуждении перспективы предоставления СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле с США (давал право на выгодные кредиты для импорта американских товаров и на низкие таможенные тарифы), Брежнев, видимо, понимая, что Никсон нуждается в хороших новостях для американских евреев, сам неформально заверил его, что увеличит поток советских эмигрантов в Израиль до 30 000 в год [41, р.27]. Это устное советское обязательство несомненно поспособствовало успеху саммита, выразившегося в подписании соглашений по космосу, закупкам американского зерна¹³, а также по ог-

Л.Брежнев и Р.Никсон на саммите
в Москве. Май 1972 г.

¹² В 1972 г. КГБ добился внесения в ст. 74 Устава связи СССР (составлен после подписания СССР в 1965 г. в Монре́е международной конвенции об обеспечении телефонной связи между государствами) дополнения, позволявшего ему отключать международную телефонную связь в интересах государственной безопасности.

¹³ Тогда в СССР распространились ироничные толки о том, что Брежнев меняет евреев на пшеницу. Они сохраняли актуальность вплоть до 1980 г., когда после вторжения

раничению стратегических вооружений (межконтинентальных ракет с ядерными боеголовками – ОСВ-1) и систем противоракетной обороны (ПРО). Казалось, что администрация Никсона без труда сможет провести через Конгресс такой закон о торговле (Trade Act), который наделит СССР льготным статусом. Однако вдруг вспыхнувшие вокруг этого законопроекта глобальные политические страсти помешали этому.

Выездной налог

Неожиданный сыр-бор разгорелся после появления 3 августа 1972 г. указа Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное

жительство за границу, государственных затрат на обучение». Как говорили, принятия данного нормативного акта добивался Косыгин, причем еще с начала 1972 г. [25]. Однако утверждение его проекта пришлось ненадолго отложить из-за приезда в Москву Никсона.

Суть указа официально истолковывалась так: становясь эмигрантом, советский гражданин автоматически теряет гарантированное конституцией право на бесплатное высшее образование и обязан возместить государству средства, затраченные на его обучение в вузе, аспирантуре, ординатуре, адъюнктуре, а также на получение ученых степеней. К указу прилагалась утвержденная Советом Министров СССР инструкция о порядке исчисления этого своего рода образовательного налога, который определялся, по всей видимости, исходя из явно завышенного и не соответствовавшего уровню жизни в СССР среднего размера оплаты образовательных услуг, существовавшего тогда в западных университетах. В итоге получилось, что, скажем, бывший выпускник МГУ обязан был заплатить перед выездом 12 200 рублей. Диплом о высшем медицинском образовании оценивался в 8 300 руб., а таковой, полученный при окончании экономических и других гуманитарных вузов, – 4 500 рублей. Кроме того, при наличии ученых степеней кандидата и доктора наук за каждую из них взималось дополнительно соответственно 5 400 и 7 200 руб. И такие выплаты устанавливались при среднемесячной зарплате по стране в 130–150 руб. Правда, для некоторых категорий граждан инструкция предусматривала льготы: полностью от налога за высшее образование освобождались инвалиды первой и второй групп и

советских войск в Афганистан президент Дж. Картер добился принятия закона о наложении эмбарго на поставки американского зерна в Советский Союз.

пенсионеры [28, с.12–14]. Основные положения инструкции воспроизводились для наглядности в преискурантах, вывешивавшихся в ОВИРах на информационных щитах.

Только до конца 1972 г. по указу от 3 августа было собрано почти 4,5 млн. рублей, что составило в среднем по 4,5–5 тыс. рублей с одного человека [9, с.156]. И хотя это были вроде бы немалые деньги, однако бал тут правили не столько рубли, которые печатались в СССР в произвольных количествах и не представляли для советского руководства большой ценности, сколько политические соображения. Главное из них заключалось в том, чтобы посредством указа значительно затруднить выезд лиц с высшим образованием, предотвратив в данном случае массовую утечку еврейских мозгов. Другой мотив диктовался стремлением советского руководства и лично Брежнева, многократно заявлявшего о нежелании «ссориться с арабами» [9, с.158], успокоить этих ближневосточных союзников Москвы, которые вполне резонно видели в такой интеллектуальной утечке немаловажный фактор военно-технического укрепления Израиля. Несомненно, существовала прямая связь между указом от 3 августа 1972 г. и тем, что незадолго до его принятия в СССР побывали вместе с делегациями три видных арабских руководителя: премьер-министр Египта А.Сидки (8–13 июня), президент Сирии Х.Асад (5–8 июля), глава Организации освобождения Палестины Я.Арафат (17–27 июля). Правда, поскольку в 1972 г. из СССР выехало 31 903 еврея, что почти в три раза перекрыло показатель 1971 г., упомянутый указ мало успокоил арабских союзников Москвы. В дальнейшем они продолжали обвинять ее в неэффективном сдерживании этого эмиграционного потока¹⁴.

Что касается Запада, то появление советского выездного налога на образование поначалу не вызвало у него сколько-нибудь заметной реакции. Казалось, что он воспримет это нововведение как очередное исходившее от советской империи неизбежное зло и просто ограничится тем, что, задействуя нелегальные каналы, увеличит объем переправлявшихся в СССР средств с тем, чтобы помочь тамошним евреям с высшим образованием обрести, точнее приобрести, значительно вздорожавшее право на выезд.

¹⁴ Советский посол в Египте В.М.Виноградов сообщил 5 февраля 1973 г. в Москве о встрече с военным министром Египта Ахмедом Исмаилом, который «поднял вопрос о широкой эмиграции евреев из СССР в Израиль, вызывающей «в Египте, особенно в армии, большие кривотолки». Министр потребовал соответствующих разъяснений от советского руководства [13, с.156].

Но ситуация радикально изменилась после 19 сентября 1972 г., когда группа сионистских активистов провела демонстрацию у приемной Президиума Верховного Совета СССР. Тогда при попытке вручения властям резолюции протеста против введения налога на образование был задержан 31 человек. Кроме того, несколько евреев собрались на Центральном телеграфе, объявив о начале политической голодовки [34]; [41, р.41]. А десять ученых-отказников, в том числе и член-корреспондент АН СССР В.Г.Левич, апеллировали к общественным организациям Запада.

Пикет участников сионистского движения у МИД СССР. 10 января 1973 г.

Апогеем этой протестной кампании стала петиция пятисот советских евреев генеральному секретарю ООН с просьбой рассмотреть на очередной сессии Генеральной Ассамблеи вопрос о нарушении их права на свободу передвижения. Обо всем этом поведал в своих мемуарах тогдашний руководитель израильской спецслужбы «Натив» Нехамия Леванон, который, очевидно, и организовал через опекаемых им еврейских активистов в СССР подготовку упомянутого обращения в ООН.

Поправка Джексона–Вэника

Активно действовал «Натив» и на западном общественном фронте. В сентябре 1972 г. Леванон предпринял поездку в Вашингтон, где встретился с Исайей Кененом –

генеральным директором Американско-израильского комитета по общественным связям (АИККОС)¹⁵, лоббировавшим интересы Израиля в структурах исполнительной и законодательной власти США, а также с Дж. Гудманом – директором созданной «Натив» в 1971 г. Национальной конференции в поддержку советских евреев (National Conference on Soviet Jewry) [20]. Те, в свою очередь, развернули подготовку жесткого ответа Советскому Союзу на введение образовательного налога. К этому Кенен привлек таких влиятельных сенаторов, как Г.Джексон, А.Рибикофф (демократ от штата Коннектикут, родился в семье польских евреев), Дж.Джавитс (активный участник ряда американских сионистских организаций) и Г.Хэмфри (демократ от штата Миннесота), а также конгрессмена Ч.Вэника. Именно их помощники, собравшись вместе с экспертами-советологами и активистами еврейских организаций, и провели мозговой штурм, в результате чего было решено внести такое изменение в готовившийся федеральный законопроект о торговле, которое блокировало бы предоставление СССР режима наибольшего благоприятствования как стране с несвободной эмиграцией и нерыночной экономикой. Наибольший вклад в разработку этой казуистической корректировки, получившей позднее известность как поправка Джексона–Вэника (далее – Поправка), внесли советники Джексона Дороти Фосдик и Ричард Пёрл, а также советники Рибикоффа и Вэника Морис Амитей и Марк Талисман.

Публично идея Поправки была представлена сенатором от штата Нью-Йорк (регион с самой многочисленной еврейской общиной!) Джейкобом Джавитсом на чрезвычайном заседании руководящего актива Национальной конференции в поддержку советских евреев, прошедшем 26 сентября 1972 г. в вашингтонском офисе Бней-Брит¹⁶. Однако ввиду того, что Джавитс, будучи республиканцем, выступал за максимально щадящую администрацию Никсона формулировку Поправки, инициативу в свои руки сразу же постарался взять Генри Джексон. Для него, правого демократа, возглавлявшего в Сенате подкомитет по вооружениям и представлявшего там западный индустриальный штат Вашингтон – одну из главных кузниц американского ВПК, производившую боевые самолеты, межконтинентальные баллистические и крылатые ракеты, плутониевые заряды для атомных бомб, – Поправка, как представляется, имела ценность исключительно в качестве инструмента противодействия международной разрядке

¹⁵ *American Israel Public Affairs Committee (AIPAC)*.

¹⁶ *Бней-Брит (Bnai-Brith) – созданная 1843 г. в Нью-Йорке еврейская благотворительная организация масонского типа.*

и ограничению стратегического вооружения. Не случайно Джексон активно противостоял на Капитолийском холме ратификации советско-американских договоров ОСВ-1 и ПРО, видя в них помеху дальнейшему развитию американских ракетостроительных фирм, испытавших как раз в то время новую межконтинентальную ракету МХ-1 и начавших разработку предназначенной для подлодок баллистической ракеты «Трайидент». Кроме того, Джексон был инициатором предоставления Израилю крупного кредита на закупку американского военного снаряжения и боевых истребителей. За активное участие в произраильской пропагандистской кампании сионистские организации США в 1973 г. заплатили Джексону 19,5 тысяч долларов [29, с.63].

Впервые Поправку Джексон анонсировал в Сенате 27 сентября 1972 г., заявив, что, поскольку СССР стремится обрести преимущества, предусмотренные законопроектом о торговле с США, она заставит его соблюдать право на свободу эмиграции. Когда 3 октября Джексон вновь поднял на Капитолийском холме вопрос о Поправке, его поддержали 32 сенатора. И число таковых быстро росло, составив к концу октября 76 (более трех четвертей состава Сената) [39, р.204].

Инициирование Джексонем новой антисоветской интриги серьезно обеспокоило Брежнева. 6 октября он записал в рабочем дневнике: «Как бы указ о евреях не отменить, а де-фактом не применять» [10, с.108]. А в ноябре он через Сулова дал указание Андропову провести массовую показательную выдачу евреям разрешений на выезд без взимания образовательного налога. В рамках этой акции были бесплатно выпущены 959 евреев [13, с.160]. Впрочем, после того, как в конце декабря 1972 г. указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа «О возмещении гражданами СССР, выезжающими за границу, государственных затрат на обучение» был официально опубликован [8, с.816–817], взимание налога возобновилось, правда уже по «облегченной» схеме: он, согласно заявлению замминистра внутренних дел Б.Т.Шумилина от 29 декабря, подлежал сокращению в зависимости от стажа работы будущего эмигранта и вовсе не взимался с тех, кто достиг 55 лет [39, р.205].

Активностью Джексона был обеспокоен и Белый дом. Дабы заблокировать ее, Никсон и Киссинджер решили заручиться поддержкой руководства Израйля, используя в качестве инструмента давления на него очень важный для этой страны вопрос о поставках ей новой партии американского вооружения. Соответствующие переговоры должны были пройти на вашингтонском саммите Никсона с премьер-министром Израйля Г.Меир в конце февраля – начале марта 1973 г., и последняя,

БРЕЖНЕВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

явно предчувствуя, что Поправка сыграет на них ключевую роль, должна была заранее четко определиться в своем отношении к ней.

Г.Меир, Р.Никсон и Г.Киссинджер. Вашингтон, 1973 г.

Однако этому мешала неожиданно возникшая противоречивая ситуация: если непосредственно подчиненный Меир руководитель «Натив» Н.Леванон занимался активной мобилизацией американской еврейской общественности в защиту Поправки, то находившийся под влиянием Киссинджера посол Израиля в США Симха Диниц, напротив, выступал против нее. Незадолго до приезда Меир в США он телеграммой предупредил ее, что Никсон сердится на евреев за поддержку Поправки [16, с.195]. Однако, несмотря на настойчивость Диница, Меир все же приняла сторону не его, а Леванона.

Юдофобия Никсона

Узнав, возможно, через Киссинджера о таком выборе Меир, Никсон не смог совладать с чувством разочарования, что разожгло недоверие, давно питавшееся им к евреям. Накануне указанного визита Г.Меир Никсон потребовал от подчиненных, чтобы на готовившемся в ее честь приеме в Белом доме (так называемом «еврейском банкете») не было, как он выразился, «ни одного еврея, который не поддерживал нашу предвыборную кампанию» [42]. Весьма холодно Никсон отреагировал на предложение Меир использовать проблему антисеми-

тизма в СССР для американского политического давления на Кремль в вопросе наращивания еврейской эмиграции. Уже после того, как Меир вылетела обратно в Израиль, между Никсоном и Киссинджером состоялся примечательный диалог.

Киссинджер: «Эмиграция советских евреев не входит в список приоритетов американской внешней политики. И даже если их пошлют в газовые камеры, это не станет проблемой американцев, разве что гуманитарной».

Никсон: «Я знаю. Мы не можем из-за этого взорвать мир» [42].

Как писал впоследствии Киссинджер, Никсон считал, что израильское лобби действует персонально против него и поэтому не упускал случая, чтобы заверить своих собеседников в доверительных беседах в Белом доме в том, что «еврейское лобби» не оказывает на него никакого влияния» [38, р.564]. Кстати, даже Киссинджера, без лести преданного ему, Никсон отстранил от всех дел, связанных с Израилем, заявив: «Я не хочу видеть ни одного еврея в команде, занимающейся Ближним Востоком» [12]. Беседуя 3 июля 1971 г. с руководителем аппарата Администрации Г.Р. (Бобом) Холдеманом, Никсон заявил: «В правительстве полно евреев. При этом большинство евреев нечестны. Понимаете, о чем я? У нас есть Гармент (советник президента Л.Гармент. – Г.К.), есть Киссинджер, есть, честно скажем, Сэфайр (спичрайтер У.Сэфайр. – Г.К.) – они, конечно, исключение. Но в целом, Боб, этим ублюдкам доверять нельзя – предадут» [5].

Подобные разговоры Никсон вел и с другими своими ближайшими сотрудниками. Откровенничая в феврале 1973 г. с советником Ч.Колсоном, он так рассуждал о негативных чертах характера представителей некоторых этнических групп: «Ирландцы, например, не умеют пить. Каждый ирландец, изрядно подвыпив, становится абсолютно отвратительным, – утверждал президент. – Итальянцы – замечательный народ, но они не способны к серьезным размышлениям. Евреи – агрессивные, грубые и, в целом, крайне неприятные создания <...> Евреи страдают от комплекса неполноценности и поэтому все время пытаются что-то доказать» [12].

Именно в таком духе наставлял Никсона знаменитый баптистский проповедник Билли Грэм, который следующим образом призывал его в 1972 г. бороться с «еврейским засильем» в СМИ: «Сия зловещая твердыня должна быть ниспровергнута, иначе эта страна (США. – Г.К.) пойдет ко дну» [6].

И все же, зная, что на президентских выборах 1972 г. за него проголосовало 40% от всех избирателей-евреев (вдвое больше, чем на выборах 1968 г.), Никсон вынужден был считаться с немалым их влиянием на политическую жизнь в США. Правда, когда он вместе с Киссинджером пытался склонить руководителей ряда крупных еврейских организаций США противодействовать внесению Поправки в Конгресс, то почти всякий раз получал отказ. Накопившееся раздражение Никсон излил 18 апреля 1973 г. на совещании с вице-президентом Спиро Агню, высказав соображение о том, что вся внешняя политика Америки с вопросами разоружения находится в заложниках у еврейских эмигрантов из Советского Союза, но американский народ никогда не позволит им ее разрушить [12].

Тем временем еще 7 февраля 1973 г. 237 членов американской Палаты представителей, то есть более половины состава, поддержали Поправку, ранее внесенную туда конгрессменом от штата Огайо Чарльзом Вэником. В тот же день его и Джексона поддержал влиятельный руководитель бюджетной комиссии Конгресса Вильбур Миллс, выступивший с общим с ними заявлением. Под впечатлением от этой неприятной для него ситуации президент Никсон, принимая 8 марта в Белом доме советского посла Добрынина, посетовал, что против него в Конгрессе действует сильная оппозиция, активно сопротивляющаяся советско-американскому сближению [11, с.251].

Брежнев против Поправки

Обо всем этом Добрынин немедленно докладывал Брежневу. И тот поэтому, встречаясь 14 марта в Москве с министром финансов США Дж.Шульцем, со всей серьезностью воспринял переданные тем слова Никсона о том, что, хотя он и полон решимости отразить нажим законодателей, выступающих против предоставления СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле, тем не менее это будет весьма затруднительно, если Кремль не смягчит своей позиции по еврейской эмиграции. В ответ Брежнев заверил Шульца, что сделает все возможное [39, р. 210–211].

Уже на следующий день, 15 марта 1973 г., Брежнев потребовал на Политбюро от КГБ и МВД немедленно прекратить взимание образовательного налога с эмигрантов. Более того, подозревая своих ближайших соратников в нерадивости, он в субботу 17 марта самолично проверил, как реализуется это указание, и оказалось, что назначенный

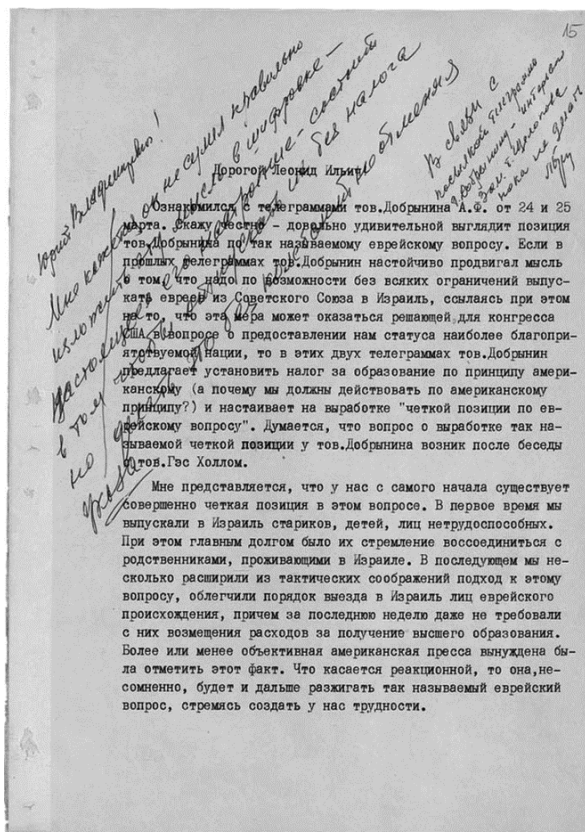
ответственным его исполнителем Ю.В. Андропов так ничего и не сделал. 20 марта 1973 г. Брежнев собрал внеочередное, по сути чрезвычайное, заседание высшего советского партийного ареопага, на котором он, обычно сдержанный и невозмутимый, вел себя чрезвычайно эмоционально, особенно в отношении Андропова, который, дабы оправдаться, вооружился справкой, согласно которой из 1794 евреев с высшим образованием, эмигрировавших за период действия образовательного налога с начала августа 1972 г. по конец февраля 1973 г., его реально оплатили только 835, в том числе 393 человека в первые два месяца 1973 г., заплатив 1 561 375 руб.¹⁷ Комментируя эту цифру, Брежнев горько посетовал: «Вот что стоят наши общие разговоры. Поэтому сионисты воют, Джексон на это опирается, а Киссинджер приходит к Добрынину и говорит, что мы понимаем, что это внутреннее дело, мы не можем вмешиваться, у нас тоже законы есть. В то же время он говорит: помогите как-нибудь, Никсон не может пробить законопроект, он работает среди сенаторов. Зачем нам нужен этот миллион?» [9, с.156].

Главным результатом столь решительных действий Брежнева стало полное прекращение сбора образовательно-эмиграционного налога, хотя де-юре он и не был отменен¹⁸. Дабы впредь более оперативно информировать американское руководство и непосредственно президента Никсона о шагах Кремля в области эмиграционной политики, Брежнев с подачи своего помощника А.М.Александрова-Агентова дал соответствующее указание Добрынину, после чего тот интенсифицировал использование канала связи с Киссинджером. Переговорив с ним 24 и 25 марта 1973 г., Добрынин уведомил Москву шифротелеграммами, что успешное противодействие поправке Джексона возможно, по его мнению, только в случае выработки «четкой позиции по еврейскому вопросу» [4, д.317, л.15]. Однако Андропов, считавший, что данный «вопрос» входит в его исключительную компетенцию, ревниво воспринял рекомендацию представителя дипломатического ведомства как камень в свой огород.

¹⁷ По сведениям Еврейского агентства, затраты на образование возместили в СССР всего 1 438 евреев-эмигрантов, заплатив в общей сложности государству 7 млн. рублей [13, с.160, 165, 170].

¹⁸ Формально указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1972 г. был исключен из числа действующих 20 мая 1991 г.

БРЕЖНЕВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Записка Ю.Андропова Л.Брежневу от 28 марта 1973 г.

28 марта он писал Брежневу: «<...> Скажу честно – довольно удивительной выглядит позиция Добрынина по так называемому еврейскому вопросу. <...> Мне представляется, что у нас с самого начала существует совершенно четкая позиция в этом вопросе. В первое время мы выпускали в Израиль стариков, детей, лиц нетрудоспособных. При этом главным долгом было их стремление воссоединиться с родственниками, проживающими в Израиле. В последующем мы несколько расширили из тактических соображений подход к этому вопросу, облегчили порядок выезда в Израиль лиц еврейского происхождения, причем за последнюю неделю даже не требовали с них возмещения расходов за получение высшего образования. Более или менее объективная американская пресса вынуждена была отметить этот факт. Что касается реакционной, то она, несомненно, будет и дальше разжигать так называемый еврейский вопрос, стремясь создать у нас трудности.

высшего образования. <...> В соответствии с решением Политбюро и Вашим указанием мы вместе с МВД будем и дальше вести дело к тому, чтобы "еврейский вопрос" не являлся камнем преткновения для улучшения советско-американских отношений. <...> Кроме того, мы принимаем меры к публикации материалов, разъясняющих советскую позицию по "еврейскому вопросу", в зарубежной печати. Опубликовано уже несколько статей на эту тему» [4, д.317, л.15–16].

В последнем предложении этой записки явно подразумевалось выступление в западной прессе небезызвестного Виктора Луи. И действительно, 21 марта этот давно сотрудничавший с КГБ журналист заверил читателей популярной тель-авивской газеты о приостановке действия выездного налога в СССР [14].

Но старания Москвы не урезонили спонсоров Поправки. Выступая 22 марта в вашингтонском Национальном пресс-клубе, Джексон хоть и поприветствовал походя смягчение советской эмиграционной политики как некий обнадеживающий знак, однако следом резко заметил, что Поправку и впредь следует всемерно использовать для давления на Москву, дабы той не повадно было вновь прибегнуть к ухищрениям по ограничению эмиграции путем фискально-репрессивных методов [39, р.211–212]. Встречаясь вскоре вместе с другими сенаторами и конгрессменами с президентом Никсоном, Джексон и вовсе срезал его, сказавшего, что Администрация добилась главного – отказа советского руководства от сбора налога на образование, – тем, что, назвав это лишь частичной уступкой Москвы, едко заметил: «Если вы в это верите, г-н президент, то вы ослеплены» [16, с.192].

Тем не менее Белый дом не терял надежды одолеть сторонников Поправки и в последующие месяцы продолжал тесно сотрудничать в этом плане с Кремлем. Находясь в мае 1973 г. в Москве, Г.Киссинджер попросил Брежнева выпустить из страны 1000 отказников, считая это веским аргументом против Поправки [36, р.343]. К тому же Брежнев и Никсон пытались ее публично игнорировать, вновь встретившись в июне 1973 г. на сей раз в США. В официальных сообщениях о переговорах о ней не было сказано ни слова. Одновременно Администрации удалось привлечь на свою сторону председателя комитета Сената США по иностранным делам демократа Дж.Фулбрайта, организовавшего 22 июня за деловым ланчем в президентском Блэйр-Хаузе встречу Брежнева с двадцатью влиятельными сенаторами. Вскоре Фулбрайт призвал сократить военную поддержку Израиля, а 3 августа 1973 г. выступил против Поправки в своем сенатском комитете. Постарался и

посол Добрынин, который с целью пропагандистского противодействия еврейскому лобби в Конгрессе передал в июле 1973 г. Киссинджеру данные о том, что в период с января 1968 г. по июнь 1973 г. власти СССР рассмотрели 61 500 заявлений евреев на выезд, удовлетворив из них 60 200 (97%) [11, с. 262–263]. Кроме того, надеясь произвести на западное общественное мнение благоприятное впечатление, советское руководство прекратило с 13 сентября 1973 г. глушение всех вещавших на русском языке западных радиостанций («Би-Би-Си», «Голос Америки», «Немецкая волна», «Голос Израиля» и др.), кроме «Свободы»¹⁹.

**Позиции Сахарова
и Солженицына**

Однако и сторонники Поправки не думали сдаваться, воспрянув духом после того, как 14 сентября 1973 г. ее поддержал академик А.Д.Сахаров, писавший в американский Конгресс:

«Поправка не может быть угрозой советско-американским отношениям... она не ставит под угрозу международную разрядку... Ее условия минимальны и не унижительны» [7]. Одновременно он исподволь раскритиковал Белый дом за шантаж американской общественности мнимой угрозой вспышек антисемитизма в Советском Союзе, если Конгресс откажет ему в льготном торговом статусе: «В США царит полная неразбериха, либо намеренная или на основе неведения, что реально происходит в СССР. Как будто вопрос эмиграции касается только одних евреев. Как будто положение тех евреев, которые безуспешно пытались эмигрировать в Израиль, уже не является достаточно трагичным. Как будто политика "тихой дипломатии" (намек на Киссинджера. – Г.К.) может помочь кому-то, кроме нескольких лиц, проживающих в Москве и в некоторых других городах» [7].

Другой видный критик советского режима А.И.Солженицын, который так или иначе конкурировал с Сахаровым на диссидентском поле, негативно воспринял его «американское» послание. Писатель утверждал, что оно появилось в результате того, что накануне к Сахарову пришла группа евреев, которые, показав свое, уже имевшее девять десятков подписей обращение к американским законодателям не давать Москве льготный торговый статус без предварительного снятия ею всех ограничений с еврейской эмиграции, попросили ученого поддержать их, подписав отдельно такой же текст. И тот якобы сразу согласился [30,

¹⁹ Глушение русских передач «Голоса Израиля» началось в апреле 1972 г. [13, с.134].

с.55]. Возможно, так и было на самом деле, но в данном случае Сахаров действовал отнюдь не под чьим-либо влиянием и не спонтанно, как пытался представить Солженицын, не упомянувший, между прочим, об очень важном предшествующем обстоятельстве: еще 5 марта 1971 г. Сахаров направил Брежневу памятную записку, в которой среди прочего просил «принять законы, обеспечивающие простое и беспрепятственное осуществление гражданами их права на выезд за пределы страны и свободное возвращение» [33, с.208].

А.Солженицын и Н.Светлова. Лето 1969 г.

Настаивая в воспоминаниях, что письмо в поддержку Поправки он направил в американский Конгресс по собственной инициативе, А.Д.Сахаров поведал еще и о том, как по просьбе Солженицына зашел 17 сентября 1973 г. к Наталье Дмитриевне Светловой. Эта гражданская жена писателя, с которой он вскоре оформил брак, в тот день была одна в своей квартире на улице Горького. В состоявшейся беседе она обрисовала ученому и сопровождавшей его Е.Г.Боннэр

отрицательную позицию мужа по Поправке, начав разговор с риторического вопроса, так воспроизведенного потом Сахаровым: «Как я (Сахаров. – Г.К.) могу поддерживать поправку Джексона и вообще придавать большое значение проблеме эмиграции, когда эмиграция – это бегство из страны, уход от ответственности, а в стране так много гораздо более важных, гораздо более массовых проблем?» Подкрепляя свою мысль, Светлова далее сказала: «... Миллионы колхозников по существу являются крепостными, лишены права выйти из колхоза и уехать жить и работать в другое место. ... Миллионы родителей в русском народе лишены возможности дать своим детям вообще какое-либо образование...» [27, с.183].

От личной встречи с Сахаровым Солженицын уклонился, скорей всего из опасения попасть под «прослушку» госбезопасности. И это не был напрасный страх, что подтверждается наличием подробного описания упомянутой встречи жены писателя с Сахаровым и Боннэр, представленного в ЦК первым заместителем председателя КГБ

С.К.Цвигуном. Уже на следующий день тот докладывал: «В процессе беседы Сахарову было вручено письмо Солженицына с замечаниями по поводу его обращения с провокационным "Открытым письмом к Конгрессу США" <...> Выражая мнение Солженицына, его жена в беседе настойчиво проводила мысль о необходимости дополнительного обращения Сахарова к мировой общественности по более широкому кругу проблем, касающихся якобы отсутствия свобод в Советском Союзе. По ее словам, вопросы, поднятые в письме Сахарова, "по нынешним масштабам звучат все-таки частностью". <...> Отвечая на возражение Сахарова о боязни американцев "расширять вопрос дальше еврейской проблемы", Солженицына подчеркнула, что в любом случае такое обращение Сахарова будет иметь большой пропагандистский эффект. <...> В ходе беседы Сахаров, в целом разделяя позицию Солженицына, в то же время дал понять, что такая постановка вопроса в данный момент нецелесообразна, и фактически остался на своей точке зрения» [35].

Новую порцию тайных «активных мероприятий» в отношении Сахарова КГБ предпринял после того, как тот сделал израильское заявление в связи с началом войны Судного дня на Ближнем Востоке. 11 октября 1973 г. на квартиру к ученому пришел некий арабский журналист, который, назвавшись корреспондентом бейрутской газеты, попросил дать интервью. Тот согласился, хотя расценил заданные ему вопросы «в какой-то степени провокационными» [27, с.176]. А 18 октября к Сахарову опять нагрянули незваные гости, на сей раз два араба, которые, представившись членами террористической организации «Черный сентябрь» и угрожая убийством ученому и его родным, потребовали от него письменно дезавуировать упомянутое выше заявление²⁰. Однако Сахаров, возмущившись, ответил категорическим отказом. После чего незадачливые шантажисты, не решившиеся на насильственные действия в присутствии многочисленных близких ученого, поспешили ретироваться [27, с.177]. И вот на сей раз Солженицын поддержал Сахарова, направив ему 28 октября теплое письмо, в котором высказывалось также и следующее мнение бывшего конспиратора: «...В нашем отечестве при условии сквозной слежки подслушивания, какие установлены за Вами, такое покушение невозможно без ведома и поощрения властей» [21].

²⁰ Эта организация предприняла громкое кровавое нападение на спортсменов и тренеров национальной команды Израиля на мюнхенской Олимпиаде 1972 г.

На Лубянке и в последующем пристально следили за усилением «сионистской активности» Сахарова. 19 октября 1974 г. Андропов проинформировал Политбюро, что, встречаясь ранее в Москве с Р.Вайцзеккером (будущий президент ФРГ), Сахаров «дал положительную оценку» поправке Джексона и что «в последнее время Сахаров выступает ярким защитником агрессивной политики Израиля» [19, с.336–337]. Однако такая характеристика не была справедливой.

Достаточно вспомнить, что Сахаров, будучи гуманистом-идеалистом, полностью свободным от симпатий ко всем разновидностям национализма, в том числе и к еврейскому, обвинил летом 1975 г. Запад (конкретно – просионистски настроенных государственных деятелей, радиостанцию «Голос Америки» и некоторые другие СМИ) в «подмене общего вопроса о свободе выбора страны проживания более частным вопросом о еврейской эмиграции в Израиль». «Я считаю такую подмену, – писал он тогда, – не только неточной, но и крайне вредной» [26, с.120].

Победа сенатора Джексона

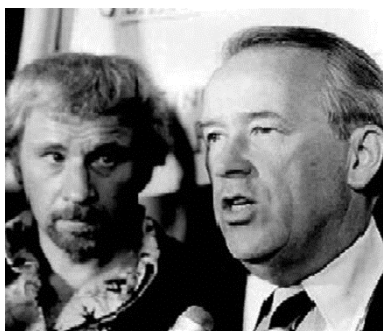
После того, как обращение Сахарова от 14 сентября 1973 г. в поддержку Поправки попало к Джексону, тот сразу же, как будто уже давно ждал его появления, восторженно отозвался о нем, напирая на опубликованный им еще 9 сентября в «Нью-Йорк таймс» тезис о том, что, поскольку народ США – нация эмигрантов, свобода эмиграции является в этой стране наиболее фундаментальной среди других прав человека. По представлению Джексона открытое письмо Сахарова было включено в так называемые «Протоколы Конгресса», а 18 сентября его английский перевод, конечно, не без стараний сенатора появился в «Вашингтон пост», причем в виде дорогостоящего рекламного объявления, набранного крупным шрифтом и заключенного в рамку. Вот почему последовавшее 8 октября заявление новоиспеченного государственного секретаря США Киссинджера (был назначен на эту должность 3 сентября 1973 г.) против корреляции между вопросом об эмиграции и статусом наибольшего благоприятствования оказалось в подвешенном состоянии. К тому же Администрация Никсона все больше увязала в печально знаменитом Уотергейтском скандале, главным следствием которого стало то, что 6 февраля 1974 г. Палата представителей Конгресса инициировала процедуру импичмента Никсона. Как вспоминал Добрынин в связи с открывавшейся 17 декабря 1973 г. в

Женева мирной конференцией по Ближнему Востоку, Никсон пригласил его 13 декабря в Белый дом. С первых же слов он стал сокрушаться по поводу того, что контролируемые евреями СМИ развязали против него в связи с «Уотергейтом» враждебную кампанию, посетовав дословно так: «Израиль и произраильские круги в США... стремятся не допустить улучшения советско-американских отношений; они видят благо в постоянной конфронтации между СССР и США». Потом, если верить Добрынину, «Никсон заметил, что пришел к таким выводам совсем недавно, ибо вначале даже не допускал мысли, что у Израиля могут быть такие далеко идущие цели» [11, с.281].

Недовольство Никсона евреями и Израилем зашло вскоре так далеко, что за два дня до своего добровольного ухода в отставку (дабы избежать импичмента), он дал указание Киссинджеру подготовить законодательный проект, увязывавший военную помощь Израилю с его согласием на всесторонний мир с арабами [11, с.282].

Однако в неразберихе последних дней пребывания Никсона на своем посту такой документ так и не был составлен. Дела и должность Никсон передал вице-президенту Джеральду Форду 9 августа 1974 г. А несколькими месяцами ранее Кремль предпринял попытку нейтрализовать спонсоров Поправки, закулисно договорившись с ними о количественном лимите еврейской эмиграции из СССР. Этот торг осуществлялся через Киссинджера, имевшего на руках соответствующие расчеты Израиля, который, не имея дипломатических отношений с СССР, не мог действовать напрямую, как например ФРГ, уже оформившая с Москвой аналогичную договоренность по ежегодным эмиграционным квотам для советских немцев. И вот, встретившись в мае 1974 г. на Кипре с Киссинджером, А.Громыко, уступая его настоянию, согласился на «еврейскую» квоту в 45 000 чел. И хотя это был весьма солидный показатель, он не умиротворил, а только подзадорил Джексона, добивавшегося максимального пропагандистского эффекта и предложившего в ответ заведомо неприемлемую для советского руководства альтернативную квоту в 75 000 чел., которую, правда, вскоре снизил до 60 000 [39, р.160]. Принимая 15 октября 1974 г. в Кремле министра финансов США Уильяма Саймона и сопровождавших его руководителей ведущих американских корпораций, Брежнев сделал заявление против включения в закон о торговле США «совершенно неуместных и неприемлемых» для СССР условий. Кроме того, он осудил присутствовавшую в Поправке жесткую корреляцию между торговлей и эмиграцией, назвав такой подход попыткой вмешательства во внутренние дела СССР [39, р.163].

Примерно в это же время прошла встреча президента Форда с сенатором Джексон, который сразу после нее устроил пресс-конференцию, заявив, что СССР соглашается на ежегодную квоту в 60 тысяч эмигрантов [11, с.311]. А 18 октября Джексон обнародовал свою переписку по Поправке с Киссинджером, в которой тот раскрывал негласную договоренность между Государственным департаментом и

Сенатор Г. Джексон (справа)
и активист сионистского движения США
Сай Фрумкин.
Лос-Анджелес, 10 сентября 1974 г.

советской стороной о том, что в случае отклонения Поправки та согласится на ежегодную эмиграционную квоту в 60 000 человек, а также прекратит наказывать (увольнять с работы, понижать в должности и т.п.) за подачу заявлений на выезд и не будет чинить кому-либо, за исключением лиц, работающих на оборонных предприятиях и допущенных к секретной информации, «необоснованных препятствий» в получении выездных виз, [39, р.161–162]²¹.

Публичное выставление советского руководства в унижительной для него готовности пойти на уступки

сенатору Джексону не на шутку встревожило Кремль. 26 октября Громыко вручил находившемуся в Москве Киссинджеру конфиденциальную записку, обвинявшую его и Джексона в искаженной интерпретации советской позиции. В ней также дезавуировались ранее данные советской стороной обещания как в отношении гуманизации практики эмиграции, так и наращивания ее цифровых показателей [39, р.163].

Желая как-то загладить вину американской стороны в разглашении тайны дипломатических переговоров с СССР, президент Форд попросил

²¹ Обнародовав эти тайные обязательства СССР, Джексон одновременно потребовал от него и отмены других, в его понимании, наказаний («punitive actions»), предложив следующее: «...по отношению к желающим эмигрировать и к членам их семей не будет осуществляться призыв на военную службу... взрослые люди, желающие эмигрировать, не должны будут получать на это согласие от своих родителей или других родственников... для тех людей, пожелавших эмигрировать, которые имели доступ к действительно секретной информации задержка в разрешении на эмиграцию не будет превышать трех лет с того момента, когда они утратили доступ к такой информации...» [22].

посла Добрынина уведомить Брежнева и Громыко, что он возмущен поведением Джексона и считает, что сенатор «поступил как свинья» [11, с.312].

Этот скандал не мог не сказаться на прошедших 23–24 ноября 1974 г. во Владивостоке переговорах Брежнева и Форда по ограничению стратегических вооружений, где хоть и рассматривались вопросы двухсторонних торговых отношений и еврейской эмиграции, однако советская сторона засекретила их еще больше и предпочла по ним никак публично не обозначать своей позиции. Этим обстоятельством не преминул воспользоваться Джексон, который перед окончательным голосованием 13 декабря в Сенате по его Поправке ложно заявил, что советская сторона согласна с ней. В результате ее поддержали все присутствовавшие 88 сенаторов. В тот же день так же триумфально был принят и дискриминировавший СССР новый торговый закон. За него проголосовали 77 сенаторов и лишь 4 – против. И только 18 декабря Кремль, предав гласности сообщение ТАСС об упомянутой записке Громыко Киссинджеру от 26 ноября 1974 г., решился открыто заявить, что за уверениями Джексона о готовности СССР исполнить требования, предусмотренные Поправкой, ничего реального не стоит. Но это действие было явно запоздалым. Уже 20 декабря 1974 г. уснащенный Поправкой закон о торговле со странами с нерыночной экономикой был совместно принят Палатой представителей и Сенатом. Добрынин так впоследствии описал реакцию Кремля на такой неприемлемый для него результат:

«Решение конгресса явилось весьма неприятным сюрпризом для руководства СССР. Дело в том, что оно постоянно недооценивало влияние американского общественного мнения и конгресса на американскую внешнюю политику. В Кремле, не испытывавшем такого воздействия у себя в стране, американский президент подсознательно рассматривался как своего рода верховный правитель, который в конечном счете и решает все дела. Отсюда и соответствующая реакция советского руководства. 25 декабря возмущенный Брежнев прислал Форду письмо в связи с дискриминационным законодательством, принятым американским Конгрессом. "Мы считаем необходимым официально заявить, – говорилось в письме, – что принятые Конгрессом США торговый и кредитный законы²² в части, касающейся СССР, не-

²² Имеется в виду закон о деятельности Экспортно-импортного банка США, принятый в декабре 1974 г. с поправкой сенатора Э.Стивенсона-младшего, запрещающей предостав-

приемлемы для нас в своей основе по изложенным мотивам (т. е. дискриминация и вмешательство во внутренние дела. – *А.Д.*). Это, разумеется, освобождает и советскую сторону от тех обязательств, которые были взяты ею в едином комплексе договоренностей по торгово-кредитным вопросам (включая Соглашение о погашении задолженности по ленд-лизу). Таким образом, нашим торгово-экономическим отношениям, несомненно, нанесен серьезный ущерб, и это отнюдь не помогает развитию советско-американских отношений в других областях» [11, с.321–322].

Поскольку за новый торговый закон проголосовало более двух третей состава обеих палат Конгресса США, он не подпадал под вето президента Форда, которому не оставалось ничего другого, как только его подписать, что и произошло 3 января 1975 г.

Одержавший крупную политическую победу Джексон мог вроде бы торжествовать. Однако его Поправка неожиданно ударила не столько по режиму в СССР – страны, чей торговый оборот с США составлял менее одного процента от всего объема внешней торговли, – сколько по советским евреям. Если в 1973 г. они смогли реализовать почти 35 000 разрешений на выезд в Израиль, то уже в 1975 г. – чуть более 13 000. К тому же, несмотря на утверждение руководителя «Натив» Н.Леванона о том, что «поправка Джексона имела огромное значение в борьбе за открытие границ СССР для алии»²³, именно с 1974–1975 гг. эта алия (переселение евреев в Израиль)²⁴ стала резко сдавать позиции в негласной конкуренции с переездом в США, что подтверждается данными следующей ниже таблицы [37].

После принятия поправки Джексона–Вэника СССР разорвал договор с США о торговле 1972 г., прекратив выплаты задолженности по ленд-лизу периода Второй мировой войны (722 млн. долларов), которую начал было погашать. Поправка действовала почти сорок лет. Конгресс США отменил ее только в декабре 2012 г., причем в обмен на введение новых санкций, на сей раз по так называемому «списку Магнитского».

лать СССР кредиты на обычных условиях, особенно на развитие энергетики.

²³ Леванон Н. *Код: Натив*. Тель-Авив: Ам Овед, 1995, (иврит). С.405. (Цит. по: Леви А. Сионизм как фактор, определяющий направление еврейской эмиграции из СССР. Доклад на международной конференции «120 лет еврейской эмиграции из России» (Москва, 2002). Архив автора.

²⁴ *Алия (иврит) – восхождение.*

БРЕЖНЕВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Годы	Выехали из СССР по израильским визам (чел.)	Прибыли в Израиль (чел.)	%	Отправились в США и др. страны (чел.)	%
1971	12897	12839	99,6	58	0,4
1972	31903	31652	99,2	251	0,8
1973	34733	33277	95,8	1456	4,2
1974	20767	16888	81,3	3879	18,7
1975	13363	8435	63,1	4928	36,9
1976	14254	7250	50,9	7004	49,1
1977	16833	8350	49,6	8483	50,4
1978	28956	12090	41,8	16866	58,2
1979	51331	17278	33,7	34053	66,3
1980	21648	7570	35	14078	65,0
1981	9448	1762	19	7686	81,4
1982	2692	731	27	1961	72,8

И, завершая, нельзя не вспомнить о примечательном историческом парадоксе: если в середине 1970-х гг. СССР подвергся американским санкциям за нежелание выпускать евреев из страны, то шестьдесятю годами ранее, 5 декабря 1911 г., Конгресс США денонсировал торговый договор 1832 г. с Россией ровно за обратное: за нежелание их впускать (был наложен запрет на реэмиграцию в империю бывших еврейских подданных). Выходит, что в этих двух случаях правители нашей страны действовали диаметрально противоположно, но таковые в США – всегда неизменно – прибегали к санкциям.

Список сокращений

ОВИР – Отдел виз и регистрации
ОСВ – ограничение стратегических вооружений
ПРО – противоракетная оборона
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории

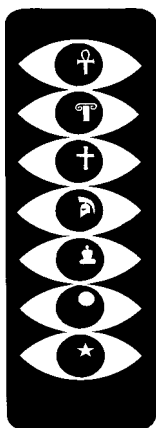
Библиографический список

1. РГАНИ. Ф.3. Оп.68.
2. РГАНИ. Ф.5. Оп.62.
3. РГАНИ. Ф.5. Оп.64.
4. РГАНИ. Ф.80. Оп.1.

5. Бернштейн К., Вудворд Б. 40 лет после Уотергейта: Никсон был еще хуже, чем мы думали (<http://inosmi.ru/usa/20120612/193481739.html>).
6. Варгафтик М. Проповедь для президента // Еврейское слово. 2012. 20–26 марта. №12 (86).
7. Вашингтон пост. 1973. 18 сентября.
8. Ведомости Верховного Совета СССР. 27 декабря 1972 г. №52 (1658). См. также: Деннингхаус В., Савин А. «Как бы указ о евреях не отменять, а де фактом не применять» // Россия XXI. 2013. №1. С.148–152.
9. Вестник Архива Президента РФ / Источник. 1996. №1.
10. Деннингхаус В., Савин А. «Еврейский» налог: Брежнев и еврейская эмиграция из СССР в 1972–1973 годах // Родина. 2012. №5. С.105–123.
11. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1997. 688 с.
12. Завадский М. Никсон не любил евреев (<http://www.jewish.ru/history/hatred/2010/12/news994291684.php>).
13. Еврейская эмиграция в свете новых документов / Под ред. Б.М. Морозова. Тель-Авив, 1998. 288 с.
14. Едиот ахронот. 1973. 21 марта.
15. Костырченко Г.В. Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция. Еврейский вопрос. М., 2012. 528 с.
16. Кошаровский Ю. Мы снова евреи. Очерки по истории сионистского движения в Советском Союзе. В 4 тт. Т. 2. Иерусалим, 2008. 498 с.
17. Кравцов Б. Бегство из гетто: заметки по поводу рукописи, оставленной в ОВИРе. Л., 1984. 176 с.
18. Краткая еврейская энциклопедия. В 11т. / Ред. И.Онен, Н.Прат и др. Т. 3+Доп.1. Иерусалим, 1986.
19. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А.Солженицыне / Сост. А.В.Коротков, С.А.Мельчин, А.С.Степанов. М., 1994. 621 с.
20. Леванон Н. Код: Натив. Тель-Авив, 2003 (иврит). С.395, 396 (По: Кошаровский Ю. Мы снова евреи. Т.2. С.181).
21. Литературная газета (Досье). Январь 1990.
22. Медведев Ж.А. Опасная профессия. Глава 27. Снова в Америке (Рукопись. Архив автора).
23. Печатнов В.О. Секретный канал А.Ф.Добрынин – Г.Киссинджер: документы Архива внешней политики Российской Федерации // Новая и новейшая история. 2006. №5. С.108–138.
24. Прохоров Д.П. Спецслужбы Израиля. М., 2003. 384 с.
25. Рождественский Г.Н. Еврейская сага (из далекого прошлого) // Семь искусств. Октябрь 2012. № 10 (35) (<http://7iskusstv.com/2012/Nomer10/Shtilman1.php>).
26. Сахаров А.Д. В стране и мире // Тревога и надежда. М., 1991. С.86–150.
27. Сахаров А.Д. Воспоминания // Знамя. 1991. №2.
28. Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1973. №1.
29. Сойфер Д.И. Крах сионистских теорий. Днепропетровск, 1980. 190 с.
30. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №8.
31. Чурбанов Ю.М. Я расскажу все, как было... М., 1993. 175 с.

БРЕЖНЕВ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

32. Шехтман И.Б. Советская Россия, сионизм и Израиль // Книга о русском еврействе. 1917–1967 / Под ред. Я.Г.Фрумкина, Г.Я.Аронсона и А.А. Гольденвейзера. Нью-Йорк, 1968. С.325–353.
33. Хроника текущих событий. 1972. 5 июля. Вып. 26 // Миф о застое / Сост. Е.Б.Никанорова, С.А.Прохватилова. Л., 1991.
34. Хроника текущих событий. Октябрь 1972 г. №27 (<http://www.memo.ru/history/diss/chr/chr27.htm>).
35. Bukovsky's Soviet Archives (<http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/sakharov/kgb73-3.pdf>)
36. Goldman M. United States Policy and Soviet Jewish Emigration from Nixon to Bush // Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union / Ed. by Ya. Ro'i. Portland, 1995. P.338–364.
37. Gur-Gurevitz B. Open Gaits: The Inside Story of the Mass Aliya from the Soviet Union and its Successor States. Jerusalem, 1996.
38. Kissinger H. Years of Upheaval. Boston, 1979. 1283 pp.
39. Korey W. Struggle over Jackson-Mills-Vanik // American Jewish Year Book. 1974–1975. Vol. 75. New York, 1975. P.199–234.
40. Nezer Z. The Emigration of Soviet Jews / Proceedings of the Experts' Conference on Soviet Jewry. London, 4–6 January 1983 // Soviet Jewish Affairs. P.17–24.
41. Shindler C. Exit Visa, Détente, Human Rights and the Jewish Emigration Movement in the USSR. London, 1978. 292 p.
42. Yorba L. In Tapes, Nixon About Jews And Blacks // New York Times. 2010. 11 December. P.31(<http://www.nytimes.com/2010/12/11/us/politics/11nixon.html>).

Елена Жбанкова

**«НАПРЯЖЕННАЯ
ДИНАМИКА ЭПОХИ»**

**ТАНЕЦ – ОСОБАЯ ФОРМА
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО И ФИЗИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ ПЕРВЫХ
ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
351.858

В статье речь идет о месте общественного танца в быту и досуге рабочего класса в 1920-е годы. Пролетарская молодежь на своих вечеринках исполняла танцы, основанные на фокстроте, что было модно в то время в Европе. Они стали символом мелкобуржуазного влияния, а потому подвергались критике и даже запретам. Советская власть стремилась в рамках создаваемой пролетарской культуры будущего социализма придумать новый массовый танец, соответствующий идеологическим требованиям текущего момента.

The article touches upon the place of social dance in leisure and everyday life of Soviet working class of 1920s. The proletarian youth stepped dances based on foxtrot, which was the regarded in Europe. Such dances became a symbol of the small bourgeoisie influence hence were criticized and even banned. The Soviet government therefore aimed at creating a new social dance within the framework of proletarian culture of future socialism, which will correspond to the ideological principles of the time.

Ключевые слова: общественный танец; фокстрот; танго; пролетарская культура; физкультура; гимн революции.

Key words: social dance; foxtrot; tango; proletarian culture; physical education.

E-mail: evzbankova@mail.ru

Понятие досуговой культуры, или обиходной художественной культуры и бытового искусства (эти термины уже давно вошли в научный лексикон), до сих пор находится в начальной стадии разработки. Активно этими вопросами занимается отдел массовых жанров сценического искусства Государственного института искусствознания и созданная в нем же проблемная группа для разработки теории и истории развлекательной культуры России.

Проблематикой развлекательной культуры отечественные исследователи пока занимаются не очень охотно и проявляют к данной теме традиционную настороженность. Но тем не менее существует историография проблемы, представленная такими именами, как Дуков Е.В., Байбурова Р.М., Бурдин Л.И., Юнасов М.В., Яковлева А.М. и др.

В начавшемся 2017 году, году столетия Февральской и Октябрьской революций, весьма актуальным является обращение к первым годам советской власти, особенно к началу 1920-х годов, – времени нэпа, когда развлечениям уделялось особенно большое внимание. Давно возникшим и прочно устоявшимся является выражение «угар нэпа», под которым как раз понимается лихой разгул, огромное количество увеселений с ощущением скорого неизбежного конца всему.

Это ощущение испытывали, в первую очередь, сами нэпманы, «осколки старого режима», и даже сторонники советской власти, несогласные с новой экономической политикой. Однако нельзя упускать из вида то обстоятельство, что молодое государство диктатуры пролетариата в это время пыталось взять под контроль развлечения трудящихся.

Тому были следующие причины:

- необходимость борьбы с буржуазным наследием в области досуга как ненужным и даже вредным для пролетариата;
- необходимость борьбы с влиянием церкви, не так давно отделенной от государства;
- обязательное привнесение в развлечения западных элементов во имя интернациональной составляющей в отечественной культуре в целом.

Все это одновременно соотнести и учесть было совсем не просто, что приводило к появлению многочисленных проблем.

В данной статье с этой точки зрения мы рассмотрим хорошо известные автору факты и примеры из области общественного танца.

Общественный танец в условиях НЭПа

Октябрь 1917 года коренным образом изменил ситуацию в сфере российского общественного танца. Молодое государство диктатуры пролетариата, строящее социализм, каза-

лось бы, вряд ли должно было поддерживать активное стремление своих граждан заниматься хореографической практикой. Однако именно в это голодное и суровое время проявился исключительный интерес к хореографии. По воспоминаниям современников, изрядное количество девушек и юношей устремилось в танцевальные школы и студии, возникавшие в больших количествах. Доходило до того, что в 1919 году пластика преподавалась персоналу сыпнотифозного госпиталя, помещавшегося на Страстной площади в Москве, в здании, где сейчас находится кинотеатр «Пушкинский». «Санитары и сиделки сбрасывали с себя белые халаты и, нарядившись в хитоны, делали пластические упражнения, на которые выздоравливающие в халатах с завистью смотрели из-за дверей» [4, с.137–138].

Студийные уроки – специфический род занятий танцем, активный интерес к которому появился еще в начале XX века, когда чрезвычайно популярными стали разнообразные формы пластического движения,

«НАПРЯЖЕННАЯ ДИНАМИКА ЭПОХИ»

положенного на некую идейную основу поиска форм искусства будущего. В эти студии ходила, в основном, молодежь, увлеченная футуристическими исканиями, рассуждающая о сломе старого и новых перспективах художественного творчества.

Этот вид хореографии (пластический танец) нередко выглядит почти как профессиональный. Такой танец, безусловно, относится к категории общественного и очень серьезно развивает человека физически, но не может быть распространен в широких массах в силу высоких требований к нему. Для него необходимы регулярные занятия, особое помещение, постоянный руководитель и т.п. К более доступным категориям общественного танца могут быть отнесены: историко-бытовой, балетный, городской, крестьянский, народный и прочие, – с давних времен занимавшие значительную часть свободного времени у всех категорий и слоев населения, не требовавшие особых усилий для разучивания. Не вызывает сомнения, что во время гражданской войны общественный танец в целом практиковался не столь интенсивно. Объясняется это элементарными вещами: голодом, отсутствием тепла и света, ощущением постоянной опасности для жизни, что не располагало обывателя к приятному танцевальному времяпрепровождению. Нелишне здесь будет отметить, что практика устройства публичных балов по тем же самым причинам была прекращена в России еще в 1914 году с началом Первой мировой войны.

С введением НЭПа ситуация в области общественного танца изменилась. Стабилизировалась социальная обстановка, появилась прослойка людей, обладающих материальными средствами, которые начинали заполнять свой досуг танцами, пытаясь освоить как классический репертуар дореволюционного бала, так и зарубежные новинки.

Пролетарская и даже крестьянская молодежь следом за ними начинала танцевать такие же танцы на своих вечеринках и гулянках. А.В.Луначарский, нарком просвещения, неоднократно отмечал постоянное тяготение самых широких народных масс к хореографии [10, с.56–58].

Этот факт руководство советским государством расценивало как проникновение буржуазной идеологии в пролетарскую среду и старалось принимать меры. Справедливости ради отметим, что большевики после своего прихода к власти никаких официальных запретов бального танца не делали. В годы гражданской войны это было совсем не актуально в сравнении с гораздо более значительными проблемами. В начале 1920-х гг., когда вопрос о сохранении власти стоял уже не столь остро, на первый план выдвинулись задачи повсеместной пропаганды коллективистских идей и воспитания трудящихся в социалистическом духе. В условиях нэпа, когда так называемые буржуазные элементы были частично допущены в жизнь государства, стало крайне важно уберечь пролетарские массы от «разложения под мелкобуржуазным влиянием».

Общественный танец стал одним из символов этого мелкобуржуазного, мещанского влияния и потому стал подвергаться всесторонней критике, порицанию и отдельным запретам. Так, например, в 1924 году специальным постановлением Моссовета были запрещены танцы в общественных местах [6, с.76].

В середине 1920-х годов резолюциями I Всероссийского совещания по художественной работе, проводимого Главполитпросветом (Главный комитет политического просвещения), II Всесоюзного культсовещания профсоюзов и Всесоюзного совещания комсомола по клубной работе танец все же был допущен в практику работы культучреждений [8, с.5]. Теперь он рекомендовался к использованию в качестве физкультурного средства.

Необходимо было срочно найти ответ на вопрос, какой общественный танец нужен пролетариату. При формальном запрете классических бальных танцев и общем отрицательном отношении к «салону» начинается поиск новых форм общественного танца, который, по мысли людей, его изобретавших, должен был соответствовать атмосфере эпохи строительства нового общества. По мнению сотрудников Хореологической лаборатории, структуры, существовавшей в Государственной академии художественных наук (ГАХН) и официально занимавшейся созданием научной теории хореографии, общественный танец после революции был нужен гораздо больше, чем в прошлые времена, но, конечно, с иными ценностными ориентирами. Если в периоды расцвета дореволюционной бальной культуры конечной целью обучения салонным танцам являлось гармоничное осознание человеком своей уникальной индивидуальности, то теперь танец нужен был человеку в качестве

средства превращения его в достойный элемент коллектива и в качестве лучшего способа физического совершенствования.

Эти идеи были весьма созвучны и с общей теорией советской физкультуры, и с тенденциями формирования новой пролетарской культуры будущего, стремлением создать грандиозное массовое агитационное искусство, неотъемлемой частью которого должен был стать общественный танец.

В 1920-е годы весьма серьезно относились к определению места танца в жизни общества. Так как этим вопросом в силу его специфики занимались только высокообразованные люди, то они могли опираться в своих рассуждениях на авторитетные высказывания великих мыслителей. В порядке вещей, например, было обращение к Конфуцию, который говорил о танце как об упорядоченном ритме особого порядка, подсознательно воспринимающемся людьми как суть вещей. При помощи музыкально организованного ритмического движения можно и нужно воспитывать и нравственно совершенствовать человека. Такие мысли Конфуция неоднократно обсуждались на заседаниях Хореолаборатории. Кроме того, подробно разбиралось отношение к танцу Лукиана, Ницше и других выдающихся деятелей мировой культуры [17, с.13].

Очень важными для понимания места общественного танца в деле строительства культуры социализма были идеи теоретиков Пролеткульта (Пролетарские культурно-просветительские организации), на которые сотрудники Хореолаборатории также обращали серьезное внимание [2, с.120]. Система Пролеткульта, которая и была создана для решения всех вопросов формирования новой пролетарской коллективистской культуры, большое внимание уделяла физическому воспитанию трудящихся. Проблема сосуществования культуры бытового танца как части общефизической подготовки была поэтому не только в компетенции Хореолаборатории, но и в ведении Пролеткульта, особенно если речь шла о бальном танце, который для его идеологов являлся значимой частью культуры прошлого. В решениях I Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций утверждалась необходимость сохранения культуры прошлого, но с обязательным критическим переосмыслением. «Сокровища старого искусства не должны приниматься пассивно; тогда они воспитывали бы рабочий класс в духе культуры господствующих классов и тем самым в духе подчинения созданному ими строю жизни. Сокровища старого искусства пролетариат должен брать в своем критическом освещении, в своем новом истолковании» [16, с.32].

С этой точки зрения становилась сомнительной нужность культуры бального танца пролетариату, так как она была прямым наследием буржуазного прошлого. Однако опытом физического воспитания, содержащегося в методиках обучения салонным танцам, воспользоваться все же было бы рационально. Поэтому Пролеткульт с середины 1920-х годов стал считать общественный танец средством художественной физкультуры.

Фокстрот и танго в советской России

Параллельно с формированием теоретического отношения к общественному танцу в условиях советской власти бывшие салонные (бальные) танцы продолжали свое, по сути, полулегальное существование.

Что же танцевала на своих вечеринках советская молодежь, находящаяся в стороне от теоретических рассуждений по поводу танца? 1920-е годы – это время фокстрота в Европе. Он впервые появился в Америке в 1912 г. Его сочинение приписывают американскому хореографу Вернону Кэстлю. Название танца происходит от словосочетания fox-trot – лисий шаг, так как основной шаг танца первоначально подражал лисьей походке. По другой версии этот танец был придуман Гарри Фоксом (и его фамилия осталась в названии) для выступления в нью-йоркском шоу. Как бы там ни было, фокстрот, появившийся в Европе после окончания Первой мировой войны, послужил основой для создания целого ряда бальных танцев, модных в 1920-е годы: шимми, чарльстон, линдихоп, блэк-боттом, а также блюз, слоу-фокс, квик-степ, марш-фокс, блюз-фокс и пр., которые пользовались огромной популярностью и танцевались во всех европейских странах. Практически все эти танцы постепенно начинали исполняться и в СССР на вечеринках, в ресторанах, в кинотеатрах, на эстраде.

Допуск танца в советские культучреждения с упором на то, что он является частью физкультурной подготовки, привел к разрешению разучивать и исполнять на мероприятиях те танцы дореволюционной России, которые своими движениями «подходили» пролетариату, и не допускались те танцы, которые были явно «буржуазными». Официально в советских культучреждениях (клубах) было разрешено исполнять следующие дореволюционные танцы: падепатинер, краковяк, венгерку, польку, кадрили, хиавату, вальс, мазурку, русскую, казачок, лезгинку, коханочку, метелицу, тарантеллу, хавтайм и матлот [6, с.3]. Среди них,

как мы видим, нет ни одного модного западного танца того времени, и потому они не пользовались особым успехом.

Хотя, как нами было уже отмечено ранее, законодательного запрета бальных танцев не существовало, пресса начала 1920-х годов всячески разоблачала буржуазную сущность бальных танцев, особенно ополчаясь на модный фокстрот. К примеру, некий Гайк Адонц писал о том, что «сегодняшние пляски отличаются поразительным бесстыдством, антихудожественностью, откровенно угодяют половому чувству в самых животных, т.е. самых грубых, проявлениях. Те из европейских грабителей, которые империалистическую войну пережили и благополучно вышли из ее ужасной бури, вывернулись из ее смертоносных объятий, с усиленной жадной бросились в стихию самых необузданных наслаждений и неудержимо стали удовлетворять свои извращенные и обостренные желания. Так зародились и эротические танцы наших дней в гнилой европейской культуре. Следует ли поощрять эту пошлость у нас? Кому она нужна? Если нэпман хочет развлекаться, пусть он устраивает эти танцы у себя дома. Эти танцы и у нас приобрели авторитет, у нас стали модой, о них говорят, о них пишут. Даже в некоторых рабочих районах господа фокстротеры выступают и, кажется, пользуются успехом. Нам кажется, что, пока эта зараза не проникла вглубь, мы должны раз навсегда поставить на ней крест, то есть воспретить исполнение этих безобразных танцев. В революционной Республике этой порнографии не место» [5, с.1, 2].

М.Горький в знаменитом фельетоне 1928 г. «О музыке толстых» писал: «Это музыка для толстых. Это эволюция от красоты менуэта и живой страстности вальса к цинизму фокстрота с судорогами чарльстона, от музыки Моцарта и Бетховена к джаз-банду негров, которые, наверное, тайно смеются, видя, как белые их владыки эволюционируют к дикарям, от которых негры Америки ушли и уходят все дальше...

Нечеловеческий бас ревет английские слова, оглушает какая-то дикая труба, напоминая крики обозленного верблюда, грохочет барабан, верещит скверненькая дудочка, раздирая уши, крикает и гнусаво гудит саксофон. Раскачиваются жирные бедра, шаркают и топают тысячи, десятки тысяч жирных ног» [7, с.351].

Нарком просвещения СССР Луначарский, в частности, сравнивал музыку фокстрота с ткацким станком или пулеметом [10, с.18].

Валентин Катаев, описывая в фельетоне жизнь в Германии 1927 года, также пытался показать негативные стороны досуга буржуазии. «От часу до двух сидели в фешенебельном зале (канделябры, джаз-банд,

ликеры, кафельный кло...). Дикая музыка драла барабанные перепонки. Посередине зала истуканообразные мужчины и дамы самоотверженно терлись друг о друга, изредка прерывая это полезное, но утомительное занятие легким подрыгиванием ног. Немец объяснил, что это танец чарльстон» [9, с.160].

Нарекания и обвинения в отношении бальных танцев западной буржуазии, в основном, сводились к двум направлениям: дружно ругали танцы фокстротного плана и танцы характера танго. К танго предъявлялись те же претензии, что и в дореволюционной России. Это была все та же ярко выраженная сексуальность, проявляющаяся в медленном сладострастном ритме. Не устраивало советских гонителей танго и то, что, по их мнению, танго изображает не любовный подъем, не самый акт ухаживания, а, скорее, состояние крайнего утомления после акта любви или даже импотенции. Эти выводы делались после сравнения танго с народными танцами, которые будто бы отражали, в отличие от танго, подъем жизни. Танго так же сравнивался, например, с народными способами усыпления маленьких детей с помощью маковой головки или намоченного в водке конца полотенца. Эти приемы для здоровья ребенка и танго для советских людей считались одинаково «полезными» [17, с.18].

Отрицательные стороны фокстрота состояли в том, что он был слишком механистичен. Он обладал «вялыми, заплетающимися движениями – ноги шаркают, плечи вихляются». Эти движения могли быть свойственны контуженному, отравленному газами, израненному участнику Первой мировой войны [13, с.54]. Советскому, оптимистически настроенному человеку быть похожим на подобный персонаж, как будто возвращающий в эпоху декаданса, было совершенно не нужно.

Конечно, при таком отношении к этим танцам их нельзя было использовать в качестве средства художественной физкультуры. Хотя отдельные их движения вполне могли быть использованы как специфический комплекс физических упражнений. Это добавление, впрочем, относится к подавляющему большинству общественных танцев. Понятно, что в данном случае на первый план выдвигалась идеологическая подоплека, которую видели в этих «буржуазных» танцах советские руководители.

Они призывали профессиональных хореографов создать вместо фокстрота и танго для граждан СССР «новый коммунистический танец», в котором, по их очень эмоциональным высказываниям, будет эротика, но здоровая. Под здоровой эротикой понимались чувства молодого самца,

приближающегося к молодой самке, матери будущих детей. Другими словами, в танце должны были быть отражены здоровые чувства продолжения рода, а не чувственные удовольствия от самого процесса полового акта [17, с.21]. Забегая вперед, скажем, что в течение 1920-х, да и в 1930-х гг., бытовала точка зрения, что вместо социальной функции общения и сближения мужчины и женщины, которая классически присуща бальному танцу, в советском государстве стремление людей танцевать было вызвано «колоссальной радостью народов, обретших свое счастье жить в справедливо устроенном обществе». Каждый хотел поделиться своей радостью друг с другом, каждому хотелось объединиться не с представителем противоположного пола, чтобы решить свои личные проблемы, а с как можно большим количеством людей в едином чувстве ликования по поводу радости жизни в самой лучшей стране мира. Бальный танец в Советском Союзе в этом случае из формы досуга, традиционно способствующей коммуникации, приобретал огромное и, заметим, совсем не свойственное ему социальное значение объединяющего, коллективизирующего фактора [22, с.5]. Поэтому перед профессионалами в области общественного танца сознательно ставилась огромная в своей социальной заостренности проблема создания нового бального коллективного танца, который был бы и массовым, и простым в исполнении, и радостным, символизирующим идеи коллективизма, и лишенным какой-либо чувственности, и по-настоящему физкультурным. На самом деле бальный танец не в состоянии, да и не должен, решать такого комплекса задач, и его дальнейшая эволюция в нашей стране продемонстрировала это довольно убедительно.

Советские руководители в своих претензиях к современному танцу были не одиноки. Например, президент французской республики присоединился к решению европейских дворов не допускать танго на придворных торжествах, а немецкий император запретил офицерам танцевать в форме уонстеп, тустеп и танго [3, с.10].

Объединяло всех руководителей стран то, что они имели предубеждения против каждого нового танца. К старым танцам привыкали, переставали остро воспринимать их плотскую природу, которая в каждом новом танце бросалась в глаза. Практически все новые танцы, перед тем как попасть в салон, проживали какое-то время на сцене, где к ним относились гораздо благосклоннее. Советская Россия в этом вопросе не являлась исключением. И танго, и фокстротные танцы широко исполнялись на эстраде, пользуясь успехом у публики. На сцене легче было примириться с новшествами. Танцевали немногие артисты, публика же

ограничивалась созерцанием. Но нельзя было забывать о том, что и в бальном зале невозможно законсервировать апробированную «приличную» хореографию. Танец всегда нуждается в естественном развитии. Если что-либо танцуется всеми, то помешать этому процессу невозможно, значит, этот танец что-то затронул в душах людей, живущих в это время. «Механистические» танцы 1920-х годов были не случайно именно таковыми. В них по-своему выражался протест против психологического давления городской жизни. К сожалению, власть имущие в СССР, стремясь сделать из общественного танца форму физкультурного воспитания, упускали из виду, что именно эти западные модные танцы, как никакие другие, подходили для выполнения подобной функции. Очень трудно представить себе мазурку в спортзале, да и вальс тоже. Для разрядки после тяжелого трудового дня нужен был как раз ритмичный, не очень сложный и доступный любому танец.

Если вернуться к разговору о судьбе бального танца в советской России как самого массового, то, отдавая большую часть своего времени труду, рабочий не мог в совершенстве освоить те па, которые предлагал ему бал прошлого, даже в тех танцах, которые не смущали пролетарское общество своей «буржуазностью». Кстати, интересно отметить, что ни в одной публикации 1920-х годов о бальном танце нет обвинения его в том, что он является наследием прошлого русской аристократии. Ему не приписывают возможности влияния на пролетариат в плане воспитания ощущения избранности, презрения к нижестоящим на социальной лестнице, кастовости и того подобного. Все претензии сводились к упрекам в мелкобуржуазности, мещанстве и пошлости. Это, на наш взгляд, происходило оттого, что русская революция застала бальный танец именно в той стадии развития, когда он уже перестал быть уделом только высшего слоя общества. Широко распространившись даже среди рабочих и крестьян, он утратил отличительные черты салонного танца XIX века: хореографическую сложность, требующую длительной тренировки перед исполнением танца, наличие обязательного бального этикета в виде многообразных правил, не знать которые было позором.

В принципе, в России накануне Первой мировой войны это все сохранялось, но только в среде русского дворянства. В других гораздо более многочисленных слоях общества это становилось своеобразной, не очень умелой карикатурой на манеры российского высшего света, в действительности приобретающей мещанскую окраску. Так что советское

руководство не так уж было и не право, обвиняя бальный танец в пошлости.

«Яблочко» – танцевальный гимн советской России?

В дружном хоре противников фокстрота появлялись иногда и попытки как-то обелить его. К примеру, некоторые высказывали логичные мысли о том, что каждому времени соответ-

ствуют свои танцы. Если в то время реальностью было всестороннее вторжение в человеческую жизнь механизмов и конвейера, то почему это не могло отразиться в танце, если общество этого требовало? Другими словами, фокстрот не был просто так выдуман для развращения трудящихся. Он возник потому, что в нем была необходимость как в танце, отражающем время. Очень редко в прессе тех дней мелькала совершенно правильная мысль о том, что распространенность танца нельзя объяснить только одной модой. Это значит, что в нем есть живое начало, отвечающее чему-то в душе современного человека. Как бы ни был талантлив балетмейстер, он не в силах сделать танец любимым. Лишь отражая душу массы, он может стать жизненным. Люди 1920-х годов уже были окружены машинами, которым они бессознательно подражали в фокстроте, выражая в этом свои духовные потребности и свою зависимость от атмосферы эпохи [13, с.55].

Не всегда люди могли открыто высказываться в защиту фокстрота. В середине 1920-х годов, когда в прессе почти развернулась дискуссия о современных танцах, запрещенная, кстати, Главлитом (Главное управление по делам литературы и издательства) [6, с.27], когда многочисленные издания публиковали обличающие заметки о танцах буржуазии, возникла весьма интересная идея. Предлагалось, отказавшись от фокстрота-танца, обратить самое пристальное внимание на фокстрот-музыку. Говорилось о том, что основное в музыке фокстрота – ее ритм – пришло от негритянской культуры. Ритм этот и простейшая, нанизанная на него, мелодия были качественно безличны. Этот ритм представлял суть событий африканской жизни, по мнению публицистов 1920-х годов. В музыке фокстрота, в отличие от танца фокстрота, никакой имитации ритма полового акта и в помине не было. Поэтому эта музыка вполне могла быть рекомендована пролетариату, так как в ней отражалось многообразие современности: «напряженная динамика эпохи, гудки автомобилей, радиовещание, шум вертящегося пропеллера, ожесточенное классовое расслоение, бешеный разгул спекуляции, излишества, уродства и бла-

«НАПРЯЖЕННАЯ ДИНАМИКА ЭПОХИ»

годеяния урбанизма, мерная поступь выстраивающихся пролетарских батальонов и гомон берлинского нахт-локаля» [1, с.4–5]. От самих людей зависело, что они в конечном итоге извлекут из этой музыки, а сама она никак не могла способствовать разложению классового самосознания и превращению пролетария в буржуя. Более того, звучали даже идеи создать нечто вроде гимна революции в фокстротном ритме, который являлся образцом эмоциональной напряженности и потому смог бы достоверно передать ритм современной эпохи. Тем более что в музыкально-танцевально-песенной практике русской революции существовали такая мелодия и куплеты, исполняемые под нее, и танец, на нее положенный. Как бы это парадоксально и забавно ни звучало, но это было знаменитое «Яблочко», с которым «перед каждым, кто бы то ни был на просторах РСФСР, встают во весь рост с этой песенкой звонкие, пронзенные борьбой годы революции» [15, с.5].

Доводы, приводимые в объяснение связи между фокстротом и «Яблочком», состояли в сходной динамике, одном размере $2/4$ и синкопическом ритме. Таким образом, если бы «Яблочко» стало своеобразным танцевальным гимном советской России, то страна смогла бы избежать «буржуазного фокстрота», заменив его своим пролетарски-классовым «национальным фокстротом» [15, с.6]. Предлагалось даже положить эту мелодию в основание нового искусства танца эпохи строительства социализма, простого в исполнении и напоминающего танцы А.Дункан [19, с.786].

Мещанская танцевальная музыка и салонные привычки при диктатуре пролетариата

Много упреков было высказано в адрес танцевальной музыки. В ушедшей эпохе во время танцевальных вечеров играл оркестр, иногда пианист, в основном, музыку профессиональную, часто классическую. К примеру, в творчестве Моцарта насчитывается 36 менуэтов, 49 немецких танцев, 27 контрдансов, много вальсов [12]. Эти произведения часто исполнялись и на русских балах. Другие великие композиторы также занимались сочинением музыки для танцев. В конце XIX – начале XX вв. характер музыки на публичных балах несколько изменился, упростившись вместе с упрощением хореографического текста. Однако по-прежнему известные композиторы писали музыку для салонных танцев, а толстые журналы всегда публиковали ноты последних модных новинок. Одним из таких известных композиторов того времени был А.К.Лядов, а журналом – «Музыка и пение».

В начале XX века широкое распространение в России получил граммофон. Казалось бы, переставал быть проблемой вопрос о музыкальном сопровождении на публичном балу. Но русское общество старалось танцевать по-прежнему под оркестр, лишь в редких случаях пользуясь граммофоном, считая это дурным тоном и плебейством.

«Я теперча не твоя, я теперча Сенина, он меня в Совет водил слушать речи Ленина».

В первые годы советской власти граммофон довольно широко распространился в городах и деревнях, но не как музыкальный аппарат, а как средство политической агитации и пропаганды. С его помощью слушались записи речей политических лидеров.

С началом нэпа граммофоном пользовались в культучреждениях на общественных мероприятиях, но тоже в редких случаях, так как не хватало пластинок, а имевшиеся в наличии не удовлетворяли идеологических потребностей эпохи. В каталоге граммофонного отдела МУЗО Наркомпроса 1923 года, например, в разделе «Танцы» были представлены: польки «Букет», «Стрекоза», «Прабабушка»; вальсы «Погибшие мечты», «Ожидание», «Ключи счастья»; марши «Трубачи воеводы», «Штурм Пекина», «Госка по Родине». Были записи русских песен, частушек, и романсов [11, с.10]. Если судить по названиям произведений, то под такое музыкальное сопровождение танцевать можно было действительно только что-то очень мещанское.

Весьма интересно выглядели в новой исторической эпохе некоторые привычки, связанные с салоном. Издавна в России существовала практика устройства благотворительных балов. Люди в той или иной форме на балу платили деньги, которые шли потом на какие-нибудь социальные нужды. Общественная мысль России критически относилась к подобным мероприятиям, часто высмеивая их. В начале XX века В.С.Лихачевым была написана эпиграмма на подобный благотворительный бал.

*Бал окончен...Дирижеры
Накричались и охрипли...
Раскрахмалились сорочки,
К телу потному прилипли...
Кудри дам и кавалеров
Развились и тоже смокли...
Запотели окна, стены,
И лорнетки, и монокли...
Мокры лбы и мокры лица
Жен и граждан благородных...
Да! До пота потрудились
В пользу сырых и голодных... [14, с.244–245].*

Достоин удивления, что в 1920-е годы в среде советских служащих также существовала практика благотворительных балов. В журнале «Крокодил» была помещена заметка о том, что рабкоры фабрики «Коммунистический Авангард» в пользу семьи убитого селькора Малиновского устроили танцевальный вечер. Собрано было 32 руб. 50 коп., из которых за музыку было отдано 32 руб. Автор заметки справедливо

отмечал: «Пусть рабкоры с «Авангарда» сами себя спросят: 1) стоило ли из-за полтинника пускаться в пляс; 2) неужели у рабкоров не было других средств достать для семьи убитого товарища 50 коп. помимо отплясывания по этому поводу?» [14, с.11].

Мы можем только предположить, сколько сходных случаев оставалось неизвестными. Поневоле задумаешься, что же еще, кроме повсеместного запрещения балов, можно было сделать, чтобы не допускать подобных поступков представителей рабочей интеллигенции.

С этой точки зрения уже невозможно однозначно отнестись к запрещению Моссоветом в 1924 году танцев в общественных местах [6, с.76]. В первую очередь, это запрещение, конечно, было вызвано желанием уменьшить возможности нэпманов открыто предаваться радостям жизни в ресторанах, кинотеатрах и прочих публичных местах, чтобы пролетарская среда не так чувствовала разницу в образе жизни. К тому же время гражданской войны и послевоенного голода уже прошло, поэтому трудно было добиться денежных отчислений за проведение танцев в государственную казну. Мы говорим о деньгах, потому что в начале 1920-х годов было широко распространено правило брать деньги с проводящих бал в пользу голодающих. В Москве занимались этим такие организации, как Наркомпрос (Народный комиссариат просвещения), Моссовет (Московский городской совет), Губрабис (Губернский профсоюз работников искусств), МОНО (Московский отдел народного образования), Губкомпомгол (Губернский комитет помощи голодающим) и Губполитпросвет (Губернский комитет политического просвещения) [20, с.1].

Этими организациями велась целая переписка перед разрешением проведения бала. Обложению в пользу голодающих подлежали не только балы и танцевальные вечера, но также и поздние часы работы в ресторанах. Желаящие устроить бал должны были обращаться заранее в письменном виде в Отдел управления Наркомпроса. Эта просьба отправлялась на рассмотрение специальной комиссии, составленной из представителей вышеназванных организаций, которая и принимала решение о разрешении проведения бала и о количестве отчислений [20, с.1].

Если же бал устраивался без соответствующей визы, то достаточно быстро в ту организацию, где он был устроен, поступал запрос с требованием явиться в Губполитпросвет с объяснениями [20, с.6]. Провинившихся, как правило, ждал высокий штраф, а также запрет на проведение балов в течение какого-то времени.

Тем не менее отношение к общественному танцу все время оставалось противоречивым. С одной стороны, его мало допускали в практи-

«НАПРЯЖЕННАЯ ДИНАМИКА ЭПОХИ»

ку, но и не запрещали совсем, всесторонне критиковали, но получали отчисления с проведения балов, ругали модные западные новинки и радели за распространение современной танцевальной музыки. Руководители советского государства позволяли себе различные высказывания в адрес танца, что в очередной раз иллюстрирует значимость этой проблемы. Так, например, председатель ВЦСПС (Всесоюзный Центральный совет профессиональных союзов), член Президиума ВЦИК (Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет) М.П.Томский в одном из своих выступлений заявил, что танцевать не возбраняется даже коммунисту, если он молод, здоров и умеет танцевать. После высказывания Томского в «Крокодиле» появилась карикатура, где были изображены четыре танцующие пары с ярко выраженным портретным сходством.

«В верхней паре слева тт. Томский и Рязанов танцуют "хиавату" (танцуют, как известно, в разные стороны).

Справа тт. Калинин и Ларин пляшут вприсядку ("Присядьте, уважаемый товарищ").

Внизу: тт. Клара Цеткин и Радек пляшут русскую (к сожалению, на немецкий манер).

Рядом – т. Луначарский со своим любимым партнером Крокодилом исполняет "хавтайм" (по-комсомольски "хватай". Кто кого хватает – не выяснено)» [21, с.13].

Подпись к рисунку гласила: «...что было бы, если бы старая гвардия умела танцевать». Маленький рисунок, короткая надпись, а смысла много. Во-первых, карикатура с явным политическим подтекстом. Во-

вторых, наводит на размышления фраза о неумении танцевать старой гвардии. Уж старая-то гвардия, получившая образование в дореволюционной России, все эти танцы исполнять безусловно умела. Пометка эта должна была подчеркнуть незначительность вопроса общественного танца. Если руководители, авторитетные лица не танцуют, то тогда зачем танцевать и другим? В-третьих, подвергался сомнению тезис Томского о том, что коммунисту можно танцевать. А если он при этом будет карикатурно смешон?

**Общественный танец
и советская женщина**

Особенно важным вопрос об общественном танце был для женщины. Мы знаем, что в течение всей предшествующей истории человечества танец был единственным способом женского физического воспитания. В XX веке ситуация изменилась. Женщина стала заниматься спортом, гимнастикой, но танец все так же был ей необходим. По мнению врачей, танец для женщины был важен в том отношении, что он в отличие от спорта, например, укреплял и тренировал именно те мышцы, которые нужны были женщине для выполнения ее главной функции – рождения детей [6, с.11]. Кроме того, занятия танцем сопровождалось всегда чувством удовольствия, что так же благотворно влияло и на физическое, и на психическое здоровье женщины. В советской стране это было тем более важно, потому что женщина стала равной в правах с мужчинами и поэтому всесторонне старалась использовать предоставленные ей теперь возможности. Поэтому, даже с точки зрения психологического удовлетворения женщины от осознания своего равенства, общественному танцу была уготована особая судьба в новых исторических условиях. Если рассуждать в этом направлении, то в условиях равенства женщина по советской логике должна была категорически отказываться от тех правил, которые бытовали в сфере дореволюционного бального танца. Речь идет о рыцарском преклонении мужчины перед женщиной, о его преувеличенном внимании к ней на балу, стремлении угодить и о разных танцевальных партиях. В новых социальных условиях эмансипированная женщина должна была претендовать на равенство даже в области танца, избегать «унижения» со стороны мужчины подчеркнутым преклонением и стремиться к одинаковым танцевальным движениям. Иными словами, из общественного танца должна была быть решительно изъята вся «салонность», а включена особая физкультурность.

При всем понимании сложности и важности проблемы вопрос о том, какой же танец должен был исполняться на вечеринках советских людей, оставался практически открытым. При официальной критике одних танцев, интерес к которым был огромен, пропаганде других, которые уже устарели, попыткам найти нечто совсем новое, малопонятное обывателю, выросшему еще до революции, вырисовывалась общая картина отношения к танцу как к средству физического воспитания. Это стихийно началось еще в начале XX века, но реальное обоснование приобрело в деятельности Хореолаборатории ГАХН, которая предложила использовать общественный танец в качестве элемента художественной физкультуры пролетариата. Конкретной разработкой вида этого общественного танца, а именно массовой пляски или физкультуртанца, стала заниматься во второй половине 1920-х гг. секция по пляске Научно-технического комитета Всесоюзного Совета физической культуры (НТК ВСФК).

Библиографический список

Список сокращений:

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области.

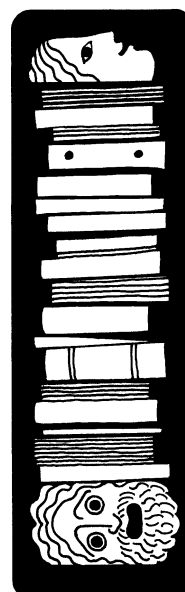
1. Блом В. Фокстрот – танец и музыка // Жизнь искусства. 1925. №31. С.4–5.
2. Богданов А.А. О пролетарской культуре. М., 1925. С.120.
3. Брик О.М. Судьба танца // Зрелища. 1922. № 23. С.10.
4. Встречи с прошлым. М., 1976. С.137–138.
5. Гайк Адонц. Новый вид порнографии. Танец фокстрот // Жизнь искусства. 1923. №37. С.1–2.
6. ГАРФ. Ф.7576. Оп.3. Д.4. Л.3, 27, 76.
7. Горький А.М. О музыке толстых // Собр. соч. в 30-ти томах. Т.24. М., 1953. С.351.
8. Касьянова Е.В. Пути развития советской бальной хореографии. М., 1987. С.5.
9. Катаев В. Берлин веселится // Собр. соч. в 10-ти томах. Т.10 М., 1986. С.160.
10. Луначарский А.В. Речь на юбилее Е.В. Гельцер // Культура театра. 1921. №4. С.56–58.
11. Недоброво В. Кунсткамера мещанина // «Жизнь искусства», 1925. №31. С.10.
12. Нива. 1906. №4.
13. О салонном танце // Театр и музыка, 1923. №25.
14. Отплясывающие рабкоры // Крокодил. 1924. №22. С.11.
15. От фокстрота к «Яблочку» // Зрелища. 1924. №25. С.5–6.
16. Пролетарская культура. 1918. №5. С.32
17. РГАЛИ. Ф. 645. Оп.1. Д.337. Л.13, 18., 20, 21.
18. Русская эпиграмма. М., 2000. С.244–245.
19. Спектакль Ирмы Дункан // Театр и музыка. 1923. №10. С.786.
20. ЦГАМО. Ф.966. Оп.3. Д.31 Л.1, 6.
21. Что было бы, если бы... // Крокодил. 1924. №26. С.13.
22. Шлиффер Д.О. Современный танец. М., 1937. С.5.

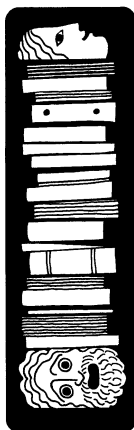
Фантазерское состояние ума,
обычное во всем среднем
образованном кругу нашем,
достигает высшего выражения
у революционеров.

Л.А.Тихомиров

**Русская революция есть последнее
действенное и всенародное
проявление нигилизма.**

С.Л.Франк

Татьяна Филиппова

«... ДЛЯ "ВЕЛИКОЙ
РОССИИ" ВСЕГО-ТО
ПОНАДОБИЛОСЬ
ЧЕТЫРЕ ГВОЗДЯ...»

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ РЕВОЛЮЦИИ
1917 ГОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЖУРНАЛЬНОЙ САТИРЕ

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК

94(47) "1917–1918"

Статья основана на анализе русских сатирических журналов («Новый Сатирикон», «Пугач», «Бич», «Стрекоза» и др.), издававшихся в революционные месяцы 1917 – начала 1918 гг., их общественной позиции и политических оценок революционного кризиса в России. В центре внимания находятся «женские» образы триады «Россия – Революция – Свобода» как метафоры революционных перемен. Исследование свидетельствует: российская политическая сатира эпохи в ее основных жанрах представляет собой ценный исторический источник, поскольку в образной форме демонстрирует способ апроприации обществом опыта революционных перемен, обеспечивая исследователя инструментом проникновения в структуры повседневности революционного кризиса 1917–1918 годов.

The article is based on the analysis of Russian satiric journals ("Novyj Satirikon", "Pugach", "Bich", "Strekoza", etc.), of their public position and political esteems of the revolutionary crisis in Russia. The central point of the study – the feminine images of the triad "Russia – Revolution – Liberty" as metaphors of the revolutionary changers. The research attests: Russian political satire of the epoch in its main genres is a very valuable historical source because it demonstrates in a form of the images a way to appropriate by the society the experience of revolutionary changes and so provides a researcher with the instrument to penetrate the structures of everyday life in times of revolutionary crisis of 1917–1918.

Ключевые слова: Революция 1917 года; сатирическая печать; «Стрекоза»; «Бич»; «Пугач»; «Новый Сатирикон»; русская журналистика; имагология; женские образы; большевики; Брест-Литовский мирный договор.

Key words: The Revolution of 1917; satirical press; "Strekoza"; "Bich"; "Pugach"; "Novyj Satirikon"; Russian journalism; imagology; feminine images; the Bolsheviks; Brest-Litovsk peace treaty.

E-mail: filipova2006@yandex.ru

Русская сатира эпохи Великой революции 1917 года – явление уникальное для истории отечественной культуры и общественной мысли. В лице своих наиболее профессиональных, стабильно выходивших изданий («Стрекоза», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Бич», «Бомба», «Пугач», «Кривое зеркало» и др.) она прочитывается как своеобразная «летопись» революционных событий, ироничная до сарказма «автобиография» российского общества эпохи небывалых перемен. Ведь любой создаваемый художником образ – это всегда «немного о себе»¹.

В ряде работ обзорного и проблемно-тематического характера в отечественной и зарубежной историографии сатира первых десятилетий XX века до некоторой степени привлекала внимание исследователей (правда, чаще в контексте событий Первой мировой войны) [12, 24, 8]. Концептуализация психоисторических и культурно-антропологических подходов, разработанная и примененная В.П.Булдаковым к масштабному документальному материалу Великой войны и Великой революции, во многом помогает выявить значимость сатирического взгляда на революционные события в России [3, 4]. В целом же, история изучения данной проблематики достаточно фрагментирована и носит междисциплинарный характер. В ней присутствуют работы литературоведческого и культурологического характера [16, 7, 20, 15, 18] и – в меньшей степени – собственно исторические исследования. Как правило, они широко охватывают состояние общественно-политической мысли и роль журналистики, в меньшей степени концентрируясь на жанре сатиры [22, 23, 9, 5]. Карикатура и сатирический рисунок революционного времени, воссоздающие наиболее яркую, гротескно заостренную версию революционных событий 1917–1918 годов, лишь в последние годы становятся объектом фронтального историко-источниковедческого анализа [21, 6, 19, 1].

Стилистика русского модерна, проникнув и в этот художественный жанр, позволила писателям, журналистам, художникам и поэтам той поры изобрести новый язык общения с читателем. Стихия смеха стала

¹ Месяцы между февралем и октябрём 1917-го – по контрасту с прежней эпохой – дают настоящий взрыв свободы журналистского самовыражения. По Закону о печати (27 апреля 1917 г.) издания любых политических направлений могли в России публиковаться беспрепятственно. Но с середины – конца лета 1918 г. жесткий курс новой власти приводит к исчезновению самого предмета нашего интереса – сатирической журналистики старой России.

актуальным пространством осмысления внутреннего кризиса и внешних проблем, жесткой критики старой власти, робких надежд на революционное обновление и горьких разочарований в его итогах. Финальные сражения Великой войны и начало Великой революции во многом «сдвинули» координаты оценок действительности: репертуар сатирических сюжетов менялся в зависимости от очередного поворота политического «штурвала» внутри страны и хода событий на полях сражений. Новые кумиры, рожденные революцией, возвышались и падали в общественном мнении, новые страхи подпитывали старые фобии, ожесточали души, будоражили умы²...

Однако было бы упрощением видеть в критической риторике сатириков и карикатуристов (в отличие от других слоев творческой интеллигенции) той эпохи лишь ротацию объектов вражды и сарказма по политическому признаку [14, с.170–174]. Пространство сатирической рефлексии на революционную тему было значительно объемней и сложнее, анализ его предполагает подключение социокультурной и психоисторической «оптики» при взгляде на визуальные образы революционных событий в России. Анализ языка описания и трансляции этих образов свидетельствует о том, сколь значимы в нем были гендерные аллюзии и метафоры, причем играли они зачастую двойственные – если не сказать полярные – роли. И если в отношении уходящего в историческое небытие режима Романовых они были однозначно негативны, подпитываясь обывательской ксенофобией и архаичной женофобией [10, с.366–370] как реакцией на общий социальный и духовный кризис («царица-злодейка», «распутная немка», «германская шпионка»), то в трактовке новой, послефевральской власти женские (по своей визуальной природе) образы «России–Революции» оказались более сложными и насыщенными разнообразной символикой.

² Характерно, что все наиболее популярные у читающей публики тогдашние сатирические издания можно с известной долей условности отнести к журналам либеральной направленности. Не «высокий» либерализм партийно-политической борьбы, а, скорее, повседневное свободомыслие интеллигентской массы, образованных горожан, читающей провинции определяли настроение сатирических публикаций этого круга изданий. В противовес официальной плакатной пропаганде военного времени и правой, черносотенной прессе, настрой создателей большинства упомянутых изданий более всего отвечал политической культуре отечественного либерализма (в значении умеренного свободомыслия).

«Дева Революции», «Родина-Свобода», «Россия-жертва» – эти и подобные им риторические обозначения, далекие, казалось бы, от жанра сатиры, наводнили страницы сатирических журналов, отражая самое высшее и самое низменное, самое многообещающее и безнадежное, самое любимое и ненавидимое в переживаемой обществом эпохе, позволяя ощутить всю напряженность критической рефлексии сатириков.

На протяжении 1917–1918 годов в символике журнальных публикаций единый образный ряд – «Россия – Революция – Свобода», со всеми своими визуальными метафорами, драматически видоизменялся. За ним поначалу чувствовалась гордость интеллигента за свою страну, ее способность свергнуть ненавистное «иго Романовых». Со временем симбиоз смыслов, связанный с «женскими» визуальными и нарративными образами революции, развивался, очень точно фиксируя «своеобразие текущего момента», как выразился бы Владимир Ильич Ленин.

Мы видим, как по страницам весенних номеров 1917 года победно шествует красавица «Россия»; под стягом с надписью «Свобода» она выводит из узилища рабочего и солдата; в образе русской боярышни дает отпор чиновникам-лихоимцам, античной героиней проходит маршем на фоне красных полотнищ по Петрограду, гордо освобождается от пут бюрократии [17, 1917, №14, с.2; 2, 1917, №28, обложка; 17, 1917, №15, с.10]. Но пройдет время, и сатирики – кто с досадой, кто с гневом – выразят свое разочарование в стихии революции. Уже летом 1917 года журнал «Бич» посвятит целый номер теме печальной эволюции российской «Свободы», превращающейся в собственную противоположность. И если на обложке июльского номера мы видим Россию, «Деву Революции» – прекрасный облик освобождения, навеянный историческими образами революционной Франции (подпись: «27 февраля»), то на последней странице обнаруживаем то, во что обратилась желанная «Дева», – наглую базарную бабу со словами «Демократическая республика» на грязном подоле (подпись: «3–4 июля») [2, 1917, №28, обложка, с.16].

Между этими двумя образами – этапы разрушения интеллигентского идеала свободы. Характерный пример злой иронии по этому поводу: из сатирических стихов на злобу дня мы узнаем, как главные персонажи эпохи – «Вася» (революционные партии) и «Муся» (обнаглевшая чернь), – расправившись с либералами, приступают к главному делу:

А затем – финал прекрасный:

Флаг по ветру плещет красный.

Реквизировав усадьбу,

Вася с Мусей правят свадьбу [2, 1917, № 28, с. 8].

Ощущая углубление кризиса, сатирики теряют способность выдерживать стилистику жанра: слишком тяжкие испытания становились повседневным контекстом их работы. Образ родины требовал отныне других красок. Стихи в журнале «Бич», опубликованные по живым следам провала июньского наступления силами Юго-Западного фронта, отражают боль, свободную от профессионального сарказма:

*Уму отчизна – шар земной, но сердцу родина иная:
Истерзана лихой войной Россия, мать моя больная!
Бегу на первый громкий клич: а вдруг спасет от лютой пасти?
И сатирический свой бич ломаю с бешенством на части [2, 1917, №28, с.10].*

Впрочем, образ охваченной смутой страны вызывает у сатириков и другие чувства: торжество низменной стихии, вседозволенность, потеря культурного лица как последствия революционного кризиса оскорбляют патриотические чувства отечественных журналистов.

С возмущением пишут они о мусорном последствии «свободы» от порядка – горах подсолнечной шелухи на улицах Петербурга и Москвы. Эта бытовая привычка черни становится в глазах сатириков симптомом одичания и разрушения культуры повседневности. Если потребуется одним словом ответить на вопрос, что подельывают сейчас в России, то можно сказать с уверенностью: «плюют!», – с горечью констатируют они [13, 1917, №11, с.4, 11]. Плюют и на попытки новой власти наладить новую жизнь, плюют на патриотическую задачу укрепления фрон-

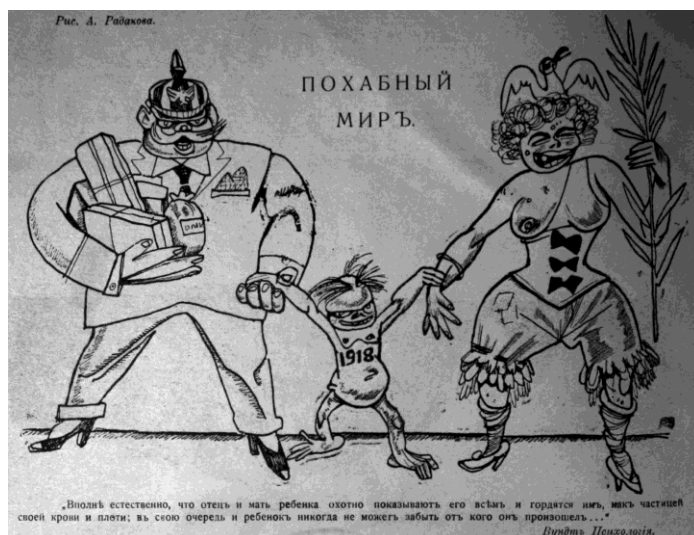
«...для "Великой России" всего-то понадобилось четыре гвоздя»

та, плюют на выходки анархистов и провокации большевиков, на разгул бандитизма на улицах городов и беспорядки в деревне...

На фоне этой реальности женский облик российской «Свободы» печально меняется. На карикатуре с подписью «Мезальянс» автор обыгрывает узнаваемые литературные образы: «Революционная Свобода» – полуобнаженная грустная красавица во фригийском колпаке – обращается к читателям, отвернувшись от мелкого урки, крепко ухватившего за руку свою «избранницу»: «Уж и не разберу я, добрые люди, то ли я за этим фартовым доброй волей иду, то ли мы с ним репетируем для кинематографа андреевскую "Бездну"?» [2, 1917, №21, с.13].

Октябрьские события 1917 года еще более драматизируют тему «Россия – Революция – Свобода», из формулы которой окончательно исчезает третья составляющая. Авторы большинства сатирических изданий бросают гневное обвинение большевикам: как правящая партия «национальной измены» они приближают страну к полукOLONIALному статусу. Именно внешняя политика большевистского руководства становится к концу 1917 года главным объектом их критики.

Декабрьское перемирие с Германией и ее союзниками, заключенное большевистским правительством, вызывает бурную реакцию в сатирической печати. «Дева Революции» под пером карикатуристов превращается в распутную девку, «нагулявшую» от «германца» отвратительного «ублюдка». Брестский («похабный») мир будет заключен еще через два месяца.

ца, но сатирики, предвидя будущее, уже изобразили в новогоднем номере «Нового Сатирикона» этот плод греховного альянса – мерзкого уродца, наследовавшего худшие черты своих «родителей» [11, 1918, №1, с.2].

На другом полюсе символического пространства появляется трагический образ «Революции» – истощенной до предела, оборванной и израненной женщины в неизменном фригийском колпаке. Она безуспешно пытается спастись бегством от заседающей за столом компании – лидеров российской социал-демократии. При этом большевик (по принципу – с больной головы на здоровую) гневно обвиняет интеллигентов в том, что те «вонзают нож в спину революции», а при этом сам вонзает ей нож в живот... [11, 1918, №2. С.12].

Специальный мартовский номер 1918 года «Нового Сатирикона» под девизом «Сделано в Германии» идет дальше, живописуя ужасы грядущего порабощения России в результате «брест-литовского предательства». Следует серия карикатур, одна унижительней другой: то немецкий чиновник ставит свое тавро на теле русского крестьянина – «годен в пищу» [24, 1918, №5, обложка], то германский офицер с кнутом в руках пашет землю на пленном русском солдате [11, 1918, №5, с.16], то два немца-колонизатора после успешного отстрела негров в Африке подбадривают друг друга: «Пустяки. Перейдем на белое мясо. Еще русские остались» [11, 1918, №5, с.3].

«...для "Великой России" всего-то понадобилось четыре гвоздя»

В итоге Россия все однозначней предстает в образе Жертвы – ее крестный путь уже начался...

А где же совесть нации, «просвещенное общество», «люди с либеральными убеждениями», «передовая интеллигенция»? «Иных уж нет, а

те далече». Оставшиеся же – в добровольном маразме пьянства и оупения от октябрьского шока и его последствий. О них – убийственно самокритичный фельетон Аркадия Аверченко на фоне жутковатой футурологии русского будущего «под немцами». К соотечественникам (да и к самому себе!), проспавшим, проглядевшим, заболтавшим в пустых спорах Россию, его язвительное обращение в номере «Нового Сатирикона», посвященном Брестскому миру: «Вы, пьяницы, гуляки, алкоголики... Вы, русские забубенные головушки... Что? – Одна нога в ботинке, другая босая, волосы в пуху, голова разваливается от боли, а кривое зеркало над кроватью кажет огромный кровоподтек между ухом и глазом... Ф-фу!..» [11, №5, с.16].

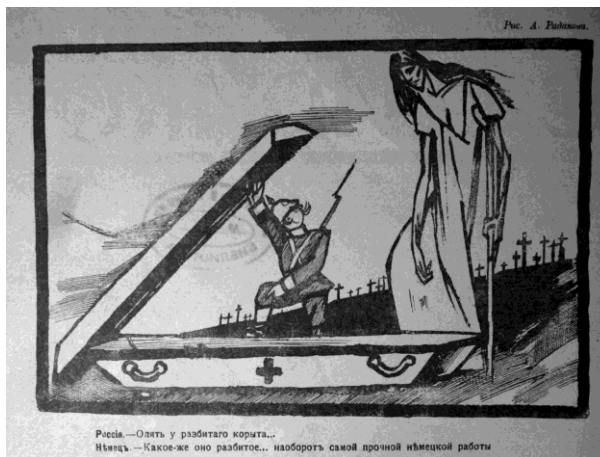
Столь же самокритично звучат и размышления сатириков об истоках бед страны. Равнодушие, страх, безволие русского общества, в т. ч. и интеллигенции, перед лицом великого исторического испытания трактуются как тавро «обывателя», его мелкого социального эгоизма перед лицом революционного экстремизма. Поэт Всеволод Бастучин сочиняет на эту тему стихи, рисуя «портрет» обывательской среды, чье поведение и есть одна из причин безнаказанности большевиков:

*Слухи носят безобразные, – будто скоро Русь вся развалится.
Ну, да я и Русь – вещи разные, мне-то не о чем тут печалиться.
Пусть все рухнет и стране родной хоть сейчас грозит участь страшная, –
Хорошо б жилось только мне одной, остальное все – вещь пустяшная.
В общем, скучно мне, извелася я – мир, аннексия, контрибуция...
Подремлю-ка я... Разбуди меня, когда кончится революция*
[11, 1918, №3, с.3].

А в то время, пока равнодушный обыватель надеется, что его-то беда минует, бережливый немец с удовлетворением подмечает, распиная Россию на кресте: «Как славно! Для "Великой России" всего-то понадобилось четыре гвоздя...» [11, 1918, №5, с.6].

Этот рисунок – квинтэссенция гнева сатириков по поводу Брестского мира, когда российское общество почувствовало себя в замкнутом кольце измены, воплощением которой стала политика как таковая – от «предательского» курса Романовых до «германофильской» тактики большевиков. На другом рисунке «Россия» – нищенка в рубище и на костылях – сетует, что оказалась «у разбитого корыта». «Немец» же педантично уточняет назначение деревянного предмета, к которому он любезно подзывает «старушку», – гроб «самой прочной немецкой работы» [11, 1918, № 5, с. 2].

«...для "Великой России" всего-то понадобилось четыре гвоздя»

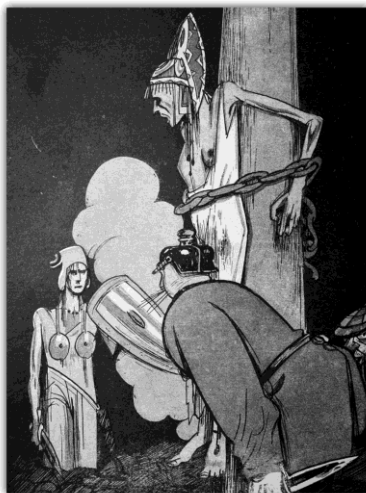

Один из летних номеров «Нового Сатирикона» за 1918 год (к тому времени лишь этот сатирический журнал старой России выходил в свет) носит символический подзаголовок – «О прекрасной Франции». Между этим выпуском и тем, что был посвящен сепаратному миру с Германией, – череда событий, означавших для сатириков падение России в пропасть. Потеря территорий по периметру стремительно сжимавшихся границ, высадка англичан в Мурманске, бои союзников в Пикардии, японский десант во Владивостоке, занятие германскими войсками Крыма, гетманство Скоропадского на Украине, переход Грузии под герман-

ский протекторат, затопление кораблей Черноморского флота в Новороссийске, наступление германских войск на Марне...

Но пока идут бои, и только грядет победа англо-французской армии в Амьенской операции. Соппротивление Франции (также визуализированной в женском образе) последнему крупному германскому наступлению на западном фронте воспринимается создателями журнала как «рука помощи», благородно протянутая гибнущей России. Борющаяся Франция (скорее, как метафора, чем реальная страна) становится для сатириков, истосковавшихся по героическому образу, символом не реализованной в России мечты – о свободе, демократии, патриотизме, гражданском достоинстве. Все эти доблести навсегда покинули российские пределы, за них сражаются другие – союзники, преданные властью большевиков, властью «внутренней и внешней измены». И уже не столь важно разбираться – «ленинцы» использовали германскую помощь для прихода к власти или это Германия использовала их для выведения России из войны. Интрига и предательство оказались лишь надводной частью айсберга глубочайшего внутреннего кризиса, потопившего корабль прежней России.

Последний, прощальный женский образ, которым завершает свою историю сатирическая журналистика революционного времени, полон горечи и боли. Истощенная, израненная «Россия», прикованная к позорному столбу, беспомощно, но с надеждой смотрит на «Францию», в дыму сражений продолжающую свой бой: «Идущие на смерть приветствуют тебя» [11, 1918, №15, с.6].

Динамика темы «Россия – Революция – Свобода», перемены в конкретных образах и объектах критики на страницах отечественной сатиры 1917–1918 годов позволяют судить о глубинных мировоззренческих рефлексиях значительной части российского общества. Противоречивость и неоднозначность оценок, драматизм интерпретаций при впечатляющем единстве образного ряда и риторики – именно таким видится состояние российской сатиры, столкнувшейся с задачей осмысления беспрецедентного кризиса в истории страны. В работах сатириков звучала не только боль от несбывшихся мартовских надежд на обновление, но и осуждение политического радикализма, питающего хаос и подпитывающегося им.

На этом фоне трагическая эволюция «женских» образов «России–Революции» – от «прекрасной девы» к «гулящей девке», от «нерадивой матери» к «жертве-страдалице» – убедительно свидетельствовала о направленности символической трактовки происходивших перемен. «Мужские» контробразы эпохи – «большевики-предатели» и действующие с их помощью «немцы», выступавшие по отношению к «Деве Революции» в роли соблазнительей и обманщиков, насильников и палачей – поддерживали «женскую» риторическую трактовку упомянутых образов, придав им в итоге особый апокалиптический драматизм и финалистский настрой.

За этой стихией «несмеющегося смеха» (по бахтинскому выражению) – от жесткого сарказма в адрес политических противников до истерического хохота над собственными наивными надеждами – стояли и наспех осваиваемый опыт политической аналитики, и работа над собственными ошибками. На финальной стадии критического осмысления уроков войны и революции приходит понимание факта: в катастрофе 1917–1918 годов что «германец», что «большевик» – лишь носители зла, победившего при попустительстве внутренних сил, пресловутых «двух крайностей», погубивших демократическую альтернативу в России, – властолюбивого самодержавия и левого радикализма. Но и с себя журналисты не снимали вину за перерастание военной драмы в революционную трагедию, разделяя ее с наиболее ответственной частью российского общества. Признание этого факта требовало от отечественных сатириков гражданского мужества и профессиональной честности. В способности увидеть в объекте критики отражение собственных слабостей, ошибок и грехов состоит профессиональный и гражданский вклад российских сатириков в историю общественной мысли эпохи.

* * *

Тогда, в преддверии перерастания революционного кризиса в гражданскую войну, круг сатирического восприятия действительности замкнулся, обратив оружие журналистов против них же самих. Стихи новосатириконовского автора в одном из последних номеров журнала – о горьком феномене революции, сумевшей превратить прежнее общество в глумливую пародию на самое себя:

*Какой жестокий Мефистофель
Карикатурой сделал нас? –
Мы все свободны – только в профиль,
Но подневольны все – в анфас...
На тризне ли, на катастрофе ль
Пустьится время в бурный пляс?
Ведь «гражданин свободный» в профиль –
Лишь верноподанный – в анфас!..*
[11,1918, №8, с.3].

Библиографический список

1. Баратов П.Н., Филиппова Т.А. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М., 2014.
2. «Бич». Сатирический еженедельник. 1917–1918.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
4. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917. М., 2015.
5. Голиков А.Г. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник МГУ. Серия: История. 2011. №4. С.51–71.
6. Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX– XX веков в политической карикатуре. М., 2010.
7. Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконовцы М., 1968.
8. Колоницкий Б.И. Метаморфозы германофобии. Германия и Россия в XX веке // Германия и Россия в XX веке. В 3 т. Т.1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М., 2010. С.97–114.
9. Колоницкий Б.И. Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.
10. Колоницкий Б.И. Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) // Вестник истории, литературы, искусства. Отд-ние ист.-фил. наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2005. С.362–378.
11. «Новый Сатирикон». Сатирический еженедельник. 1917–1918.

«...для "Великой России" всего-то понадобилось четыре гвоздя»

12. Поршнева О.С. Внешний враг в сознании народных низов России в период Первой мировой войны // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Материалы международной научной конференции. СПб., 2001. С.166–168.
13. «Пугач». Художественно-сатирический еженедельник. 1917–1918.
14. Репников А.В. 1917 год в зеркале сатиры, дневниках и воспоминаниях современников // Россия XXI. 2017. №1. С.160–186.
15. Спиридонова Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1993.
16. Стернин Г.Ю. Очерки русской сатирической графики. М., 1964.
17. «Стрекоза». Сатирический еженедельник. 1917.
18. Феноменология смеха. Карикатура, пародия, гротеск в современной культуре: Сб. статей Российского института культурологии. М., 2002.
19. Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.
20. Финягина Н.П. Сатирическая графика как исторический источник // Труды НИИ культуры. Т.11. М., 1974. С.128–207; Русская сатира и юмор второй половины XIX – начала XX в. М., 1988.
21. Filippova T. Von der Witzfigur zum Unmenschen – Die Deutschen in den Kriegsausgaben von “Nowyj Satirikon” und “Krokodil” // Traum und Trauma. Russen und Deutsche im 20. Jahrhundert. Wilhelm Fink Verlag. 2003. S.92 – 108.
22. Jahn H. “Kaiser, Cossaks and Kolbasniks”. Caricatures of the German in Russian Popular Culture // Journal of Russian Popular Culture. 1998, Spring. S.126–132.
23. Jahn H. Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaca. London, 1995.
24. Norris S.A War Time Images. Russian Popular Prints. Wartime Culture and National Identity. N. I. Univ. Press. 2006.

Наши авторы

Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института
русской истории РАН

Корнеев Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой исторических
наук Московского государственного лингвистического
университета

Козлов Ярослав Владиславович

историк-исследователь

Наумов Олег Николаевич

доктор исторических наук, профессор Московского
государственного областного университета, действительный член
Международной академии генеалогии во Франции

Киселев Михаил Александрович

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института
истории и археологии Уральского отделения РАН

Костырченко Геннадий Васильевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института
русской истории РАН

Жбанкова Елена Васильевна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
региональных исследований факультета иностранных языков
и регионоведения, МГУ имени М.В.Ломоносова

Филиппова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН
и Института русской истории РАН

Our authors

Iskhakov Salavat Midkhatovich

D.Sci., historian, Leading Researcher,
Institute of Russian History, RAS

Korneev Vladimir Vladimirovich

Ph.D., historian, Head of the Department
of Historical Sciences of the Moscow State Linguistic University

Kozlov Yaroslav Vladislavovich

historian-researcher

Naumov Oleg Nikolaevich

D.Sci., Professor of Moscow State Regional University,
full member of the International Genealogy Academy in France

Kiselev Mikhail Aleksandrovich

Ph.D., historian, Researcher of the Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Kostyrchenko Gennadiy Vasil'evich

D.Sci., historian, Leading Researcher,
Institute of Russian History, RAS

Zhbankova Elena Vasil'evna

D.Sci., Associate Professor,
Professor of the Department of Regional Studies,
Faculty of Foreign Languages and Regional Studies,
Moscow State Lomonosov University

Philippova Tatiana Aleksandrovna

Ph.D., Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies of RAS
and the Institute of Russian History of RAS

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

**Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
(подписка возможна с любого месяца)**

**Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12
e-mail: info@periodicals.ru**

**Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru**

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ:

**Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
kurilenkova@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2**

**Кроме того журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой по всей России или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
сайт www.hamlet.ru**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2017.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 18.10.2017. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11.75 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 300 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

5. 2017 september-october

National Doctrine

Salavat Iskhakov

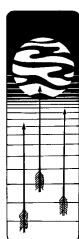
«We are Working not only for all Muslim World Sake
but for Sake of all Humankind» _____ **6**

Label and Myths

Vladimir Korneev, Yaroslav Kozlov

On Financial Aspect of “The Pravda” Newspaper
Publishing (March–May 1917) _____ **42**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Oleg Naumov

October, 1917, and the Genealogic Culture
of the Russian Gentry _____ **72**

Pages of History

Mikhail Kiselev

“According to Rights of the Entire World”.
Legitimation of the 1741 Palace Coup
and the Problem of Elizabeth Petrovna
Accession’s Legality _____ **98**

Gennadiy Kostirchenko

Brezhnev and the Jewish Question:
Emigration and Passions around the
Jackson-Vanik Amendment _____ **118**

Elena Zhabankova

“The Strung-up Dynamics
of the Epoch”: the Dance
as a Peculiar Form of Ideological
and Physical Education of the First
Post-Revolutionary Years _____ **148**

Topical Archive

Tatiana Filippova

“For “Great Russia” Only Four Nails
are Needed”: Female Images
of the 1917 Revolution in Domestic
Journalistic Satire _____ **170**